

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1887.

№ 12.

ІЮНЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству. Историческое изслѣдованіе (продолженіе). А. Вертеловскаго.	865—880
Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществомъ? (продолженіе). В. Ковалевскаго	881—898
Основныя задачи нашей народной школы. Библиографическая замѣтка по поводу брошюры: „Задачи русской народной школы“. Н. Горбова. Москва. 1887. К. Истомина.	899—936
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:	
Метафизическій анализъ рациональнаго познанія (продолженіе). Профессора Московской духовной академіи В. Бударявцева	557—574
Различныя направленія нѣмецкой философіи послѣ Гегеля въ отношеніи ея къ религіи (продолженіе). И. Петрова	575—598
Изреченія древнѣйшихъ греческихъ мыслителей, выбранныя изъ сочиненій Діогена Лаэртія, Плутарха, Стобея и др. (окончаніе). И. К.	594—599
III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе: Опредѣленія Святѣйшаго Синода. -- Разрядный списокъ воспитанниковъ Харьковской духовной семинаріи за 1886/7, учебный годъ.—Краткій отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища за тотъ-же годъ.—Списокъ воспитанницъ Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища за тотъ-же годъ.—Разрядный списокъ учениковъ Харьковскаго духовнаго училища за тотъ-же годъ.—Разрядный списокъ учениковъ Ахтырскаго духовнаго училища за тотъ-же годъ.—Разрядный списокъ учениковъ Купянскаго духовнаго училища за тотъ-же годъ.—Епархіальныя извѣщенія.—Отъ Совѣта Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленіе.	

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ОКРУЖНАГО ШТАБА, нѣмецкая, № 26.

1887.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяць, по восьми и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, въ конторѣ типографіи Окружнаго Штаба, Нѣмецкая, № 26 и въ книжныхъ магазинахъ В. и А. Бирюковыхъ и Д. Н. Полуехтова на Московской ул.; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Фералонтова; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Тузова, Садовая, д. № 16.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885 и 1886 годы, по прежней цѣнѣ, т. е. по 10 рублей за каждый годъ, и „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, по уменьшенной цѣнѣ, именно по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

. . Евр. XI. 3. .

Дозволено цензурою. Харьковъ, Юля 1 для 1887 года.

Цензоръ, Протоіерей Т. Павловъ.

ЗАПАДНАЯ СРЕДНЕВѢКОВАЯ МИСТИКА

ОТНОШЕНІЕ ЕЯ КЪ КАТОЛИЧЕСТВУ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ.

(Продолженіе *).

Въ описаніи порядка міротворенія Гуго не строго придерживается библейской почвы. Руководясь аллегорико-мистическимъ способомъ при изъясненіи библейскаго сказанія о сотвореніи міра, онъ отчасти склоняется къ древнему теософскому ученію о предсуществованіи душъ. И это ученіе обосновываетъ на субъективной теоріи о томъ, что творческая дѣятельность Бога, при созданіи видимаго міра, шла постепенно отъ высшаго къ низшему, такъ что твореніе человека, какъ разумно-свободнаго существа, (по его духовной природѣ) предшествовало созданію видимаго міра. „При твореніи первое мѣсто занимаетъ разумная тварь, потомъ видимый міръ, чтобы въ немъ разумная тварь познавала то, что она внутренно получила отъ Творца. Этотъ порядокъ міротворенія, нисходящій отъ высшаго къ низшему, противопоставляется раціональному знанію, идущему отъ низшаго къ высшему, отъ чувственнаго къ разумному, отъ разумнаго къ непосредственному созерцанію Божества“ ¹⁾. Но по-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1887 г. № 10.

¹⁾ De tribus diebus c. XXI.

томъ, согласно съ священнымъ Писаніемъ, Гуго допускаетъ, что видимый міръ созданъ прежде человѣка и что человѣкъ въ порядкѣ творенія завершаетъ собою все сущее, являясь въ иномъ творенія, причиною и цѣлью созданной видимой природы, ибо божественная любовь создала міръ для человѣка.

Что ангелы какъ высшія духовно-разумныя существа имѣютъ преимущество предъ человѣкомъ, это Гуго признаетъ на основаніи твореній Діонисія Ареопагита фактомъ несомнѣннымъ. Но происхождение ангеловъ и раздѣленіе ихъ на добрыхъ и злыхъ представляетъ произвольно искусственно. „Съ матеріею чувственнаго міра была создана въ то-же время и матерія духовнаго міра—ангельскаго. Съ отдѣленіемъ свѣта отъ тьмы отдѣлились также злые ангелы отъ добрыхъ“. Число ангеловъ и имена ихъ коротко перечисляются по сочиненіямъ св. Діонисія Ареопагита, при чемъ устраняются всякія частныя искусственныя объясненія ихъ значенія, которыя допускаются другими богословами ¹⁾. Ангеламъ приписывается способность высшаго вѣдѣнія, или непосредственнаго созерцанія, приличествующаго имъ въ большей степени, чѣмъ человѣку. Они представляются посредниками божественнаго свѣта, изливаемаго на человѣка, по мѣрѣ его высшаго нравственнаго совершенства.

Представителемъ тварныхъ существъ въ видимомъ мірѣ является человѣкъ. Богъ создалъ человѣка для участія въ Своемъ блаженствѣ, между тѣмъ какъ всѣ прочія существа видимаго міра предназначены для пользы человѣка. Міръ долженъ служить человѣку, человѣкъ—Богу такъ однако, что самъ человѣкъ въ своемъ служеніи Богу долженъ находить свое блаженство, потому что Вседовольный Богъ не нуждается въ постороннемъ служеніи. Человѣку должно принадлежать какъ то благо, которое проистекаетъ отъ тварей, такъ и то, которое изливается свыше—отъ Бога; первое предназначено для его пользы, а послѣднее для наслажденія ²⁾. Такъ человѣкъ, хотя созданъ послѣ всѣхъ тварей,

¹⁾ Liebner 392.

²⁾ De sacramentis 1. prolog. 1. De tribus diebus. c. 8.

однако служить причиною ихъ существованія и отсюда вытекаетъ особенное достоинство его природы ¹⁾. Составъ природы человѣка опредѣляетъ особое положеніе его въ ряду другихъ тварныхъ существъ. По своей природѣ онъ занимаетъ центральное положеніе, имѣя выше себя Бога, а ниже—видимый міръ; по тѣлу человѣкъ принадлежитъ земному міру и связанъ съ нимъ, а по духу онъ принадлежитъ горнему міру и возвышается къ Богу. Низшее можетъ имѣть значеніе только по отношенію къ вышему. Видимый міръ можетъ имѣть для человѣка значеніе на столько, на сколько онъ возвышаетъ его мысли и чувства къ Невидимому ²⁾. Отсюда отирается высокое превосходство души человѣка предъ тѣломъ, какъ такого начала, въ силу котораго онъ можетъ стремиться къ непосредственному единенію съ Богомъ. Она создана по образу и по подобію Божію. Образъ Божій выражается преимущественно въ ея разумѣ, въ способности познавательной (*in cognitione virtutis*), а подобіе—въ любви къ истинѣ (*in amore virtutis*) ³⁾. Душа служитъ отображеніемъ Бога: силы ея представляютъ наибольшую аналогію съ Лицами Пресвятыя Троицы, какъ это уже видно изъ сказаннаго. Во взглядѣ на происхожденіе души Гуго склоняется къ креатинизму, допуская мысль о непосредственномъ ея твореніи Богомъ при рожденіи каждаго человѣка. Однако возвышеніе достоинства души не простирается у Гуго до отождествленія ея съ божественною сущностію, что замѣчается у Эригены и позднѣйшихъ нѣмецкихъ теософовъ. Гуго находитъ, что по сущности и своимъ свойствамъ тѣло стоитъ ближе къ духу, чѣмъ духъ къ божественной субстанціи. Обѣ эти составныя части природы человѣческой тварны, познаваемы, измѣняемы и конечны. Но не то замѣчается между Богомъ и духомъ человѣческимъ. Одно начало вѣчно, а другое—временно; одно неизмѣримо, а иное—постижимо; одно вѣчно равно самому себѣ, а дру-

¹⁾ Liebner 357.

²⁾ De tribus diebus c. 8.

³⁾ De sacramentis p. 6 lib. 1 cap. 2.

гое—измѣняемо; одно стоитъ въ области знанія, а другое не обнимается мыслию ¹⁾. Тѣло, какъ начало чувственное, стоитъ, однако, ниже души; въ силу своей матеріальности, оно по природѣ предназначено къ тому, чтобы до извѣстной степени ограничивать возвышенную склонность души къ созерцанію Бога. „Богъ связалъ разумныя души земными тѣлами, чтобы чрезъ такое уничиженіе разумныя существа познали, что они могутъ достигнуть возвышенія (въ созерцаніи Безконечнаго) только при помощи благодати и только при ея посредствѣ возрастать въ блаженствѣ. А чтобы уничиженнымъ разумнымъ существамъ связь съ тѣломъ не казалась безмѣрнымъ удаленіемъ отъ чистыхъ безплотныхъ духовъ, Богъ доставилъ имъ обѣтованіе будущаго прославленія тѣла по воскресеніи“ ²⁾. Такимъ образомъ Гуго отрѣшается отъ крайняго дуалистическаго взгляда на природу человѣка: выразительнымъ указаніемъ на имѣющее послѣдовать въ будущей жизни соединеніе воскресшаго и прославленнаго тѣла съ душою онъ признаетъ возможность человѣку всѣмъ существомъ, взятымъ въ цѣлостномъ видѣ, достигать единенія съ Богомъ. Нагляднѣйшимъ подтвержденіемъ возвышеннаго идеальнаго взгляда Гуго на тѣлесную природу человѣка служитъ аллегорическое представленіе связи души съ тѣломъ, какъ прообраза будущаго, таинственнаго единенія человѣка съ Богомъ ³⁾.

Первый человѣкъ, по ученію Гуго, былъ созданъ совершеннымъ по тѣлу и душѣ. Физическое совершенство перваго человѣка состояло въ томъ, что онъ не подлежалъ смерти, при чемъ тѣло его, неповрежденное грѣхомъ, могло служить орудіемъ для безпрепятственнаго осуществленія высшихъ и богоподобныхъ стремленій. Оно находилось въ нормальномъ гармоническомъ отношеніи съ духомъ. Духовное совершенство перваго человѣка состояло въ нормальномъ состояніи разума и воли. Въ частности особенность разума перваго

¹⁾ De tribus diebus cap. XII—XV.

²⁾ Liebner s. 395.

³⁾ De sacramentis l. 1. p. 6. c. 1.

человѣка состояла въ томъ, что онъ обладалъ совершеннымъ знаніемъ всего видимаго, могъ познавать Бога путемъ непосредственнаго созерцанія или въ силу внутренняго озаренія (*per praesentiam contemplationes, seu internam inspirationem*), обладалъ знаніемъ своей природы, опредѣляющимъ его обязанности по отношенію къ высшему, низшему и къ себѣ самому ¹⁾. Отличительная особенность его воли состояла въ полной способности выбора, въ полной возможности избѣгать зла и не грѣшнить (*posse non peccare*), такъ какъ въ самой чувственной природѣ еще не являлось вождельнія ко злу, дѣйствующаго принудительно на духовную природу ²⁾. Очевидно, по своему взгляду на первобытное состояніе человѣка, Гуго рѣшительно расходится съ Ансельмомъ Кентерберійскимъ, который все совершенство перваго человѣка до паденія, заключающееся въ праведности и святости, относилъ къ сверхъестественнымъ благодатнымъ дѣйствіямъ и считалъ его *donum supernaturale*, а натуральное состояніе человѣка само по себѣ не отличалъ отъ того, какимъ оно было по грѣхопадению ³⁾. Однако Гуго совершенство перваго человѣка до его паденія не признавалъ безусловнымъ въ такомъ смыслѣ, какъ оно принадлежитъ одному Богу, не признавалъ его законченнымъ и въ условномъ смыслѣ. Оно, по мнѣнію Гуго С. Виктора, заключало въ себѣ только задатки полнаго совершенства, которые могли развиться постепенно путемъ упражненія, но при содѣйствіи благодати Божіей. Для естественнаго упражненія въ добрѣ Богъ установилъ для перваго человѣка особую заповѣдь, воспрещающую вкушать отъ древа (*praesertim disciplinae*), путемъ которой воля его достигала бы возможности опредѣляться вполне соотвѣтственно волѣ Божіей, а не по своимъ только личнымъ побужденіямъ. А для облегченія возможности къ высшему совершенству Богъ не оставилъ человѣка и своею помощью. Творческая благодать (*gratia creatrix*) дала человѣку бытіе и особую высшую при-

¹⁾ Liebner s. 410. Ann. 61.

²⁾ Ibid. 403.

³⁾ De liber. arbitr. c. 5. De concept. virginal. c. 2, 5. 10. 23. 27.

роду, въ силу которой онъ могъ не грѣшить, а благодать промыслительная, или дополнительная (*gratia opposita*) могла привести его къ высшей супранатуральной добродѣтели, или къ такому состоянію, при которомъ онъ не могъ-бы грѣшить (*non posse peccare*) ¹⁾. При правильномъ употребленіи своихъ силъ и при содѣйствіи благодати первый человѣкъ могъ-бы возрастать въ праведности и пользоваться блаженствомъ. „Онъ всегда-бы имѣлъ предъ собою Творца, созерцалъ-бы Его, навывалъ-бы исполнять Его волю только по чистой любви къ Нему и въ этомъ находилъ-бы свою истинную жизнь, свое истинное благо; къ такому блаженству предназначался первый человѣкъ, но онъ лишился его по собственной волѣ, вслѣдствіе грѣхопаденія“. Фактъ грѣхопаденія перваго человѣка Гуго объясняетъ отчасти въ субъективно-мистическомъ смыслѣ, поставяя его въ нарушеніи гармоническаго отношенія между двумя влеченіями человѣка—къ Богопознанію и удовлетворенію тѣлесныхъ потребностей, или между стремленіемъ человѣка къ справедливости (*appetitus justi*) и стремленіемъ къ личной выгодѣ (*appetitus commodi*). Какъ только первое стремленіе проявилось въ человѣкѣ съ чрезмѣрною силою, то онъ, увлекшись мыслію касательно возможности полною единенія съ Богомъ, или уравненія съ Нимъ, пересталъ управлять низшими своими чувственными склонностями, и мало по-малу сталъ рабомъ ихъ, вслѣдствіе чего навлекъ на себя большія бѣдствія. Въ грѣхопаденіи человѣкъ оставилъ надлежащую мѣру въ стремленіи къ высшему благу, такъ какъ онъ высококомѣрно возмечталъ о себѣ, что онъ подобенъ Богу и думалъ преждевременно имъ овладѣть. Слѣдствіемъ этого было то, что онъ утратилъ мѣру и въ стремленіи къ низшему благу и лишился власти надъ тѣломъ; тѣдо-же, лишенное сдерживающаго начала, склонилось къ крайней чувственности, навлекши на людей различныя бѣдствія ²⁾. Независимо отъ этого частнаго субъективно-мистическаго воззрѣнія на грѣхо-

¹⁾ De sacrament. 1 p. VI c. 16.

²⁾ Ibid. p. VI, lib. 1. c. 1—21. Liebner s. 412.

паденіе челоуѣка. Гуго высказываетъ и болѣе правильные взгляды на него, обоснованные на священномъ Писаніи. „Челоуѣкъ, по его словамъ, свободно согрѣшилъ, отърывъ свой слухъ внушеніямъ змія и тѣмъ закрывъ слухъ для голоса Божія“¹⁾.

Слѣдствія грѣхопаденія перваго челоуѣка Гуго понимаетъ шире и глубже, сравнительно съ современными представителями схоластической теологіи—Ансельмомъ и Абеярдомъ. По его мнѣнію, вслѣдствіе грѣха первый челоуѣкъ лишился непосредственнаго созерцанія Господа и высшаго внутренняго озаренія; пораженный слѣпотой и невѣдѣніемъ, онъ настолько сталъ погружаться въ чувственные вещи, на сколько прежде до паденія стремился къ тому, чтобы вкушать сладость небесныхъ благъ²⁾. Невѣдѣніе стало въ немъ не только недостаткомъ знанія, но отвращеніемъ отъ знанія. Онъ лишился благодати, вспомошествоющей къ добру и наклонность ко злу стала въ немъ преобладать до такой степени, что онъ могъ только грѣшить и не могъ не грѣшить (*posse peccare et non posse non peccare*). Онъ утратилъ первоначальную правду и чувственное вожелѣніе стало для него необходимостію (*necessitas concupiscendi*)³⁾, обратилось въ страстное влеченіе. Самое тѣло утратило свою первоначальную силу, одѣлалось тѣннымъ и браннымъ и возрастающая въ потомкахъ Адама общая слабость челоуѣческой природы служить преимущественнымъ основаніемъ того, почему мы не можемъ достигнуть безошибочнаго познанія истины⁴⁾. Всѣ эти слѣдствія грѣхопаденія отъ Адама распространились на его потомковъ, такъ какъ онъ былъ первымъ представителемъ челоуѣческаго рода. Несомнѣнно, что такія воззрѣнія на глубокое поврежденіе челоуѣческой природы въ

1) De arca morali lib. IV cap. I—VII.

2) De arca morali l. 1—3.

3) Заслуживаетъ вниманія, что протестантскіе ученые это воззрѣніе Гуго С. Виктора на грѣхъ считаютъ одинаковымъ съ воззрѣніемъ Меланхтона. Real-Encyclop. N. VI—315.

4) De sacrament. l. p. VII. c. 16, 19, 24, 26—34. Liebner 403—412.

силу грѣхопаденія безусловно возвышаютъ Гуго надъ схоластиками, склонявшимися къ полупелагианизму, но вмѣстѣ съ тѣмъ приближаютъ его къ бл. Августину, съ которымъ онъ раздѣляетъ ошибочное мнѣніе о чрезмѣрной порчѣ человѣческой природы ¹⁾.

Глубоко паденіе человѣка, но человѣку, по безконечному милосердію Божію, даны средства къ восстановленію его природы въ силу искупительной жертвы, совершенной І. Христомъ. Ученіе объ искупленіи Гуго развиваетъ до нѣкоторой степени согласно съ Ансельмомъ Кентерберійскимъ объ удовлетвореніи Бога за грѣхъ человѣка. Сущность его ученія можно представить такъ. Грѣхопаденіе оскорбило вѣчную правду Божію и нарушило миръ съ Богомъ; чтобы восстановить прежній союзъ съ Богомъ, человѣкъ долженъ былъ дать удовлетвореніе вѣчной правдѣ: онъ долженъ былъ представить Богу свою правоту, равную правдѣ Божіей и понести наказаніе, равное оскорбленію, нанесенному Богу. Но ни того, ни другаго не могъ сдѣлать человѣкъ при своей немощи и при своей винѣ. Тогда Богъ пришелъ на помощь человѣку. Богъ далъ туне (*gratis*) то, что человѣкъ по Своей винѣ долженъ былъ Ему представить: Онъ далъ ходатая за людей, который могъ исполнить удовлетворить правдѣ Божіей, ибо этотъ ходатай не только по человѣчеству былъ равенъ первому человѣку (Адаму), но и превосходилъ его (*præcipue non solum æqualis, sed major esset*) — былъ Богочеловѣкъ. Такимъ истиннымъ Богочеловѣкомъ былъ Иисусъ Христосъ. Своимъ рожденіемъ Онъ уплатилъ долгъ человѣка Отцу и Своею смертію искупилъ вину человѣка; Своею-же смертію, понесенною незаслуженно за человѣка, освободилъ послѣдняго отъ заслуженной смерти, избавилъ его отъ поношеній и власти діавола

¹⁾ Отношеніе Гуго С. Виктора къ блаженному Августину выясняется въ *Histoire littéraire de la France par Benedictins* 1763. Paris t. II, p. 64 — 65. Авторъ справедливо находитъ, что свои идеи о благодати Гуго С. Викторъ заимствовалъ у бл. Августина, однако нельзя согласиться съ нимъ въ томъ, будто эти идеи согласны съ богословскимъ міросозерцаніемъ схоластиковъ; несомнѣнно, что послѣдніе въ ученіи о слѣдствіяхъ грѣхопаденія рѣзко отступаютъ отъ Августина.

и сдѣлалъ его достойнымъ своего освобожденія¹⁾. Нельзя не замѣтить, что въ данномъ случаѣ взглядъ Гуго на искупленіе страдаетъ тою-же односторонностію, какая замѣчается и у схоластическихъ теологовъ о томъ-же предметѣ: здѣсь искупленіе представляется преимущественно внѣшнимъ юридическимъ актомъ, состоящимъ въ одномъ только удовлетвореніи правдѣ Божіей и заглазденіи вины человѣка, а не во внутреннемъ возрожденіи его природы. Гуго старается смягчить и усовершенствовать свой взглядъ на искупленіе, указывая преобразовательное дѣйствіе его на природу человѣка. Но при этомъ допускаетъ также неточности и даже повидимому сходится съ Абеярдомъ (хотя не по рационалистическимъ мотивамъ, а по мистическимъ), который, какъ извѣстно, понималъ искупленіе односторонне, какъ высочайшій актъ любви Христа къ человѣчеству, имѣвшій цѣлію пробужденіе соотвѣтствующей любви въ людяхъ. „Христосъ, говоритъ Гуго, принялъ смертное человѣческое тѣло, чтобы возвести человѣка къ надеждѣ на безсмертіе и возбудить въ немъ увѣренность въ достиженіи блаженства Того, Кто снизошелъ къ его слабости, чтобы прославленное въ Богѣ человѣчество послужило примѣромъ прославленія (*exemplum glorificationis*) для людей; чтобы въ Того, Кто пострадалъ, увидѣли, что Ему должно воздавать; въ Того-же, Кто прославленъ, усмотрѣли, чего отъ Него должно ожидать; чтобы Онъ самъ служилъ примѣромъ, обѣтованною истиною и жизнью“²⁾. Такъ объективное значеніе искупленія смятчается указаніемъ на внутреннее преобразование человѣческой природы, какъ слѣдствіе его. Но при этомъ слѣдствіе не ставится въ непосредственную связь съ причиною. Другія частныя мѣста въ сочиненіяхъ Гуго показываютъ однако, что эта причинная связь признавалась имъ и онъ не сомнѣвался въ полномъ возрожденіи человѣческой природы, какъ непосредственнымъ слѣдствіемъ искупленія. По его словамъ чрезъ

¹⁾ Liebner s. 417. De sacramentis lib. 1 p. VIII, c. 4. Hagenbach Dogmengeschichte s. 417—423.

²⁾ De sacramentis cap. 10. Liebner s. 417.

искупленіе. человѣку опять сообщаются жизнь и свѣтъ, утраченные въ силу грѣхопаденія. Благодать, отнятая у человека по его винѣ, вновь ему возвращается и онъ опять получаетъ возможность не грѣшить (*non posse peccare*); хотя достигаетъ этого только по утвержденіи въ новой жизни ¹⁾. Духовная слѣпота исцѣляется, воля укрѣпляется, весь человекъ приводится къ духовному и тѣлесному оздоровленію. Изъ всѣхъ дѣлъ, совершенныхъ Богомъ для человека, искупленіе—самое высшее; потому что имъ возстановляется твореніе и на немъ основывается освященіе человека ²⁾. Благодатная жизнь, обусловливаемая искупленіемъ, развивается въ человекѣ постепенно путемъ вѣры, таинствъ и добрыхъ дѣлъ. Основываясь на словахъ ап. Павла (посл. къ Евр. гл. II), Гуго признаетъ вѣру главнымъ основаніемъ, или субстанціею невидимыхъ вещей, ибо то, что еще не служитъ предметомъ непосредственнаго созерцанія, въ силу вѣры, дѣлается какъ-бы видимымъ или настоящимъ, и сама вѣра въ невидимыя блага имѣетъ твердое основаніе въ нашей духовной природѣ ³⁾. Онъ опредѣленно отличаетъ объективную вѣру, или то, во что вѣрится (*fides quae creditur*) отъ вѣры субъективной, или того, чѣмъ вѣрится (*fides qua creditur*). Последнюю онъ, съ своей мистической точки зрѣнія, представляетъ въ смыслѣ аффекта, которымъ съ необыкновенною силою воспринимается религіозная истина и дѣлается жизненнымъ достояніемъ человека. Предъ такую силу въ дѣлѣ религіознаго воспріятія немислимъ рефлексъ, анализъ. „Вѣрою Богъ какъ-бы вносится въ душу человека“. И достоинство вѣры опредѣляется именно преобладаніемъ въ ней аффекта. Такая непосредственная и энергичная вѣра, обнимающая всѣ духовныя силы человека, была оправдана Господомъ въ лицѣ Хананеянки словами: жено, велика вѣра

¹⁾ Liebner s. 403.

²⁾ De sacramentis lib. 1. p. 1. Prolog. c. 2—3. pars. IX. c. 8.

³⁾ Est ergo fides substantia rerum sperandarum, quia bona invisibilia, quae per actum nondum praesentia sunt, jam per fidem in cordibus nostris subsistunt: et ipsa eorum fides in nobis subsistat eorum est. De arca mystica t. II p. 184. De sacramentis 1. pars 10 c. 2.

твоя. Она то и служитъ основаніемъ опытнаго предвзвѣшенія того, что усвоается непосредственно. Вѣра не имѣетъ въ сущности границъ: Богъ и не можетъ быть всецѣло познаваемъ, чтобы тѣмъ самымъ поддерживать и оживлять въ насъ вѣру. Вѣра должна предварять собою всякое средство, или дѣло ¹⁾. На вѣрѣ преимущественно основывается и благодатная сила таинствъ. Гуго не раздѣлялъ механическаго католическаго воззрѣнія на таинства, какъ на такія дѣйствія, которыя сами по себѣ (*ex opere operato*) могутъ вести къ возрожденію и освященію человѣка. Напротивъ, онъ склонялся къ тому мнѣнію, что оправданіе и освященіе, посредствуемыя таинствами, суть дѣйствія внутреннія, духовныя, имѣющія основаніе преимущественно въ вѣрѣ лица, приѣмлющаго ихъ. Онъ первый изъ западныхъ теологовъ послѣ бл. Августина даетъ полное опредѣленіе понятія о таинствѣ, какъ видимомъ образѣ невидимой благодати, заключенной въ немъ ²⁾. По воззрѣнію Гуго С. Виктора, таинства имѣютъ тройкую цѣль: во 1-хъ они побуждаютъ человѣка къ смиренію (*ad humilitationem*), склоняя его добровольно подчиняться чувственнымъ вещамъ, чтобы чрезъ нихъ опять возвыситься къ сверхчувственному и найти такимъ образомъ Того, Кого онъ оставилъ по своей гордости; во 2-хъ они предназначены къ вразумленію человѣка (*propter eruditionem*), такъ чтобы чувственное руководило къ сверхчувственному подобно тому, какъ больной, не принимая лекарства, но видя сосудъ съ лекарствомъ, уже питается надеждою на то, что приготовленное средство сообщитъ ему цѣлебную силу; въ 3-хъ они имѣютъ цѣлю упражненіе (*exercitatio*) человѣка въ духовной жизни, содѣйствуя его очищенію, оживляя и укрѣпляя въ добрѣ. Всѣ Лица Пресвятыя Троицы участвуютъ въ таинствахъ, а человѣкъ является участникомъ сообщаемыхъ въ нихъ благодатныхъ даровъ. Здѣсь Богъ—врачъ, человѣкъ—больной, іерархическое лице,—слу-

¹⁾ De sacramentis I. p. 10 c. 4 Neander VIII 142.

²⁾ Sacramentum est visibilis forma invisibilis gratiae in eo collatae. De sacrament. lib. II. p. VI. c. 3. Liebner s. 426. Hagenbach 443.

житель, или вѣстникъ Божій; таинство-же—сосудъ благодати. Гуго рѣшительно осуждалъ внѣшнее механическое отношеніе къ таинствамъ, настаиваетъ на вѣрѣ, какъ на главномъ условіи спасительности ихъ. „Въ таинствахъ, по его словамъ, вѣрующіе должны искать спасенія не во внѣшнихъ видимыхъ знакахъ, или чувственныхъ предметахъ, но только въ томъ, что въ нихъ заключается. Спасеніе всегда идетъ отъ Самого Бога, Который установилъ вещественные знаки, какъ средства для того, чтобы вести къ нему человѣка. Не чувственные элементы сами по себѣ даютъ спасеніе, но чрезъ нихъ Тотъ, Кѣмъ они установлены“. Но противодѣйствуя одностороннему объективному взгляду на таинства, развиваемому схоластиками, Гуго повидимому невольно, какъ можно уже заключить изъ сказаннаго, склоняется къ субъективизму, придавая въ таинствахъ значеніе преимущественно духовной сторонѣ, проявляющейся въ нихъ. Онъ даже обнаруживаетъ неустойчивость въ признаніи безусловной необходимости таинствъ для вѣрующаго. „Богъ могъ-бы спасти человѣка даже безъ таинствъ, если-бы хотѣлъ, но теперь, послѣ того, какъ онъ пожелалъ спасти именно такимъ способомъ, человѣкъ обязанъ подчиняться установленію Господа. Однако, Богъ и теперь еще всегда можетъ спасти человѣка безъ таинствъ. Если человѣку въ силу временныхъ, или мѣстныхъ обстоятельствъ употребленіе таинствъ невозможно, то для него можетъ быть достаточно „таинственное дѣло“ (res sacramenti). Дѣло имѣетъ большее значеніе; чѣмъ знакъ, вѣра—важнѣе воды и пр. ¹⁾ Представленныя воззрѣнія на таинства являются съ православной точки зрѣнія слишкомъ шаткими и могутъ быть до известной степени объяснены въ пользу Гуго только въ томъ случаѣ, если мы примемъ во вниманіе, что понятіе о таинствахъ онъ расширяетъ, причисляя къ нимъ и обряды. Не раскрывая точно православнаго ученія о таинствахъ, Гуго не рѣшается признать общеобязательнымъ седмиричное число таинствъ. Къ самымъ необходимымъ таинствамъ онъ относитъ крещеніе и

¹⁾ De sacramentis lib. 1. p. IX. c. 3—5 Liebner 430.

причащеніе ¹⁾. По примѣру св. Діонисія Ареопагита, Гуго возвышаетъ предъ другими таинствами таинство Евхаристіи въ силу того, что вѣрующіе въ немъ соединяются со Христомъ, возродившимъ человѣка Своею смертію. Онъ безусловно порицаетъ раціоналистическій взглядъ на таинство Евхаристіи послѣдователей Беренгарія Турскаго, однако не раздѣляетъ рѣшительно и опредѣленно православнаго ученія о дѣйствительности преложенія хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христову, выраженаго св. Діонисіемъ Ареопагитомъ съ полною ясностію и опредѣленностію. Онъ болѣе примыкаетъ къ позднѣйшему протестантскому взгляду на таинство Евхаристіи, признавая что съ изліяніемъ благодати Духа Св., Христосъ принимается въ таинствѣ невидимо и *духовно въ силу вѣры и любви*. Субъективный нравственно-практическій элементъ въ таинствѣ имѣетъ для мистика главное значеніе, почему онъ стремится возможно скорѣе перенестись мыслію отъ чувственнаго къ духовному. „Лишь только, говоритъ онъ, прекратится въ таинствѣ чувственное впечатлѣніе (получаемое отъ вещественныхъ знаковъ) мы должны искать въ немъ элемента духовнаго. Таинство исполнено, но сила его остается, Христосъ переходитъ изъ устъ въ сердце“ ²⁾. „Кто принимаетъ таинство Евхаристіи, не упоdobляясь Искупителю, тотъ принимаетъ таинство само по себѣ (механически); не пользуется сущностію его. Но кто принимаетъ таинство, нравственно, объединяясь съ Искупителемъ въ силу вѣры и любви, тотъ пользуется существомъ таинства. Человѣкъ истинно вѣрующій и любящій, даже не принимая таинства, имѣетъ больше значенія предъ Господомъ, сравнительно съ тѣмъ, кто пользуется таинствомъ, но не вѣритъ и не любитъ, или вѣритъ, но не любитъ“ ³⁾.

¹⁾ Въ своемъ сочиненіи *de sacramentis christianaе fidei* Гуго признаетъ безусловно необходимыми два таинства—крещеніе и причащеніе, а въ сочиненіи *Summa Sententiarum* онъ признаетъ до пяти таинствъ и къ нимъ причисляетъ разные обряды, такъ что общее число таинствъ возводится до 30. P. VI, XIV—XV. *Real-Encyclop.* XIII. 2, 42. Liebner 423.

²⁾ *De sacrament.* lib. 1. p. VIII. Liebner 435.

³⁾ *Ibid.*—Hagenbach 464.

Уже изъ этого ученія о таинствахъ слѣдуетъ, что Гуго придаетъ наиболѣе важное значеніе нравственно-практической дѣятельности, представляемой необходимымъ условіемъ для довершенія процесса духовнаго возрожденія человѣка, происходящаго въ силу благодатныхъ даровъ, низводимыхъ таинствами. Возрожденіе отъ Бога даетъ основаніе истинной нравственности и совершается со стороны человѣка въ силу свободнаго утвержденія въ добрѣ, самоумерщвленія, преданности всѣхъ силъ Богу. „Добрыя дѣла составляютъ путь къ истинной жизни. Будь силенъ и мужественъ и этотъ путь увѣнчается наградою“. Но человѣкъ не долженъ дѣйствовать одинъ. Онъ долженъ просить высшей божественной помощи. „Если ты одинъ дѣйствуешь, то ты ничего не совершишь; если Богъ одинъ дѣйствуетъ, то ты ничего не заслужишь. Пусть Богъ въ тебѣ дѣйствуетъ и ты будешь имѣть силу что-нибудь сдѣлать и чего-нибудь заслужить.¹⁾ Человѣчская природа сама по себѣ не имѣетъ необходимой силы къ добру, которая отнята въ ней грѣхомъ и опять можетъ быть приобрѣтена путемъ благодати. При содѣйствіи ея мы можемъ восходить къ внутреннему жизнеобщенію съ Богомъ и обладать имъ. Конечно, при своей слабости, мы можемъ подвигаться въ дѣлѣ возрожденія медленно—отъ степени къ степени и съ перерывами, потому что склонны часто впадать въ тѣ-же грѣхи, отъ которыхъ очищаемся. Основнымъ началомъ нравственной дѣятельности человѣка должна служить любовь къ Богу. Она можетъ вести человѣка къ высшему нравственному совершенству и объединять его съ Богомъ. Человѣку представляется много побужденій для такой любви. Богъ долженъ быть любимъ какъ потому, что Онъ Виновникъ всякаго бытія вообще и Промыслитель его, такъ особенно потому, что Онъ обогащаетъ нашу душу различными дарами, оставленными Небеснымъ Женихомъ своей не-

¹⁾ De agsa morali II, cap. 6—17. Этотъ православный взглядъ на совѣстное значеніе воли и благодати въ другихъ мѣстахъ Гуго С. Викторомъ крайне не ограничивается, и онъ вообще раздѣляетъ Августиновскій взглядъ на преобладающее, или даже исключительное значеніе благодати въ дѣлѣ спасенія.

вѣстѣ въ видѣ залоговъ любви и задатковъ ея будущаго блаженства ¹⁾). Мы должны пользоваться этими видимыми залогоми, чтобы вызывать въ себѣ любовь къ невидимому Виновику ихъ. Мірѣ со всѣмъ тѣмъ, что въ немъ существуетъ, доставляетъ возвышенныя духовныя радости человѣку и служить ему на пользу; въ силу этого нужно любить міръ не самъ по себѣ, но искать въ немъ Того, Кто установилъ это теченіе природы—*Сокровеннаго Друга*, отъ котораго мы получили эти залогомъ, какъ дары и благодѣянія. „Потому, о душа, люби Его; чтобы Имъ наслаждаться и себя люби на столько, на сколько ты Имъ возлюблена. Это чистая, цѣломудренная любовь; которая не имѣетъ сама по себѣ ничего низкаго, горькаго и переходящаго, но истинно вѣчна и блаженна“. Самые значительныя залогомъ божественной любви мы имѣемъ въ мірѣ не внѣ себя, но въ себѣ самихъ, въ силу благодати Искупленія. Уже бытіе наше есть даръ благодати, полученной нами предпочтительно предъ тѣми существами, которыхъ Господь не воззвалъ къ бытію. Но мы не только призваны къ жизни, но получили еще прекрасную гармоническую природу съ драгоценными способностями, ради которыхъ Небесный Женихъ избралъ душу мѣстомъ своего покоя. Но какъ душа разстроила свою природу, обезобразила ее и сдѣлала недостойною для высшаго назначенія! И Онъ Милосердый снизошелъ съ высоты Своего величія, уничижилъ Себя, добровольно принялъ на Себя ея вину, чтобы справедливымъ образомъ возстановить то, что она потеряла! Такъ душа, созданная Господомъ, по Его благости, прекрасною и ставшая безобразною по своей неправотѣ, въ силу Его милосердія опять стала чистою и прекрасною. Любовь Господа къ душѣ такъ сильна и искренна, какъ будто она не уклонялась отъ Него, какъ будто Онъ послѣ Своего невиннаго страданія и смерти не замѣтилъ въ душѣ никакихъ перемѣнъ, не нашелъ въ ней ничего такого, за что могъ-бы ее не любить. Потому счастливы мы въ своей винѣ, что при-

¹⁾ Soliloquium de archa animae. Die Christliche Mystik in ihrer Entwicklung und in ihren Denkmalen von A. Helfferich-Gotha 1842 th. 2. 303—323.

влекли къ себѣ для ея упраздненія любовь Господа! И однако мы такъ неблагодарны по отношенію къ Его благодѣніямъ, не думая о томъ, какъ много мудрыхъ и справедливыхъ людей, жившихъ прежде насъ (язычниковъ), исключено изъ покоя Жениха, лишено возможности имѣть Его при себѣ и наслаждаться Его непосредственною близостью. Церковь со всѣми своими учрежденіями и благодатными средствами заключаетъ въ себѣ новые залоговѣ любви къ намъ Господа. „Души, избранныя въ невѣсты Христовы, приготовляются въ Церкви къ брачному торжеству, предстоящему въ Іерусалимѣ. Здѣсь всѣ украшенія, которыми души вѣрующихъ облачаются, составляютъ исключительно даръ жениха. Все—свободный даръ Его любви: прежде всего баня крещенія т. е. возрожденія, которою человекъ очищается отъ совершенныхъ грѣховъ, потомъ миропомазаніе, въ которомъ душа получаетъ изліяніе даровъ Духа Св. и Евхаристія, въ которой она насыщается, укрѣпляется и оживляется объединяясь со Христомъ“

А. Вертеловскій.

(Продолженіе будетъ).

Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами?

(Продолженіе *).

III.

Историкъ Голубинскій, касаясь вопроса объ отношеніи церковно-приходскихъ общинъ въ церковнымъ имуществамъ, слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ ктиторское право: „Въ Греціи, говоритъ онъ, частные люди, строившіе общественныя церкви, становились ихъ наследственными такъ-называемыми ктиторами или получали на нихъ наследственное такъ называемое ктиторское право (κτίτορες, κτίτορικόν δικαίον), то же что на западѣ патроны или патронаты. Это право состояло, во-первыхъ, въ томъ, что ктиторы безотчетно и единолично, на правахъ частной собственности, распоряжались доходами церквей; во-вторыхъ, что они поставляли къ нимъ священниковъ и причетниковъ“¹⁾. „Наслѣдственные ктиторы монастырей, продолжаетъ Голубинскій, (разсматривая устройство управленія монастырей въ Греціи въ XI и XII вв.), или временные ихъ поссессоры (харистикаріи) вмѣстѣ съ правомъ собственности на вещественные доходы мо-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1887 г. № 11.

¹⁾ „Ист. Русск. Церкви“, т. I, полов. 1, гл. III, стр. 412.

настырей имѣли власть и надъ духовною жизнію въ нихъ монаховъ: они поставляли, а слѣдовательно и отставляли, игуменовъ.... такимъ образомъ, и въ духовномъ смыслѣ они были высшими начальниками монастырей“¹⁾. Впрочемъ ктитори, и по мнѣнію Голубинскаго, если „снабжали церкви имуществами, переставали быть собственниками этихъ послѣднихъ, но они и ихъ потомки оставались полными собственниками доходовъ церквей,... т. е. ктитори были собственниками церквей какъ-бы на правахъ вѣчной аренды, имѣя право на доходы, но не имѣя права на имущества“²⁾. Мы привели это опредѣленіе ктиторскаго права, сдѣланное историкомъ ясно и сжато, потому, что высказанный при этомъ взглядъ является, въ устахъ такого ученаго какъ Голубинскій, едва-ли не самымъ сильнымъ и лучшимъ оправданіемъ современныхъ притязаній мірянъ на управление церковными имуществами, насколько могутъ быть сильны въ оправданіи законности и необходимости извѣстныхъ явленій и порядковъ жизни мотивы историческіе, тѣ мотивы, на основаніи которыхъ обыкновенно говорятъ: „если такъ было, то почему-же теперь не можетъ быть такъ...“ Но при оцѣнкѣ всякаго рода явленій жизни, а тѣмъ болѣе явленій жизни церковной, кромѣ исторической точки зрѣнія, никакъ не слѣдуетъ опускать изъ виду и другую—точку зрѣнія правовую, по которой не все то признается законнымъ и годнымъ, что было, но только то, что дѣйствительно согласно съ закономъ. Поэтому если-бы взглядъ Голубинскаго, дающій такія широкія полномочія ктиторахъ церквей, имѣлъ полную историческую достовѣрность, то и въ такомъ случаѣ возможно еще сомнѣніе въ томъ, справедливо-ли требуютъ и наши современные ктитори церквей, въ лицѣ церковно-приходскихъ общинъ, права стоять къ церковнымъ имуществамъ въ такихъ отношеніяхъ, въ какихъ, говоритъ Голубинскій, находились ктитори греческихъ церквей XI и XII вѣковъ.

Мы не беремся сдѣлать надлежащую оцѣнку историче-

¹⁾ Ibid., 2 пол., гл VI, стр. 587.

²⁾ Ibid. т. I, пол. I, стр. 412.

ской достовѣрности выводовъ профессора Е. Голубинскаго по исторіи отношеній мірянъ къ церковному имуществу въ Греціи XI и XII вв., такъ какъ полная оцѣнка изслѣдованія такого знатока дѣла, какъ Е. Голубинскій, съ одной стороны, выше нашихъ силъ, а съ другой—настоятельно не требуется дѣломъ. Но считаемъ не лишнимъ сдѣлать небольшое замѣчаніе по поводу выводовъ нашего историка. Владѣніе монастырями, какъ частною собственностію, въ Греціи XI и XII вв., было дѣйствительно явленіемъ нерѣдкимъ, хотя это еще не значить, что оно и въ то время было явленіемъ законнымъ. Но монастыри съ своими имуществами попадали въ то время подъ управленіе мірянъ, вѣжется, не столько на основаніи ктиторовскихъ правъ послѣднихъ, какъ думаетъ Голубинскій, сколько, какъ свидѣтельствуется Іоаннъ, патриархъ антiохійскій ¹⁾, Вальсамонъ ²⁾ и постановленія нѣкоторыхъ соборовъ ³⁾,—потому, что монастыри дарились императорами и митрополитами мірянамъ за какія-нибудь заслуги послѣднихъ. Что же касается „безотчетнаго“ распоряженія ктиторовъ имуществами приходскихъ церквей, какъ частною собственностію, то случаи такой формы управленія церковнымъ имуществомъ и въ то время были явленіемъ рѣдкимъ и совершенно необычнымъ. И если Голубинскій признаетъ такую форму управленія имуществомъ приходскихъ церквей (исключительно властію ктиторовъ) обычнымъ явленіемъ въ Греціи XI и XII вв., которое никому не рѣзало глазъ, то въ подтвержденіе своихъ словъ не приводитъ ни одного положительнаго свидѣтельства. Напротивъ, Вальсамонъ говоритъ, что когда въ его время случилось это (захватъ мірянами имуществъ приходскихъ церквей) въ епископіи Мегарской, которая съ незапамятныхъ временъ оскудѣла, то все, по царскому указу и синодаль-

¹⁾ У Котелерія t. I, p. 159—191 подъ „заглавіемъ“: *In. monast. donationes laicis*; Голуб. цитуетъ это сочиненіе Іоанна по Мишо t. 132, подъ загл. „*De monasteriis laicis non tradendis*“.

²⁾ См. толков. на 13 кан. соб. II Никейск.

³⁾ 24 пр. Халк., 13, VII всел., 49 Трул.

ному акту недавно опять возвращено аѳинской митрополіи“¹⁾. Въ виду этого едва-ли можно признать справедливыми слова Голубинскаго, что „въ Греціи приходскія церкви были общинною собственностію, ибо быть чѣмъ нибудь инымъ не могли“²⁾. Этотъ рѣшительный выводъ, кажется, правильнѣе будетъ замѣнить такимъ: имущества приходскихъ церквей иногда бывали въ Греціи подъ управленіемъ мірянъ, но не должны были быть; подобная форма управленія церковнымъ имуществомъ и въ то время преслѣдовалась закономъ, а слѣдовательно, и вѣтторское право мірянина или общины мірянъ не заключало въ себѣ права управленія церковнымъ имуществомъ.

Церковные каноны ничего не говорятъ о правѣ вѣтторскомъ; ни въ принципѣ, ни въ своихъ предѣлахъ это право не опредѣлено церковью, вслѣдствіе чего нужно заключить, что вѣтторство или патронатъ, какъ извѣстный кругъ обязанностей строителя церкви и вытекающихъ изъ нихъ привиллегій, есть явленіе не древнѣйшихъ временъ жизни церковной. И дѣйствительно, извѣстный кругъ отношеній строителя къ церкви, построенной имъ, Юстиніанъ относитъ къ дѣламъ, *непредусмотрѣннымъ* имъ въ своихъ законахъ, и говоритъ о нихъ, какъ о дѣлахъ, только еще *возникающихъ* (renascentia) въ его время³⁾. Но, въ виду повторяемости этого рода дѣлъ, уже Юстиніанъ издалъ на имя Константинопольскаго патріарха Мина законъ, въ которомъ опредѣляетъ обязанности строителей церквей въ отношеніи къ устрояемымъ ими церквамъ. „Многіе, писалъ Юстиніанъ, чтобы сыскать себѣ славу, приступаютъ къ постройкѣ св. храмовъ, а затѣмъ, построивши ихъ, вовсе не заботятся о томъ, чтобы ассигновать этимъ храмамъ необходимыя средства: на освѣщеніе ихъ, на содержаніе живущихъ при нихъ, а также для совершенія въ нихъ священнослуженія, но, едва построятъ ихъ, оставляютъ какъ будто для того, чтобы они или вновь разрушились, или были лишены

¹⁾ Толк. къ пр. 13, VII всел. соб.

²⁾ Голуб., I, пол. I, стр. 411.

³⁾ Praef. ad. Nov. LXVII.

всякаго священнодѣйствія. Поэтому, прежде всего опредѣляемъ, чтобы никто не имѣлъ права начинать постройку монастыря, или храма, или оракторіи прежде чѣмъ не явится на мѣсто постройки епископъ города и, публично предстоитамъ, не водрузитъ креста, не положитъ въ фундаментъ деньги ¹⁾ и не объявитъ дѣло всѣмъ. Ибо многіе, иногда предпринимаютъ постройку оракторій, то больше слѣдуютъ своему честолюбію и являются строителями неправославныхъ церквей, а не позволительныхъ вертеповъ.

Затѣмъ, прежде чѣмъ строитель приступитъ къ постройкѣ новой церкви, онъ долженъ напередъ поговорить съ боголюбивымъ епископомъ и опредѣлить, — сколько жертвуетъ на освѣщеніе новаго храма, на священно-служеніе въ немъ, на починку его зданій и на содержаніе тѣхъ, которые въ нихъ живутъ. И если окажется, что всѣ эти условія выполнены, то *прежде даритъ*, то, что должно быть ассигновано, и только тогда строить домъ. Если же кто не можетъ исполнить всего этого, а только нѣкоторыя требованія, и однако желаетъ составить себѣ славу строителя церкви, то (на этотъ случай) въ Константинополѣ и провинціяхъ есть много церквей, въ которыхъ, хотя чинно совершается служеніе, однако есть опасность, чтобы онѣ, вслѣдствіе ветхости, не рухнули, или просто онѣ невмѣстительны и не такъ хорошо отдѣланы, какъ желаютъ тѣ, которые въ нихъ служатъ, то ему (желающему стяжать славу строителя) позволяется одну изъ такихъ церквей взять и перестроить, однако такъ, чтобы дѣло велось съ согласія боголюбиваго епископа; такимъ образомъ, и основателемъ священнаго дома будетъ считаться, и немного потратить своихъ средствъ, такъ какъ обычныя издержки на это дѣло уже ассигнованы и должны быть израсходованы тѣми, которые прежде приготовлялись къ нимъ ²⁾.

Какъ видно изъ содержанія приведенной новеллы, міряне

¹⁾ Указывается на существующій и въ наше время обычай полагать, при закладкѣ церкви, деньги въ фундаментъ.

²⁾ Nov. LXVII, fraef., c. 1 et 2; conf. 131 Nov., c. VII.

во времена Юстиніана, большею частію отдѣльными лица, устроая на свои средства монастыри, церкви и ораторіи, преслѣдовали извѣстнаго рода цѣли, желали получить обычныя въ такихъ случаяхъ права и привилегіи. Права и привилегіи строителя церкви, которыхъ многіе изъ общества мірянъ добивались тогда, какъ видно, съ большою настойчивостію, состояли въ томъ, что дѣло построенія церкви приносило строителю *славу*, извѣстность, давало право на имя *строителя* (aedificator'a или conditor'a): „многіе, замѣчаетъ Юстиніанъ, приступаютъ къ постройкѣ церквей; „ut nomen sibi comparent“ или „nomen concupiscat, quo aedificator ecclesiae vocetur“. Къ этому могли присоединяться цѣли чисто религіозныя: желаніе угодить Богу; имѣть молитвенниковъ о себѣ ¹⁾ и пр. Благочестіе, преданность церкви и другіе религіозныя и нравственные мотивы, по которымъ извѣстное лицо или совокупность лицъ рѣшались жертвовать своимъ частнымъ имуществомъ въ пользу высшихъ церковныхъ интересовъ (для цѣли церкви), естественно было отличить и почитать, поставивъ людей, преданныхъ такимъ интересамъ, на видъ, въ примѣръ обществу. Все это, взятое вмѣстѣ, дѣлало имя *строителя церкви* не пустымъ именемъ. Но все это не означаетъ того, что тѣ религіозно-нравственные мотивы, которыми дарители связаны бывали съ своими подарками на церковныя цѣли и нужды, возводились въ такія правовыя нормы, въ силу которыхъ даритель дѣлался-бы владѣльцемъ своего подарка. И Юстиніанъ въ своей новеллѣ ничего другаго не обѣщаетъ строителю церкви; кромѣ того, что, за свое усердіе и жертвованія, *основателемъ или строителемъ священнаго дома будетъ называться* (sacrae domus conditor appellabitur). Слѣдовательно, по закону Юстиніана, право строителя церкви или ктиторское право есть прежде всего не право власти и владѣнія, но *право чести* или, по терминологіи позднѣйшаго времени, — *патронатъ есть почетное право*

¹⁾ Формула ектеніи: Ἐπι δεόμεθα ὑπερ τῶν μακαρίων καὶ ἀειμνήστων κτιτόρων τοῦ ἁγίου οἴκου τούτου — весьма древняя. См. объ этомъ изслѣдованіе Мансветова „Типиконъ“, гл. 1.

(patronatus—jus honorificum)¹⁾. Такъ какъ имя строителя или ктитора церкви доставляло заманчивый почетъ, а потому многіе добивались его, не сообразуясь съ своими матеріальными средствами, отчего являлись необезпеченныя и запущенныя церкви, то Юстиніанъ, регулируя своимъ закономъ новый порядокъ вещей, нашелъ нужнымъ обязать ктиторовъ церквей, чтобы они давали этимъ послѣднимъ вполнѣ достаточное матеріальное обезпеченіе,—въ такомъ размѣрѣ, какой назначитъ мѣстный епископъ; вслѣдствіе этого ктиторское право было не только правомъ почетнымъ, но и *правомъ тяжельмъ* (jus onerosum)²⁾; мало того, что нужно было затратить средства на постройку церкви и на одновременное обезпеченіе ея въ такомъ количествѣ, какое назначитъ епископъ,—ктитору нужно было и послѣ этого, постоянно слѣдить за матеріальнымъ благосостояніемъ церкви и, въ случаѣ нужды, дѣлательно помогать. Итакъ, ктиторское право, предоставляя носителю его привилегіи чести, почета въ обществѣ, обязывало ктитора къ дѣлательной попечительности объ увеличеніи благосостоянія церковнаго, вмѣняя ему при этомъ, чтобы онъ, въ случаѣ злоупотребленій управителей достояніемъ построенной имъ церкви, доносилъ объ этомъ высшимъ властямъ³⁾. И эта дѣлательная попечительность о матеріальномъ благосостояніи церкви составляетъ сущность ктиторскаго права, потому что, по повелѣнію Юстиніана, ктиторъ, какъ только переставалъ заботиться о благосостояніи построенной имъ церкви, терялъ и свое ктиторское право, и если-бы кто-нибудь другой пожелалъ взяться поддерживать эту церковь, то уже этотъ послѣдній назывался строителемъ (conditor) этой церкви или ктиторомъ ея, а не тотъ, который дѣлательно построилъ ее, но пересталъ заботиться о поддержаніи ея. Наконецъ, ктиторы имѣютъ право, по законамъ Юстиніана, такъ или иначе вліять на поставленіе къ построеннымъ и поддерживаемымъ ими церк-

¹⁾ Du lange, Gloss., t. 2, p. 206.

²⁾ Ibid. Matthaeo Villaneo, lib. 1, c. 33.

³⁾ Decret. Grat., Caus XVI, quaest. 7, c. 31.

вамъ священниковъ и причетниковъ. Въ 123 новеллѣ читаемъ: „Если кто построилъ оракторію (*εὐκτήριον οἶκον*) и пожелалъ-бы или самъ, или его наслѣдники поставить къ ней клириковъ (*clericos constituere*.¹⁾ т. е. устроить причтъ) и если ктиторъ или его наслѣдники назначать содержаніе клирикамъ и *укажутъ достойныхъ*, то этихъ послѣднихъ *поставлять*. Если-же избранныхъ ими священныя каноны не позволяютъ поставить какъ *недостойныхъ*, тогда мѣстный епископъ пусть позаботится поставить тѣхъ, которыхъ найдетъ болѣе достойными“.²⁾ Въ такой формѣ, т. е. какъ право чести (*jus honorificum*), какъ право попечительности, объ увеличеніи церковнаго благосостоянія (*jus bonae intentionis aut jus onerosum*) и, наконецъ, какъ право представленія кандидатовъ на священническія должности, — право строителя или ктитора церкви было *наслѣдственнымъ*; какъ это видно изъ сей-часъ приведеннаго отрывка 123 новеллы. Этимъ, по закону Юстиніана, и ограничивается кругъ, такъ называемаго ктиторскаго права или патроната. Пользоваться ктиторамъ имуществами построенныхъ ими церквей законъ Юстиніана запрещаетъ: строитель, по этому закону, не только закладку церкви, монастыря или оракторіи долженъ начать послѣ предварительнаго согласія на это епископа, не только долженъ объявить передъ послѣднимъ количество своихъ пожертвованій въ обезпеченіе будущаго храма, но и *подарить* все, ассигнованное передъ епископомъ, *прежде* чѣмъ приступить къ постройкѣ храма; а известно, что даритель, какъ скоро совершенъ даръ, лишается права владѣнія и управленія своимъ подаркомъ, право собственности на который переходитъ къ тому, въ пользу чью совершенъ даръ. Присутствіе епископа при ассигнованіи средствъ на новостроющійся храмъ и участіе его при представленіи строителемъ церкви дара требуется закономъ Юстиніана, очевидно, не для одной только торжественности дѣла и не для пустой формальности, но имѣть свой законодательный смыслъ, опре-

¹⁾ По конституціи (134) читается: „*clericos ordinare*“.

²⁾ Nov. 123 с. 18.

дѣленный въ законахъ предшественниковъ Юстиніана. Присутствіе епископа при совершеніи дара на церковь или на постройку церкви сообщало совершенію этого дара законную форму и равнялось силѣ, закономъ установленныкъ, дарственныхъ документовъ. По закону Юліана, при совершеніи дара въ пользу священнаго мѣста или для выкупа плѣнныхъ, личныя сдѣлки (actiones personales) имѣютъ полную силу, — подаренное при такихъ сдѣлкахъ имущество въ пользу церкви можетъ быть отторгнуто отъ церкви только въ томъ случаѣ, если церковь не владѣла подареннымъ столѣтъ (т. е. вслѣдствіе столѣтней „давности провладѣнія“); „ибо это длиннѣйшій срокъ жизни человѣческой“); а по закону Зенона, — если кто дарилъ движимое и недвижимое имущество для постройки храма въ честь мученика, пророка или ангела и передавалъ свой подарокъ при тѣхъ или тѣмъ, кому и слѣдуетъ передать, т. е. епископамъ, то совершеніе установленныхъ дарственныхъ документовъ требовалась послѣ этого безповоротно и, притомъ, какъ одна формальность, такъ какъ въ существѣ дѣла объявившій при епископѣ о своемъ намѣреніи, подарить въ пользу церкви движимое или недвижимое имущество не могъ послѣ этого, отказаться отъ своего намѣренія, а управленіе подареннымъ имуществомъ, замѣчаетъ Зенонъ, совершается тѣми, которые пользуются на это правомъ, т. е. епископами черезъ экономовъ; ²⁾ въ послѣдствіи времени Юстиніанъ призналъ совершенно излишнимъ совершеніе установленныхъ документовъ на тѣ подарки въ пользу церкви, о которыхъ объявлялось при епископахъ и цѣнность которыхъ не превышала 500 солидовъ ³⁾. Въ виду такого значенія присутствія епископа при совершеніи дара въ пользу церкви, Юстиніанъ въ вышеприведенной новеллѣ особенно настаиваетъ на томъ, чтобы постройка церкви и даръ въ пользу ея не совершались безъ вѣдома епископа, „ибо, замѣчаетъ онъ, многіе,

1) Cod. Iust. lib. 1, tit. 2, 23.

2) Ibid 15, conf. Nov. 131, c. XII.

3) Ibid. 19.

когда предпринимаютъ постройку ораторій, то больше слѣдуютъ своему честолюбію и являются строителями не православныхъ церквей, а не позволенныхъ вертеповъ“¹⁾).

Какъ видно изъ приведенной 67 новеллы, уже во времена Юстиніана случались злоупотребленія ктиторскимъ правомъ, но злоупотребленія эти были пока слѣдствіемъ новості дѣла, неясности положительныхъ законовъ относительно нравъ и привилегій ктиторскихъ и замѣчались большею частію только въ поведеніи ктиторовъ *ораторій*, которыя и въ новеллахъ Юстиніана и въ другихъ частяхъ греко-римскаго кодекса законовъ ясно отличаются отъ монастырей и приходскихъ церквей²⁾. Въ слѣдствіе этихъ злоупотребленій, законъ Юстиніана, регулирующий рядъ новыхъ дѣлъ, касавшихся построения новыхъ храмовъ и отношенія къ нимъ ихъ строителей, и имущества ораторій поставяетъ въ зависимость отъ власти церковной—епископа. При Юстиніанѣ такъ же начались злоупотребленія и ктиторовъ монастырей. „Такъ какъ мы узнали, писалъ Юстиніанъ, что нѣкоторыми совершается захватъ монастырей, такъ что эти послѣдніе изъ состоянія священнаго (e sacro statu) обратились въ положеніе частной собственности, то мы строго запрещаемъ это. И если подобное что-нибудь сдѣлано, то мы разрѣшаемъ епископу того мѣста, гдѣ это случилось, взять монастырь подъ свою защиту и

¹⁾ Nov. 67. Выраженія: *morbis suis inserviunt*, а также—*illicitarum speculationum aedificatores fiunt*—указываютъ на корыстные и честолюбивые мотивы нѣкоторыхъ здателей домашнихъ церквей, руководившіе созиданіемъ, и на дурное содержаніе этихъ церквей, мало чѣмъ отличавшееся отъ содержанія обыкновенныхъ жилищъ; эти выраженія юстиніановой новеллы напоминаютъ употребленное именно въ такомъ смыслѣ выраженіе Оригена въ его гомиліи на 21 гл. Маттея: „Если Онъ (І. Христось) разумно плакалъ надъ Іерусалимомъ, то еще болѣе будетъ плакать надъ *церковью, построенною* для того, чтобы была домою молитвы, обращенною-же, по причинѣ глупой корысти и невоздержности нѣкоторыхъ (о, если-бы этого не было) начальниковъ народа (епископовъ), въ *вертепъ разбойничій*. Decret. Grat., Caus XVI, quaest. VII, c. 9.

²⁾ *Ogatorium*, въ греч. *εὐχτηριον οἶκος*, означаетъ собственно *домашнюю церковь*, которая могла помѣщаться въ частномъ домѣ, составлявшемъ собственность частнаго лица, но въ которой могли собираться и другіе, кромѣ владѣльцевъ дома, вѣрующіе. См. *Ibid.*, dist. 1, c. 35.

возвратить его въ прежнее положеніе (in pristinum statum¹⁾). На ряду съ гражданскою властію обращеніе монастырей въ частную собственность преслѣдовалось и властію церковною. Отцы Халкидонскаго собора повелѣваютъ: „принадлежація (монастырямъ) вещи сохранять и впредь не быти онымъ мірскими жилищами“²⁾. Но такъ какъ это правило Халкидонскаго собора, говоритъ Вальсамонъ, не соблюдалось, то, по этому, было возобновлено на соборѣ Трульскомъ, отцы котораго опредѣлили: „дабы одинажды освященные, по изволенію епископа, монастыри пребывали навсегда монастырями, и принадлежащее онымъ имѣніе соблюдалось монастырю“³⁾. Во времена иконоборческихъ смуть переходъ монастырей съ принадлежащими имъ имуществами въ частное владѣніе пересталъ быть случаемъ. Захватъ монастырскихъ имуществъ совершался не только вѣтторами монастырей, но и людьми непричастными къ созиданію и обогащенію ихъ. Въ тѣ времена „многіе православные, убѣжавъ изъ своихъ епископій и монастырей, укрывались въ горахъ“, вследствие чего „благочестивые дома и другія священныя учрежденія были заняты нѣкоторыми и обратились въ мірскія жилища“⁴⁾. Церковно-законодательная власть, преслѣдовавшая ереси, старалась искоренять и ихъ послѣдствія. Поэтому обращеніе монастырей и другихъ церковныхъ учрежденій въ „мірскія жилища“, бывшее слѣдствіемъ иконоборчества, поколебавшаго въ обществѣ чувство уваженія къ святынямъ и сознаніе неприкосновенности священнаго, какъ явленіе беззаконное, вмѣстѣ съ его источникомъ, осуждено на седьмомъ вселенскомъ соборѣ. „Аще завладѣніе оными (священными имѣніями) восхотятъ отдати ихъ, постановили отцы этого собора, да будутъ возстановлены по прежнему; то добро и благо есть: аще-же не тако: то сущихъ отъ священническаго чина по-

1) Nov. VII, cap. 7, § 1.

2) 24 прав. Халк.

3) Замѣч. Вальс. на 49 пр. Трул. соб.

4) Толк. Вальс. на 13 пр. VII всел.; сравн. слова рѣчи Іоан. Ант., приведенныя въ началѣ 1 главы.

велѣваемъ извергати, а монаховъ или мірянъ отлучати, яко осужденныхъ отъ Отца и Сына и Св. Духа“...¹⁾ Но, повѣдая возстановить въ прежнее состояніе „благочестивыя дома“ и другія священныя учрежденія, обращенныя въ *мірскія жилища*, по случаю иконоборческихъ смуть, отцы седьмого всел. собора ничего не сказали (хотя это, нужно замѣтить, предполагалось хорошо извѣстнымъ изъ прежнихъ церковныхъ опредѣленій)—ничего не сказали о томъ,—какъ поступать въ томъ случаѣ, когда священныя учрежденія не обращены въ *мірскія жилища* и однако, вмѣстѣ съ принадлежащими къ нимъ имуществами, состоятъ подъ управленіемъ мірянъ,—должны-ли міряне, и какимъ способомъ владѣющіе этими учрежденіями, оставить свое владѣніе, или нѣтъ? Этотъ вопросъ въ отношеніи къ епископіямъ, т. е. къ приходскимъ церквамъ и ихъ имуществамъ, по словамъ Вальсамона, ни для кого не представлялъ сомнѣнія: приходскія церкви, вмѣстѣ со всѣми ихъ имуществами необходимо должны подлежать только власти епископа: „епископія, говоритъ онъ, необходимо должны перейти къ ихъ епископамъ и избранные во епископы для возстановленія ихъ не могутъ быть удержаны отъ того, каковымъ временемъ“²⁾ (т. е. давностію владѣнія). Но относительно вопроса о возможности отдачи монастырей (если они не обращаются въ *мірскія жилища*) и монастырскихъ имуществъ „мірскимъ человѣкамъ“ между древними восточными канонистами наблюдается нѣкотораго рода разногласіе.

Іоаннъ, антiохійскій патріархъ XII в., горячо возставалъ противъ, развившагося къ его времени, обычая передавать монастыри и монастырскія имущества въ управленіе „мірскихъ человѣковъ“. Связывая начало этого обычая съ иконоборческими смутами, развитіе его патріархъ объясняетъ такъ: „нѣкоторые изъ императоровъ и патріарховъ въ тѣ времена (во времена иконоборчества) жившихъ, построивши монастыри и домиціліи, въ которыхъ питаются бѣдные, передали ихъ

¹⁾ 13 пр., VII всел.

²⁾ Вальс. толк. на 13 пр. VII всел.

высокопоставленнымъ мужамъ не столько въ даръ и для корыстнаго пользованія, сколько для лучшаго устройства этихъ учреждений и для украшенія, а также ради пользы своей души“¹⁾ Достаточно было нѣсколькихъ примѣровъ подобныхъ подарковъ, рассуждаетъ Иоаннъ, чтобы, по силѣ традиціи, образовался и разросся обычай, по которому императоры и патриархи безъ нужды и разбору дарили монастыри и приюты нищихъ, въ корыстное пользованіе мірянъ.²⁾ Противъ этого обычая возсталъ константинопольскій патриархъ св. Сисиній и написалъ въ опроверженіе его сочиненіе.³⁾ Мнѣніе Сисинія о рѣшительной неираскосновенности монастырскихъ и всякаго рода другихъ церковныхъ имуществъ, поддерживаемое многими, уже готово было восторжествовать,⁴⁾ какъ въ маѣ мѣсяцѣ 1016 года явилось „постановленіе патриарха Сергія, сверѣдленное императорскою подписью, въ которомъ представлено было новое толкованіе 49 правила Трул. соб.“⁵⁾ по этому новому толкованію, передача (ѣхдосу) монастырей запрещалась 49 пр. Трул. соб. будто-бы только въ томъ случаѣ, если лица, которымъ дарятся монастыри, обращаютъ ихъ въ мірскія жилища; если же міряне содержатъ монастыри, сохраняя ихъ подожженіе (sacer status), то въ такомъ случаѣ, поворили, 49 правиломъ VI всел. собора дарить монастыри не запрещается, а напротивъ, въ видахъ улучшенія монастырей, разрѣшается, безпрепятственно, совершать дары и передачи. Въ послѣдствіи, времени, мнѣніе Сисинія поддерживали Иоаннъ антиохійскій, (называвшій передачу монастырей даячымъ лицамъ *нечестіемъ*), и Зонара, — мнѣніе Сергія вващивалъ Вальсамонъ, указывая на то, что оно утверждается на синодальномъ опредѣленіи и что, поэтому, отдача монастырей въ даръ мірскимъ людямъ, а еще болѣе передача для пропитанія, *не можетъ быть отвергаема*“⁶⁾ и что въ виду

1) Cotel., t. 1, p. 171, „In. mon. donat. laic.“; c. IX.

2) Ibid.

3) Ibid.

4) Вальс. на 13 пр. VII всел.

5) Ibid.

6) Ibid.

постановленія патриарха Сергія, „грамотѣ патриарха антиохійскаго Іоанна о не допущеніи отдачи монастырей частнымъ лицамъ можно не придавать значенія.

Эти разнорѣчивыя сужденія восточныхъ канонистовъ объ управленіи монастырями и монастырскими имуществами, основывавшіяся на такихъ-же опредѣленіяхъ двухъ патриарховъ константинопольскихъ, легко объясняются и разрѣшаются на основаніи 1 прав. собора Двукратнаго, который безусловно осудилъ вмѣшательство мірянъ въ управленіе всякаго рода церковнымъ имуществомъ, хотя-бы они состояли по отношенію къ нему жертвователями и строителями его, назвавъ усвоеніе мірянину власти надъ имуществомъ, пожертвованнымъ на пользу церкви, *корчемствомъ* (*κατάρσια*). „Созиданіе монастырей, дѣло только важное, писали отцы этого собора, и достохвальное... усматривается нынѣ худо производимымъ. Ибо нѣкоторые, давъ своимъ имѣніямъ и усадьбамъ имя монастыря и обѣщаваяся посвятити оныя Богу, пишутъ себя владѣльцами пожертвованнаго. Они ухищренно умыслили посвятити Богу единое наименованіе: ибо не стыдятся усвоити себѣ ту же власть и посылъ пожертвованія, какую не возбранялось имъ имѣти прежде. И такое корчемство примѣшалось къ сему дѣлу, что, къ удивленію и огорченію видящихъ, многое изъ посвященнаго Богу явно продается самими посвятившими. И не токмо нѣтъ въ нихъ раскаянія въ томъ, яко попускаютъ себѣ властвованіе надъ тѣмъ, что одинажды уже посвятили Богу, но и другимъ безстрашно передаютъ оное. Того ради св. соборъ опредѣлилъ: да не будетъ позволено никому созидати монастырь безъ вѣдѣнія и соизволенія епископа: но съ его вѣдѣніемъ и разрѣшеніемъ, и съ свершеніемъ подобающей молитвы, яко-же древле Богоугодно законоположено, монастырь да созидается: все-же ему принадлежащее, купно съ нимъ самимъ да вносится въ книгу, которая и да хранится въ епископскомъ архивѣ. И пожертвователь безъ воли епископа отнюдь да не имѣетъ дерзновенія, самого себя, или вмѣсто себя другаго поставити игуменомъ. *Ибо аще не можетъ кто-либо быть обладателемъ того, что подарилъ челоуку: то ка-*

ко можетъ быть попущено кому восхищати обладаніе тѣмъ, что снѣ посвящаетъ и приноситъ Богу“ ¹⁾). Это постановленіе Двукратнаго собора было подтверждено потомъ императорскимъ закономъ. Въ 924 году Романъ Старшій въ своемъ указѣ о возобновленіи Ксиропотамскаго монастыря, жалуя этотъ монастырь разными имуществами, писалъ, между прочимъ, слѣдующее: „все это (имущества) передается въ совершенное распоряженіе и во власть Ксиропотамскаго монастыря до тѣхъ поръ, пока солнце смотритъ на землю. И кто покусится извратить то, что сказано въ настоящемъ указѣ, т. е. лишить упомянутый монастырь опредѣленнаго ему денежнаго оклада или подчинить его какому либо важному лицу, или лишить его животворящаго древа, таковой, какъ святотатецъ, да получитъ болѣзнь Каина, проказу Пезія, удавленіе Іуды и пр. ²⁾). Указы объ устраненіи мірянъ отъ всякаго участія въ управленіи монастырскимъ имуществомъ, подобныя указу Романа, издавали потомъ Алексѣй Комнинъ ³⁾ и Василій Порфирородный ⁴⁾, ничего, впрочемъ, не прибавляя къ высказанному по этому вопросу соборомъ Двукратнымъ, а приурочивая его правило къ отдѣльнымъ монастырямъ.

Приведенное правило Двукратнаго собора такъ рѣшительно запрещаетъ вмѣшательство мірянъ въ управленіе монастырскимъ имуществомъ и въ обладаніе вообще тѣмъ, что посвящено Богу, хотя-бы мірянинъ состоялъ жертвователемъ этого имущества (ктиторомъ), что смыслъ этого правила ни для кого не представлялъ сомнѣнія. Самъ Вальсамонъ, сторонникъ постановленія патр. Сергія, въ толкованіи на это правило сознается, что, по смыслу постановленія отцевъ Двукратнаго собора, „монастырь долженъ оставаться свободнымъ, самоуправляющимся, не отчуждаемымъ и не могущимъ

¹⁾ Двукр. Соб. пр. 1.

²⁾ Ius Graec. Rom. Zach., Proleg. p. 27.

³⁾ Ibid., col. IV, Nov. 30, p. 370—375.

⁴⁾ Ibid. col. III, Nov. 29, p. 313—315.

поступить въ даръ"¹⁾. Такимъ образомъ великій канонистъ оказывается въ противорѣчii самъ съ собою, и самъ опровергаетъ то, что сказалъ раньше въ толкованіи на 13 пр. VII всел. собора, а именно, что „отдача монастырей въ даръ мірскимъ людямъ, а еще болѣе передача для пропитанія, не можетъ быть отвергаема“; ошибся онъ также и въ томъ, что грамоту патріарха Іоанна о „недопущеніи отдачи монастырей частнымъ лицамъ“ назвалъ не имѣющею каноническаго значенія. Патріархъ Іоаннъ вполне справедливо и согласно съ духомъ церковныхъ каноновъ и законовъ государственныхъ защищалъ мнѣніе патріарха Сисинія о неподвѣдомственности церковнаго имущества мірянамъ, хотя-бы и ктиторами, и съ значительною долею остроумія порицалъ господствовавшій въ его время обычай — отдавать монастыри въ частное пользованіе мірянъ; онъ находилъ такой обычай несообразнымъ ни съ канонами, ни съ законами гражданскими, ни со здравымъ смысломъ. Іоаннъ задаетъ вопросъ: чѣмъ можно оправдать передачу имущества церковнаго въ мірское владѣніе и отвѣчаетъ: „Если защитники такого обычая скажутъ, что они это дѣлаютъ для того, чтобы предотвратить церковное имущество отъ разоренія, то пусть выслушаютъ слѣдующій отвѣтъ: разорять или не разорять—зависитъ отъ вашей власти; наказывайте разорителей и не будетъ нужды въ такихъ искусственныхъ мѣрахъ. Ибо, кто защищаетъ передачу этого имущества мірянамъ, тотъ подобенъ тому управителю, который, благодаря дурному поведенію своихъ слугъ, разорилъ своего бѣднаго сына и, наконецъ, вслѣдствіе пробудившагося сожалѣнія къ несчастному, приказалъ-бы лишить разореннаго сына, вмѣстѣ со всѣми правами, даже свободы и обратить его въ рабство, *чтобы не разорался!!...* Очевидно это фикція, предлогъ и прозрачная покрывка корысти. Ибо какой евангельскій и божественный голосъ повелѣваетъ, какое постановленіе апостоловъ приказываетъ, или какое преданіе отцевъ и каноновъ опредѣляетъ, какой, наконецъ, за-

¹⁾ Прав. соб. Двукр. въ прил. „Чт. въ Общ. люб. дух. пр.“, 1881 г., кн. 5. стр. 1695.

конъ гражданскій отъ вѣка узаконилъ, чтобы святой храмъ или монастырь кому-нибудь уступались? И между языческими народами ты не отыщешь такихъ, которые-бы когда-нибудь храмъ идольскій кому-нибудь уступали“ ¹⁾... Тѣ, которые дарятъ кому-нибудь монастыри, продолжаетъ патріархъ Іоаннъ, обыкновенно пишутъ такъ: „Моя (свѣтлость) власть или умѣренность наша награждаетъ тебя такимъ-то монастыремъ (можетъ быть монастыремъ въ честь Господа І. Христа или Св. Его Матери, или кого-нибудь изъ святыхъ) со всѣми правами, привилегіями и имуществами недвижимыми и другими, сему монастырю принадлежащими, награждаетъ на время твоей жизни или время жизни двухъ человекъ. *Vona verba, o homo!* восклицаетъ Іоаннъ. Подумай: вѣдь ты даришь монастырь, который называется божественнымъ именемъ Богородицы или кого-нибудь изъ святыхъ! Всякій, кто даритъ, даритъ то, что имѣетъ, а не то, чего не имѣетъ. Ты-же, если скажешь, что даришь дѣйствительно то, что имѣешь, то въ такомъ случаѣ, считаешь принадлежащее Богу своимъ, и даже дѣлаешь самого себя Богомъ и, какъ Богъ, награждаешь собственностію тѣхъ, кого желаешь. Если же ты даришь то, чего не имѣешь, то—скажи - что ты дѣлаешь? ²⁾ Какимъ именемъ такой поступокъ долженъ быть награжденъ: спрашиваетъ Іоаннъ? Иначе нельзя его назвать, какъ *нечестіемъ*“: ³⁾ самъ-же и отвѣчаетъ:

Итакъ, въ кругъ обязанностей ктitora не входитъ обязанность управленія церковнымъ имуществомъ. Если въ исторіи греческой церкви и были такіе примѣры, что церковнымъ имуществомъ управляли ктиторы, то, во 1-хъ, это случалось съ имуществомъ монастырскимъ, а не церковно-приходскимъ, а во 2-хъ, случаи такого рода вмѣшательства мірянъ въ управленіе церковнымъ имуществомъ были осуждены церковью. А потому и современныя притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами нельзя назвать, съ канони-

1) Cotel., t. 1, p. 171—72, orat. Johan., c. XIII.

2) Ibid., c. X.

3) Ibid., c. XI.

ческой точки зрѣнія, основательными и законными, хотя-бы эти притязанія опирались и на то, что общество, въ лицѣ церковно-приходскихъ общинъ, созидаетъ и благотворитъ церкви, что эти общины и суть самыя законныя и прямыя ктитори церквей,—нельзя признать потому, что ктиторское право есть только право дѣятельной попечительности о благосостояніи церкви и почета за эту попечительность въ обществѣ, а не право управленія церковнымъ имуществомъ. Только тѣмъ, которые призваны ко власти церковной, т. е. епископамъ, и только имъ однимъ, принадлежитъ право править всѣми дѣлами церкви, а слѣдовательно—и дѣлами имущественными. Мірянамъ-же, церковное состояніе которыхъ характеризуется именно тѣмъ, что они призваны въ церкви ко спасенію и не призваны къ священноначалію и священнослуженію, на какомъ основаніи можетъ принадлежать право управленія церковнымъ имуществомъ, если имъ не принадлежитъ въ церкви право управленія вообще? „Тебѣ, мірянинъ: заповѣдуетъ церковное преданіе древнѣйшихъ вѣковъ,—тебѣ прилично, чтобы ты благотворилъ; епископу-же, какъ эконому и управителю церковныхъ имуществъ,—чтобы онъ употреблялъ ихъ. При этомъ остерегайся и не спрашивай у епископа основаній, а также не наблюдай за его управленіемъ церковнымъ имуществомъ,—когда, для чего и гдѣ, а также хорошо или дурно онъ ведетъ его. Ибо онъ самъ имѣетъ высшаго управителя—Бога, который передалъ въ его руки эту заботу и который восхотѣлъ вручить ему священство столь великой степени“ ¹⁾.

В. Новалевскій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Const. apost., l. VIII, c. 30.

ОСНОВНЫЯ ЗАДАЧИ НАШЕЙ НАРОДНОЙ ШКОЛЫ.

Библиографическая замѣтка по поводу брошюры: Задачи русской народной школы.
Н. Горбова. Москва. 1887.

Брошюра, заглавіе которой мы выписали, по нашему мнѣнію, должна обратить на себя серьезное вниманіе не только педагоговъ, но и всѣхъ русскихъ людей, заинтересованныхъ правильною постановкою дѣла въ нашей народной школѣ. Не говоря уже о томъ, что брошюра принадлежит перу писателя извѣстнаго въ нашей педагогической литературѣ, искренно преданнаго дѣлу народнаго образованія, знакомаго съ своимъ предметомъ не только теоретически, но и практически, — она касается принципиальныхъ вопросовъ русской народной школы, старается освѣтить ихъ самостоятельнымъ свѣтомъ и предлагаетъ рѣшеніе ихъ, далеко несогласное съ общераспространеннымъ возрѣніемъ на этотъ предметъ, по крайней мѣрѣ, среди большинства нашихъ педагоговъ. Въ этомъ состоитъ существенный интересъ брошюры г. Горбова. Въ самомъ дѣлѣ, пока мы не выяснимъ себѣ главныхъ и, такъ сказать, коренныхъ задачъ нашей народной школы; пока отчетливо не сознаемъ характеристическихъ особенностей ея въ кругу подобныхъ-же школъ другихъ народностей; пока не уяснимъ себѣ нашего особеннаго или самостоятельнаго идеала народной школы; словомъ, пока мы въ дѣлѣ народнаго

образованія будемъ только подражать чужестранцамъ, боясь или стыдясь жить собственнымъ умомъ: наша народная школа не процвѣтетъ, она будетъ кое-какъ идти впередъ, хромя на обѣ ноги: сегодня она будетъ нѣмецкою, позже французскою, еще позже англійскою и т. п.; но никогда не будетъ самостоятельной, русскою, на самомъ дѣлѣ *нашею народною* школою. Г. Горбовъ задается цѣлію раскрыть задачи собственно русской народной школы, показать намъ характеристическія особенности именно *нашей* народной школы, разумѣется, на сколько это возможно для усилій одного человѣка. Онъ самъ говоритъ: „Надо начертить планъ, собрать матеріаль и воздвигнуть зданіе русской школы. Всю работу надо начинать съ начала. Трудъ огромный. И однако за него надо взяться“. Въ этомъ, повторяемъ, состоитъ несомнѣнный, научный и скажемъ даже—жизненный интересъ брошюры. Знакомство съ основными воззрѣніями, развиваемыми въ ней, должно уяснить намъ это.

Г. Горбовъ ни на минуту не колеблется въ опредѣленіи главнаго направленія нашей народной школы. Онъ думаетъ, что эта школа всецѣло должна быть проникнута характеромъ воспитательнымъ, а не образовательнымъ; она должна воспитывать народъ, а не снабжать его разнообразными и разносторонними знаніями. Конечно и г. Горбовъ говоритъ объ обученіи, о надобности сообщенія воспитанникамъ извѣстнаго запаса свѣдѣній и о преподаваніи этихъ свѣдѣній въ такомъ видѣ, чтобы они могли расширить ихъ умственный горизонтъ; но всему этому онъ усволяетъ второстепенное значеніе, признаетъ все это лишь вспомогательнымъ средствомъ въ дѣлѣ воспитанія, и именно въ воспитаніи полагаетъ главный центръ тяжести народной школы. Въ воспитаніи, которое должно развить въ воспитанникахъ добрыя навыки и расположенія, скрывается главная задача народной школы. „Въ этомъ, говоритъ онъ, вся суть. И задачи обученія и задачи.... внѣшняго воспитанія ничто въ сравненіи съ этой главнѣйшей, высшей и окончательной“. Русская народная школа, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, „должна отказаться отъ сооб-

щенія свѣдѣній (разумѣется, излишнихъ) и ограничиться укрѣпленіемъ навыковъ“, при посредствѣ необходимыхъ свѣдѣній. Безъ сомнѣнія, нельзя не согласиться съ этими убѣжденіями нашего почтеннаго педагога. Пока наша народная школа не откажется отъ пустыхъ притязаній быть предварительнымъ курсомъ общеобразовательныхъ наукъ, пока наши педагоги—просвѣтители не перестанутъ смотрѣть на нее какъ на начальныя ступени, ведущія въ обширный храмъ наукъ: наше школьное дѣло не процвѣтетъ; оно всегда будетъ представляться нашему русскому народу дѣломъ малополезнымъ, если уже не совершенно бесполезнымъ, барскою затѣею, праздною и вовсе не интересною выдумкою господъ. Стремленіе къ излишней образованности, къ возможно большому просвѣщенію въ народной школѣ, по самому существу своему, есть стремленіе демократическое, столь несогласное съ духомъ русскаго народа, воспитаннаго на иныхъ началахъ. Оно возникаетъ изъ желанія, быть можетъ, очень характернаго для нашего времени, все уравнивать и нивелировать т. е. изъ желанія сдѣлать народную школу сколько возможно болѣе ученую и высшую школу сколько возможно менѣе ученою, и этимъ подвести всѣ сословія и всѣ классы людей подъ одинъ общественный уровень. Быть можетъ, подобное направленіе, проникающее въ значительной мѣрѣ и въ народную педагогію, находитъ себѣ нѣкоторое оправданіе въ тѣхъ странахъ, гдѣ народъ призывается къ широкому участию въ политической жизни, гдѣ существуетъ борьба политическихъ партій, гдѣ самъ народъ ведетъ эту борьбу и на своихъ плечахъ выносить ошибки партій. Но и тамъ это направленіе сказывается печальными послѣдствіями. По замѣчанію даже западныхъ, безпристрастныхъ педагоговъ, въ тотъ день, когда народная школа превратится въ ученую, или даже подготовительную къ ней, она потеряетъ характеристическія особенности народной школы, станетъ орудіемъ партій и неизбежно отдана будетъ самому пагубному верхоглядству; съ другой стороны, высшая школа, становясь популярною, теряетъ свой ученый характеръ и понижа-

еть научныя требованія народа до *minimum'a*. Это говорятъ даже нѣмцы. Мы-то, русскіе, почему должны хлопотать объ этомъ?

И такъ не *просвѣщеніе* народа, а *воспитаніе* должно стоять на первомъ планѣ въ нашей народной школѣ; и только тогда эта школа получитъ надлежащее направленіе, когда на нее будутъ смотрѣть какъ на мѣсто первоначальнаго воспитанія нашего народа. Повторяемъ, съ этимъ соглашаются даже западные безпристрастные педагоги.

Но *воспитаніе* очень широкое понятіе; его характеристическіе признаки недостаточно ясны; его задачи и цѣли не могутъ быть выведены непосредственно изъ самаго понятія воспитанія и большею частію опредѣляются сторонними соображеніями, а потому бываютъ разнообразными до противоположности. Въ государствахъ отдаленной древности, поглощавшихъ или воплощавшихъ въ себѣ всѣ задачи человѣческой жизни, цѣли государства были въ то же время цѣлями и воспитанія. Особенно ясно сказалось это въ древней Спартѣ; но и новѣйшіе мыслители, какъ на примѣръ Гоббесъ, Монтескье, Шериданъ и пр. тоже говорили, что благо государства должно опредѣлять собою задачи воспитанія. Монтескье, напр., утверждаетъ, что законы воспитанія должны быть различны по различію государственнаго строя; въ монархіяхъ они должны имѣть предметомъ своимъ честь народа, въ республикахъ—добродѣтель, въ деспотіяхъ—страхъ (*De l'esprit des loix. L. IV chap. 1*). Въ наше время подобныя воззрѣнія не имѣютъ уже никакого значенія въ педагогическомъ мірѣ. Дальнѣйшіе педагоги старались вывести задачи воспитанія изъ общаго назначенія человѣка, а самое назначеніе это старались опредѣлить своимъ философскимъ или богословскимъ міросозерцаніемъ. Такъ педагоги Лейбнице-Вольфіанскаго направленія признавали цѣлю воспитанія *благополучіе* (*Glückseligkeit*), филантропы и всѣ тѣ, которые держались Локковой философіи, полагали цѣль воспитанія въ *приспособленности къ жизни въ мірѣ* (*Brauchbarkeit für die Welt*); Руссо и его послѣдователи находили эту цѣль въ *жизни согла-*

снoй съ природoю (Leben nach der Natur); Кантъ указалъ педагогичеcкiй цѣль воспитанiя въ нравственности (Sittlichkeiт), какъ новѣйшiе абсолютные философы указывали ее въ разумности, въ безусловномъ господствѣ разума и нравственнаго закона надъ чувственностью, въ полной и абсолютной свободѣ чело-вѣческаго духа (Vernünftigkeit, unbedingte Herrschaft der Vernunft und Sittlichkeit über die Sinnlichkeit, vollkommene und absolute Freiheit des menschlichen Geistes). Что же касается педагоговъ, державшихся богословскихъ воззрѣнiй, то цѣлю воспитанiя они поставляли или религиозность, или богоподобiе, или обожествленiе (Religiosität, Gottähnlichkeit, Divinität).

Но немного, кажется, нужно для того, чтобы видѣть, что все эти, прекрасныя сами по себѣ цѣли, отличаются однакоже однимъ существеннымъ недостаткомъ, крайнею отвлеченностью и чисто формальнымъ характеромъ. Достаточно самаго бѣлаго обзора ихъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Мы должны, говорятъ, стремиться къ благополучiю. Но не считаетъ-ли одинъ благополучiемъ то, что другой съ полнымъ правомъ и на томъ-же основанiи признаетъ несчастiемъ для себя? Гдѣ надобно искать вѣрный критерiй для опредѣленiя истиннаго благополучiя? Мы должны, говорятъ еще, сдѣлать себя приспособленными для жизни въ этомъ мiрѣ; законъ приспособленiя есть великiй законъ жизни; кто не хочетъ подчиняться этому закону, тотъ долженъ умереть. Но одного приспособленiя достаточно-ли для осуществленiя нашего чело-вѣческаго назначенiя? Должно-ли наше приспособленiе ограничиваться задачами этой земной жизни; или оно должно имѣть въ виду и жизнь загробную, кто намъ скажетъ это? Притомъ-же чело-вѣкъ не есть только страдательное, приспособляющееся существо, но и активное, дѣятельное, налагающее печать своего чело-вѣческаго достоинства на окружающую его природу. Какимъ-же началомъ онъ долженъ руководствоваться при осуществленiи этой т. е. активной дѣятельности своей? Воспитательное правило ничего не говоритъ объ этомъ. Но пойдемъ дальше. Еще Руссо сказалъ, что надобно жить и воспитыв-

вать людей согласно съ природою,—природа есть лучший учитель, какъ она-же есть лучший цѣлитель недуговъ челоѳчества. Ему повѣрили въ этомъ отношеніи такіе педагоги, какъ Песталлоцци, а въ наше время, кажется, графъ Л. Н. Толстой въ своей Ясно-Полянской школѣ. Но какъ прежде, такъ и теперь остается нерѣшеннымъ вопросъ, съ какою-же именно природою надобно находиться въ согласіи? Руссо думалъ, что природа челоѳческая совершенна, и что только неправильное развитіе ея дѣлаетъ ее злою, эгоистическою, несовершенною; графъ Левъ Николаевичъ, кажется, уже колеблется въ этомъ, по крайней мѣрѣ для подавленія эгоистическихъ проявленій природы онъ создаетъ уже свое новоизмышленное евангеліе. Не въ отвлеченномъ понятіи природы, а въ своемъ евангеліи графъ ищетъ руководящихъ правилъ для жизни и для воспитанія. Но достаточно-ли одного этого для обузданія грѣховной природы челоѳческой? Откуда можно черпать въ изобиліи силы для осуществленія въ жизни и тѣхъ не высокихъ идеаловъ, о которыхъ говоритъ намъ графъ? Во всякомъ случаѣ, графъ уже видитъ въ этой природѣ „власть тьмы“ и усиливается разрушить эту власть своими пятью заповѣдями. Кто-же поручился намъ, что его пять заповѣдей, даже при полномъ примѣненіи ихъ къ дѣлу воспитанія и сохраненія ихъ въ жизни, совершатъ чудо перевоспитанія челоѳчества? По крайней мѣрѣ, мы сильно сомнѣваемся въ этомъ. Но пойдемъ еще дальше. Никто болѣе Канта не цѣнилъ законовъ нравственной природы челоѳческой; для него эти законы были гораздо выше всѣхъ естественныхъ законовъ, которыми управляются безчисленные міры въ небесныхъ пространствахъ. Но въ чемъ состоятъ эти нравственные законы, безспорные, очевидные, для всѣхъ убѣдительные? Ни Кантова автономная воля, ни его формальныя начала нравственности не рѣшили этого вопроса съ несомнѣнною ясностію. Но этого мало. И Кантъ и Фихте, желавшіе поставить нравственность внѣ отношеній къ Богу, независимо отъ религіи и, такъ сказать, на собственныхъ ногахъ, въ концѣ концовъ должны были допустить

нравственные постулаты, которые въ сущности суть тѣ-же религиозныя начала, хотя и закрытыя философскою мантиею; а это доказываетъ, что безличный долгъ не можетъ замѣнить для людей отношеній къ живому и личному Богу: Это говоримъ мы о дѣятельности автономной, зависящей отъ воли человѣческой, о той дѣятельности, которую стоики опредѣляли словами τὰ ἐφ' ἡμῶν (зависящую отъ насъ): но что сказать о дѣятельности, независящей отъ воли человѣка, когда человѣкъ поражается бѣдствіями, обуревается страстями, болѣзнями, подвергается неожиданнымъ и грознымъ переворотамъ судьбы; словомъ, что надобно сказать о всемъ томъ, надъ чѣмъ воля наша не властна и что стоики выражали словами τὰ οὐκ ἐφ' ἡμῶν (что не отъ насъ)? Безъ сомнѣнія, никакое автономистическое воспитаніе не предохранитъ насъ отъ этихъ случайностей и не укажетъ намъ правильного выхода изъ нихъ. А если такъ, то всѣ наши педагогическія правила, основанныя на автономномъ воспитаніи, будутъ разбиваться о подводные камни этихъ случайностей. Тоже, что мы сказали о Кантовской автономной волѣ въ отношеніи къ воспитанію, тоже самое, и даже съ большимъ правомъ, мы должны сказать и о разумности, какъ воспитательномъ началѣ абсолютныхъ философовъ. При всемъ своемъ уваженіи къ человѣческой мудрости, мы должны сказать, что эти философы не оставили намъ изображенія своего мудреца, а ихъ предшественники, собственно древніе философы, при опредѣленіи идеала мудреца, разошлись до противоположности, до безусловнаго отрицанія другъ друга. И такъ, какого-же мудреца долженъ имѣть въ виду современный намъ воспитатель? Къ осуществленію какого идеала мудрости въ своихъ воспитанникахъ онъ долженъ стремиться? Только христіанство рѣшило намъ этотъ вопросъ; только оно указало намъ высочайшій идеаль мудрости въ Лицѣ нашего Божественнаго Учителя. Но этотъ идеаль осуществимъ въ нашей жизни лишь въ Церкви, при помощи Церкви и благодатными средствами Церкви. Вне Церкви стремленіе къ этому идеалу невозможно; вне Церкви всегда будутъ сыны вѣка сего

въ родѣ своемъ мудрѣе сыновъ свѣта (Лук. 16, 8). Но ничѣмъ, кажется, столько не увлекались педагоги новѣйшихъ временъ, какъ идею полной свободы человѣческаго духа, и особенно увлекались ею во времена господства философіи объ абсолютномъ духѣ. Намъ духъ, говорили они, стремится къ свободѣ, свобода составляетъ жизненную стихію духа; поэтому воспитаніе должно помочь воспитаннику сознать найденную степень свободы и обезпечить поступательное движеніе къ дальнѣйшимъ ступенямъ. Но свобода человѣческаго духа не есть ничто положительное, а есть только отрицаніе условій стѣснительныхъ для его развитія; она не даетъ намъ содержанія, а служитъ только формою для сохраненія этого содержанія. А потому, не говоря даже о злоупотребленіяхъ этою свободою, на нее надобно смотрѣть какъ на переходную ступень къ истинной, реальной и полной свободѣ; которая возможна для конечнаго духа лишь тогда, когда онъ приходитъ въ единеніе съ Духомъ безконечнымъ, Духомъ истины и благодати, когда съ постепеннымъ развитіемъ своихъ силъ человекъ достигаетъ такого тѣснаго единенія съ Божествомъ, что свобода и необходимость у него приходятъ въ гармонію и объединяются въ высшемъ началѣ жизни, въ любви, въ чемъ собственно и состоитъ свобода чадъ Божіихъ. А потому въ Словѣ Божіемъ и говорится: *идеже Духъ Господенъ, ту свобода; аще Сынъ вы свободитъ, воистину свободни будете.* Но эта свобода тоже пріобрѣтается только въ Церкви; никакая педагогика не можетъ дать намъ этой свободы. Итакъ, даже изъ нашего бѣлаго обзора можно видѣть, что всѣ задачи воспитанія, указываемыя намъ разнообразными научными и философскими школами, отличаются чисто формальнымъ характеромъ, лишены внутренней содержательности и съ одинаковою легкостью могутъ быть примѣнены къ самымъ противоположнымъ направленіямъ жизни воспитанника. Они одинаково властвуютъ и въ области добра и въ области зла. Поэтому ихъ не только нельзя назвать основными задачами воспитанія, но едва-ли можно признать главными или руководящими принципами во-

спитанія; въѣ они абстрактны и безсодержательны, безжизненны и неопредѣленны.

Но тоже самое надобно сказать и о богословскихъ задачахъ воспитанія, о которыхъ мы упомянули выше и о которыхъ тоже говорить намъ германская педагогика. Въ самомъ дѣлѣ, не достаточно указать на религіозность, богоуподобленіе и обожествленіе, какъ на воспитательныя задачи; надобно еще выяснить подлинное содержаніе этихъ прекрасныхъ задачъ и предложить средства для осуществленія въ жизни этого содержанія. Не говорили-ли, на примѣръ, намъ и древніе философы о всѣхъ этихъ прекрасныхъ задачахъ т. е. о религіозности, богоуподобленіи, обожествленіи? Они даже измыслили особенную науку, названную ими *Θεουργίαν*, при помощи которой думали вести своихъ воспитанниковъ къ богоподобію. И однако-же нигдѣ не было столько заблужденій, самыхъ странныхъ и самыхъ поразительныхъ, какъ именно въ этой области воспитанія. Для примѣра укажемъ на индѣйскую религіозность и на индѣйскія средства богоуподобленія. А въ наше время педагоги (преимущественно, иезуиты) не прикрывали-ли религіозностью и богоуподобленіемъ самый страшный деспотизмъ и крайнюю распущенность нравовъ? Не здѣсь ли даже скрывается главная причина болѣе или менѣе отрицательнаго отношенія современныхъ намъ педагоговъ къ религіознымъ задачамъ воспитанія? Нынѣшняя Франція служитъ для насъ въ этомъ отношеніи лучшимъ доказательствомъ. Итакъ религіозность, богоуподобленіе и обожествленіе суть тоже обоюдоострое оружіе; ими можно поражать зло, но ими-же можно поддерживать и усиливать его; ими можно воспитывать, но ими-же можно губить воспитанника. Только въ союзѣ съ Церковію, и притомъ правильномъ и искреннемъ, не искаженномъ произвольнымъ толкованіемъ и ограниченіемъ, только при содѣйствіи ея благодатныхъ силъ, только при живомъ руководствѣ Христовой Церкви религіозныя задачи воспитанія изъ абстрактныхъ, неопредѣленныхъ и безжизненныхъ превращаются въ конкретныя, содержательныя и жизненныя; только Церковь есть истинная во-

спитательница на всѣхъ ступеняхъ человѣческой жизни и человѣческаго развитія. Такъ, повидимому, смотритъ на дѣло народнаго образованія и г. Горбовъ. Говоримъ „повидимому“, и мы имѣемъ основаніе утверждать это; а съ самымъ этимъ основаніемъ мы познакомимъ читателей нѣсколько ниже. Когда мы указывали различныя задачи воспитанія существовавшія прежде и отчасти существующія среди современныхъ педагоговъ и теперь, то этимъ мы только хотѣли иллюстрировать его главную мысль, яснѣе показать и частію оправдать ту серьезную точку зрѣнія его, которую вполне раздѣляемъ и которая должна быть положена въ основу нашей народной школы. Онъ говоритъ: „Церковная жизнь не есть что-то такое, что можетъ пригодиться только въ случаѣ нужды. Она беретъ человѣка съ самаго рожденія и не покидаетъ его ни на минуту. Связь школы съ Церковію, поэтому, не есть, такъ сказать, связь только учебная,—это связь органическая, жизненная!“ Еще яснѣе онъ опредѣляетъ воспитательное значеніе Церкви для народной школы въ слѣдующихъ словахъ. „Научная педагогика утверждаетъ, говоритъ онъ, что стоитъ вести правилно воспитаніе (для крестьянъ очевидно только въ школьные годы) и человѣкъ уже окончательно готовъ. Церковь, напротивъ, начинаетъ свое воспитаніе съ рожденія, въ таинствахъ Крещенія и Мѣропомазанія. Затѣмъ она даетъ человѣку, кромѣ этихъ средствъ нравственнаго возрожденія при вступленіи въ члены Церкви, еще столь же таинственные и благодатныя средства постояннаго укрѣпленія въ нравственной жизни, таинства Покаянія и Причащенія. Наконецъ, кромѣ этихъ высшихъ, чрезвычайныхъ средствъ, Церковь установила еще церковную жизнь, которая опять таки имѣетъ своей цѣлію быть постоянной помощью въ жизни слабому, подверженному безчисленнымъ опасностямъ, человѣку. Все въ церковной жизни направлено къ этой цѣли,—и годовой кругъ общественнаго богослуженія, и службы на разные случаи, и посты, и т. д.; все это должно подкрѣплять волю человѣка, напоминать ему о нравственныхъ требованіяхъ, представлять ему примѣры, достойные подражанія, повто-

рять высокія истины христіанства“ (стр. 61). Мы съ намѣреніемъ сдѣлали эту довольно большую выдержку изъ брошюры г. Горбова. Намъ такъ рѣдко приходится встрѣчаться съ подобными дѣльными мыслями въ нашей народной педагогіи!... Притомъ-же мы хотѣли-бы сдѣлать изъ приведенной нами выдержки тотъ выводъ, который, по нашему мнѣнію, самъ собою слѣдуетъ и котораго однако-же г. Горбовъ не дѣлаетъ. Именно,—намъ хотѣлось сказать, что наша народная школа, по самому существу своему, должна быть церковною, должна составлять одну изъ воспитательныхъ ступеней церковной жизни и должна находиться непосредственно въ вѣдѣніи и ближайшемъ руководствѣ православнаго духовенства. Почему однако-же г. Горбовъ не дѣлаетъ этого вывода?

Г. Горбовъ хочетъ опредѣлить не церковную или церковно-приходскую школу, а *народную*; онъ старается уяснить намъ „задачи собственно русской народной школы“. Онъ не смѣшиваетъ этихъ двухъ видовъ школъ. Конечно онъ тоже требуетъ въ своей школѣ воспитанія въ духѣ православія, церковности и преданности православной Церкви; говоритъ объ органической связи школы съ Церковію; но онъ признаетъ церковное воспитаніе видовымъ, дополнительнымъ и завершительнымъ, а не центральнымъ, основнымъ и руководственнымъ. И на этомъ, между прочимъ, основаніи требуетъ прекращенія мірскихъ приговоровъ о замѣнѣ земской школы церковно-приходскою (стр. 5). Какимъ-же путемъ онъ хочетъ прійти къ рѣшенію своихъ задачъ? Путемъ отрицательнымъ и положительнымъ, путемъ отрицанія нѣмецкой педагогики и путемъ развитія иныхъ началъ, противоположныхъ нѣмецкой педагогической наукѣ. Посмотримъ прежде всего на его отрицательный путь. Когда г. Горбовъ изображаетъ намъ крайности нѣмецкой дидактики и методики въ примѣненіи къ нашей народной школѣ, когда разсматриваетъ отдѣльные приемы и требованія, заимствованные русскими педагогами у нѣмецкихъ; то съ нимъ надобно безусловно соглашаться. Онъ изображаетъ намъ крайности и увлеченія нашихъ педагоговъ мастерски, съ несомнѣннымъ знаніемъ дѣла, на осно-

ваніи собственнаго живого опыта. Эта часть его брошюры, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ самымъ удачнымъ, и разработана у него съ достаточною ясностью и убѣдительностію. Но мы недоумѣваемъ, при чемъ тутъ собственно „нѣмецкая педагогика?“ Виновата-ли она въ крайностяхъ и увлеченіяхъ нѣкоторыхъ своихъ поклонниковъ, которыя она-же первая и поражаетъ во имя педагогической правды? Дѣло въ томъ, что педагогика не есть наука, а искусство; и неискusstvenное примѣненіе ея требованій и правилъ къ школѣ всегда возможно не только у нѣмцевъ, но и у насъ и среди всѣхъ другихъ народностей. Искусство не виновато въ существованіи неумѣлыхъ исполнителей его требованій. Но г. Горбовъ не ограничивается этимъ; онъ отрицаетъ въ тоже время всякое значеніе научной нѣмецкой педагогики. Онъ говоритъ, что въ Германіи въ настоящее время есть много педагогическихъ ученій и каждое изъ нихъ признаетъ истину за исключительную свою собственность; а потому нѣтъ возможности рѣшить, какое изъ нихъ утверждаетъ правду. Самъ-же онъ ясно различаетъ три группы педагоговъ: именно послѣдователей Гербарта, Бенке и Дистервега, и ко всѣмъ имъ онъ поставляетъ себя въ отрицательное отношеніе. Послѣдуемъ-же за г. Горбовымъ. Мы не станемъ много говорить о Дистервегѣ. Это тотъ педагогъ, который соглашается съ Каппомъ, что будто „обученіе должно обнимать всю культуру міра на каждой ступени. Не то, чтобы часть горожанамъ, часть студентамъ, часть гимназистамъ; общечеловѣческое должно быть во всѣхъ; образованіе должно различаться только по степени“. Это далѣе тотъ педагогъ, который говоритъ, „кому-же изъ взрослыхъ можетъ еще прійти въ настоящее время охота серьезно говорить объ искушеніи зміями, о говорящихъ ослицахъ, о пребываніи въ желудкѣ кита и т. д.“. Словомъ это тотъ педагогъ, который хотѣлъ-бы сравнять народную школу съ учебными заведеніями и который оказываетъ благоволеніе къ откровенной религіи, но лишь настолько, насколько она согласна съ его собственнымъ разумомъ. Не думаемъ, чтобы подобные педагоги особенно были полезны не только у насъ, но и въ

самой Германіи. Но мы имѣемъ спрашиваемъ, причемъ же тутъ собственно научная и немецкая педагогика? Педагоги — космополиты, отрицатели и даже нигилисты, подобные Дистервегу, возможны не только среди немцевъ, но и среди русскихъ, какъ возможны они и среди всѣхъ другихъ народностей. А это только усиливаетъ наше убѣжденіе, что народная школа должна найдаться въ непосредственномъ вѣдѣніи и руководствованіи духовенства. Не говорить ли намъ и самъ г. Горбовъ, что въ Германіи, рядомъ съ Дистервеговскимъ направлениемъ, существуетъ другое, строго церковное, но къ сожалѣнію, не церковные педагоги, хотя и немецкіе, даютъ тонъ нашимъ педагогамъ и, собственно, не въ нихъ русскіе педагоги видятъ свой идеалъ? (стр. 153) Совершенно съ инымъ характеромъ являються педагоги школы Бенке и Гербарта. Педагогическая теорія Бенке находится въ тѣсной связи съ его психологическою системою. Установленныя имъ психическія формы жизни служатъ у него необходимыми основами для опредѣленія воспитательныхъ пріемовъ; по его мнѣнію, психологія должна указать намъ и общіе и частныя пріемы воспитанія. Онъ говоритъ: „воспитаніе (die Erziehung) имѣетъ главнымъ образомъ въ виду сдѣлать необразованный или малообразованный умъ образованнымъ; а потому имѣетъ дѣло съ внутреннимъ образованіемъ души (т. е. превращеніемъ потенцірующей души въ дѣйствительную); или съ субъектомъ, съ способностями и силами, составляющими съ самаго перваго начала собственностъ человеческой души; обученію же (dem Unterrichte) принадлежитъ сообщеніе и усвоеніе объективно даннаго для цѣлей этого образованія“¹⁾. Такимъ образомъ, по Бенке, воспитаніе ограничивается образованіемъ субъекта души, развитіемъ ея силъ и способностей. Бенке хочетъ конструировать душу школьника на основаніи своей опытной психологіи и присущихъ душѣ школьника, потенциальныхъ силъ. Гербартъ расширяетъ точку зрѣнія Бенке и требуетъ, чтобы всѣ развитыя такимъ образомъ

¹⁾ Erziehung und Unterrichtslehre. 2. Aufl. 1. v. Bd. s. 91 ff., 2. v. Bd. s. 3.

силы и способности души человѣческой подчинены были высшему понятію, понятію нравственности; да и самое это понятіе расширяетъ эстетическимъ созерцаніемъ природы. Онъ желаетъ сообщить нравственному расположенію воспитанника стойкость и силу посредствомъ всѣхъ эстетическихъ элементовъ природы. Гербартъ не есть суровый воспитатель чувства долга, а пріятный руководитель къ эстетическому наслажденію, соединенному съ развитіемъ долга въ обширномъ смыслѣ ¹⁾. Отсюда открывается, что Бенке хочетъ сдѣлать своего воспитанника „человѣкомъ“; отзывчивымъ ко всему богатому содержанію человѣческой жизни. Гербартъ-же обращаетъ вниманіе не столько на количество объективно даруемаго воспитанникамъ, на количество сообщаемыхъ фактовъ и впечатлѣній, сколько на ихъ качество, на ихъ эстетическое вліяніе въ дѣлѣ укрѣпленія нравственнаго характера. Такимъ образомъ Бенке болѣе объективистъ; между тѣмъ какъ Гербартъ субъективистъ; первый обращаетъ больше вниманіе на развитіе силъ и способностей души; второй—на свойство или качество развиваемыхъ такимъ образомъ силъ и способностей. Но тотъ и другой одинаково имѣютъ въ виду развитіе души воспитанника; и развиваютъ ее на основаніи собственныхъ психологическихъ теорій. Отсюда педагоги, ихъ послѣдователи, разоходясь между собою въ частныхъ приемахъ воспитанія до взаимнаго отрицанія, все-же главнымъ правиломъ воспитанія поставляютъ или пробужденіе всѣхъ силъ души воспитанника, т. е. сообщеніе ему возможности пользоваться всѣми человѣческими силами (Gebrauche der menschlichen Kräfte), или совершенство этихъ силъ (Vollkommenheit der Kräfte), или развитіе стремленія къ самообразованію, или, наконецъ, достиженіе воспитанникомъ способности самому продолжать свое дальнѣйшее воспитаніе (Selbstbildung, „Die Erziehung soll den Menschen zu seinem eigenen Erzieher machen). Отсюда-же возникаетъ и характеристическая особенность современной намъ научной педагогій,—особенность со-

¹⁾ Umriss pädagogischer Vorlesungen. 2. Ausgabe 1841. s. 6 ff.

стоящая въ системѣ такъ называемаго воспитывающаго обученія (erziehender Unterricht). Въ самомъ дѣлѣ, какъ справедливо замѣчаетъ г. Горбовъ, „если вся душевная жизнь слагается исключительно изъ впечатлѣній, накаплиющихся въ душѣ, то, конечно, степень развитія и направленія этой жизни зависитъ отъ того, какія и въ какомъ порядкѣ накаплиются въ душѣ впечатлѣнія. Во время обученія и происходитъ именно такое накопленіе и притомъ въ размѣрѣ и системѣ, какіе покажутся лучшими учителю“. Въ этомъ состоитъ сущность современной намъ научной педагогики; въ этомъ состоитъ истинное содержаніе всей нѣмецкой педагогики. Мы, конечно, ничего не говоримъ при этомъ о педагогахъ практикахъ, которые ведутъ свое дѣло при помощи механически усвоенныхъ себѣ пріемовъ воспитанія, болѣе или менѣе оправдываемыхъ научною педагогикою; потому что эти педагоги не строители педагогическаго зданія, а простые лишь чернорабочіе при возведеніи его. Хорошо уже и то, если они не трудятся надъ разрушеніемъ этого зданія.

Что же собственно надобно сказать о требованіяхъ научной педагогики примѣнительно къ нашей народной школѣ? Какъ смотрѣть на эти требованія? Г. Горбовъ отвергаетъ всякое значеніе научной педагогики для насъ. Онъ говоритъ: „если истинная педагогика только та, которая основана на истинной психологіи, а истинныхъ психологій чуть не столько-же, сколько психологовъ, то какія дѣти столь счастливы, что подпали подъ вліяніе подлинно истинной педагогики?“ Но что же отсюда слѣдуетъ? Должны-ли педагоги на этомъ основаніи отвергать всякія изслѣдованія въ области психологіи? Справедливо то, что психологія вовсе не есть точная наука, какъ воображаютъ себѣ нѣкоторые психологи; ее даже надобно назвать опытною наукою съ большими ограниченіями. Наблюденію психологовъ подпадаетъ только та сторона человѣческой души, которая можетъ быть освѣщена большимъ или меньшимъ свѣтомъ сознанія; но кромѣ этой стороны, есть еще другая, болѣе таинственная и болѣе глубокая, которая не поддается, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, ни-

какимъ психологическимъ наблюденіямъ. А между тѣмъ именно эта сторона души имѣетъ сильное и даже преобладающее вліяніе на всю жизнь воспитанника и жизнь цѣлыхъ поколѣній. Да и та сторона души, которая доступна психологическому наблюденію, точно-ли и подлинно-ли извѣстна нашимъ психологамъ? Существованіе различныхъ психологическихъ школъ служитъ лучшимъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ. Но слѣдуетъ-ли изъ этого, что наша русская педагогика должна чуждаться научной, и должна чуждаться лишь потому, что она основана на нѣмецкой психологіи, т. е. психологіи Бенке и Гербарта? Давно высказано мудрое правило, что въ основу воспитанія надобно полагать познаніе самого себя, познаніе своей души (γινώσκει σεαυτον). Говорятъ, что это правило сведено съ неба однимъ древнимъ мудрецомъ. Ужели правило это потеряло въ наше время свою педагогическую силу? Мы этого не думаемъ. Намъ кажется, что г. Горбовъ только тогда имѣлъ-бы право вооружиться противъ нѣмецкой психологіи и основанной на ней научной педагогики, когда-бы могъ указать намъ другую психологію, разумѣется, русскую, болѣе правильную и болѣе вѣрную; но къ сожалѣнію онъ этого не дѣлаетъ. Напротивъ, онъ только отвергаетъ всякое значеніе научной психологіи для развитія истинной педагогики. По нашему мнѣнію, это уже крайность. Но этого мало. Почему собственно г. Горбовъ не доволенъ современною нѣмецкою педагогикою, основанною на научной психологіи? Потому что отецъ научной педагогики, Гербартъ, на основаніи своихъ психологическихъ изслѣдованій, учитъ, что „воля, которая образуется въ челоуѣкѣ прежде, чѣмъ онъ подпадетъ вліянію воспитанія, безпорядочна и необузданна“. А потому „первая задача воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы обуздать эту волю внѣшними средствами, а обученіе должно начинать только тогда, когда эти внѣшнія средства достигаютъ своей цѣли“ (стр. 11). Изъ этого взгляда, по мнѣнію г. Горбова, у научной педагогики будто-бы вытекаетъ весьма откровенное презрѣніе къ воспитаннику и отрицается почти всякое вліяніе жизни на него; „ибо что можетъ сдѣ-

дать это вліяніе въ сравненіи съ вліяніемъ учителя, который гнетъ и вертитъ душу воспитанника, вооруженный всеми средствами науки? Намъ кажется, что въ научной педагогикѣ не можетъ быть и рѣчи ни о какомъ презрѣніи къ воспитаннику, и это презрѣніе, вытекающее будто-бы изъ психологическихъ возрѣвѣній Гербарта на душу воспитанника, столько-же можетъ быть научно оправдываемо, какъ и презрѣніе, основанное на томъ чисто христіанскомъ ученіи, что человекъ рождается въ мірѣ съ душою искаженною грѣхомъ, съ волею порочною, съ умомъ омраченныиъ. Какой разумный педагогъ станетъ презирать своего воспитанника на этомъ основаніи? Другое дѣло „вліяніе жизни“ на воспитанника, поступающаго въ школу. Но не преувеличиваетъ-ли г. Горбовъ и даже не идеализируетъ-ли это „вліяніе жизни“ на воспитанника? Дѣти не ангелы, а жизнь часто искажаетъ въ нихъ цѣль черты невинности, которыя можно находить въ нихъ. Но объ этомъ преувеличеніи, или объ этой идеализаціи жизни или среди мы скажемъ подробнѣе нѣсколько ниже. А теперь замѣтимъ, что даже тогда, когда онъ требуетъ, чтобы научная психологія была восполнена (чего будто-бы нѣмцы не дѣлаютъ) чисто церковнымъ ученіемъ о томъ, что душа вдохнута Богомъ, есть образъ и подобіе Божіе, и должна быть открыта для благодатныхъ вліяній, и подлежащихъ научнымъ изслѣдованіямъ, — даже тогда, ради своей идеализаціи и своихъ преувеличеній, онъ опускаетъ изъ виду другую половину христіанскаго ученія о томъ, что душа воспитанника повреждена грѣхомъ, что образъ Божій въ ней искаженъ и что она открыта вліянію какъ благодатныхъ такъ и темныхъ силъ. Словомъ онъ забываетъ, что для разумнаго веденія дѣла воспитанія надобно знать человека вообще и воспитанника въ частности не только такимъ, какимъ изображаетъ намъ его научная психологія или антропологія, но въ полномъ свѣтѣ божественнаго Откровенія, какъ изображаетъ его Слово Божіе, съ его совершенствами и недостатками, съ его паденіемъ и возстановленіемъ, съ его глубокимъ поврежденіемъ и благодатными исцѣленіями. Если-бы г. Горбовъ посмотрѣлъ на своего школьника именно съ

этой точки зрѣнія, если-бы побоялся излишняго идеализирова-
нія его, тогда, конечно, главною задачею школьнаго дѣла онъ
не поставилъ-бы нѣмецкое Selbstbildung und Selbsterziehung. Онъ
не говорилъ-бы, что „ученикъ, окончившій школу, получаетъ
уже возможность жить полною, сознательною, дѣятельною цер-
ковною жизнію и совершенствоваться въ ней“ (стр. 64). Онъ
посмотрѣлъ-бы на народную школу только какъ на одну изъ
ступеней церковнаго воспитанія народа и потребовалъ-бы даль-
нѣйшаго пастырскаго руководства школьника по выходѣ его
изъ школы. По нашему мнѣнію, хорошо уже и то, если шко-
ла разовьетъ въ школьника сознательную потребность дальнѣй-
шаго воспитанія и сдѣлаетъ его способнымъ къ дальнѣйше-
му пастырскому руководству въ дѣлѣ этого воспитанія. Нель-
зя, конечно, отвергать того, что педагогія, опирающаяся на
научную психологію, болѣе или менѣе правильную и достовѣр-
ную, можетъ сообщать воспитаннику добрые навыки и добрыя
расположенія, пригодныя для воспитательныхъ цѣлей. Этими
навыками и расположеніями воспитатель просвѣтляетъ душу
воспитанника и прогоняетъ его грѣховныя движенія въ какую-
то невѣдомую область души; но эти движенія снова могутъ по-
явиться у него по первому вызову и покрыть душу его еще бо-
лѣе глубокимъ мракомъ. „Душа говоритъ Макарій В.; преданная
грѣху, вся мрачна. Пусть чрезъ долгій трудъ она успѣетъ освѣ-
тить двѣ свои части: другія части остаются еще не освѣщен-
ными. Надобно беречься; сія тьма легко можетъ покрыть опять
всю душу“ (Слово VI гл. 31). А при этой возможности, что ста-
нетъ съ воспитанникомъ по выходѣ изъ школы, безъ живаго
пастырскаго руководства и благодатной помощи Церкви? Что
станетъ съ его самообразованіемъ и самовоспитаніемъ? Развитие
силъ воспитанника и даже совершенство ихъ, стремленіе къ
самообразованію и возможность самому продолжать его не помо-
гутъ-ли ему тогда ринуться на путь порока и преступленія съ
большою легкостью и большимъ удобствомъ, чѣмъ было до его
школьнаго воспитанія? Быть можетъ, не вполнѣ ошибались на-

ши педагоги пятидесятихъ годовъ, которые въ народной грамотности, дурно возбужденной и еще хуже руководимой, видѣли одну изъ причинъ народныхъ преступленій. Г. Горбовъ тоже говоритъ, что при дурномъ характерѣ свѣдѣній, сообщаемыхъ въ школы, а еще чаще, внѣ школы, не смотря на возбужденное стремленіе къ пополненію этихъ свѣдѣній, охоту и способность къ самообразованію, надобно было-бы немедленно закрыть наши школы. „Пусть лучше, говоритъ онъ, русскій народъ повально будетъ безграмотенъ, въ родѣ какихъ-нибудь Юкагировъ и Алеутовъ, чѣмъ чтобы онъ почувствовалъ такое стремленіе къ самообразованію. Плоды его, не между крестьянами конечно, елишкомъ всѣмъ извѣстны и слишкомъ рано пришли, чтобы кому-нибудь пришла охота располагать по деревнямъ своего рода стриженныхъ дѣвицъ и нестригущихся юношей“. Во всякомъ случаѣ, если-бы г. Горбовъ не впадалъ въ идеализацію своего школьника и принялъ ученіе Гербарта о беспорядочной и необузданной волѣ этого школьника, то не допустилъ-бы тѣхъ противорѣчій себѣ, которыя допускаетъ теперь. Онъ не говорилъ-бы одновременно о „полномъ“ отрицаніи нѣмецкой педагогики, хотя и съ нѣкоторыми оговорками (ст. 54), и не видѣлъ-бы величайшей опасности для церковно-приходской школы въ отрицаніи „нѣмецкихъ приемовъ“ (стр. 5) обученія, не смотря на то, что современная психологія большею частію разсматриваетъ душу какъ совокупность силъ и явленій, производимыхъ преимущественно фізіологическими актами ощущеній и впечатлѣній, а педагогика думаетъ достигнуть полнаго вліянія на эту душу, обращаясь исключительно къ этимъ актамъ. Или, противорѣча себѣ, онъ говоритъ еще: „русская народная школа должна слагаться изъ двухъ элементовъ: она должна заимствовать у нѣмецкой школы внѣшность, практическіе приемы, и у старинной русской—главнѣйшее направленіе, а отчасти и содержаніе“. Также точно г. Горбовъ смотритъ и на различные методы обученія, предлагаемые и непрерывно совершенствуемые нѣмецкою педагогікою. Онъ не оправдываетъ „ни огульнаго отрицанія, ни

безусловнаго восхваленія; этихъ усовершенствованныхъ методовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они *облемаются* для учителя и ученика изученіемъ предметовъ школьнаго курса, они должны быть одобряемы и принимаемы; но въ тѣхъ случаяхъ, когда общенія ихъ неопредѣленны, цѣлесообразность сомнительна, а вредъ при неудачномъ примѣненіи несомнѣнъ; они должны быть отвергаемы безусловно. Все должно быть опредѣляемо *малымъ количествомъ веденія дѣла*. По нашему мнѣнію, все эти противорѣчивыя сужденія г. Горбова доказываютъ, что однимъ отрицательнымъ путемъ, т. е. отрицаніемъ немецкой педагогики еще нельзя положить прочныхъ началъ русской народной школы. Впрочемъ, кромѣ отрицательнаго пути г. Горбовъ ищетъ разрѣшеніе своей задачи и путемъ положительнымъ. Этотъ новый путь состоитъ въ подчиненіи школы народной жизни, народнымъ идеаламъ и требованіямъ народной семьи. Онъ говоритъ, „противоположеніе (?) школы и жизни—вотъ девизъ научной педагогики, подчиненіе школы, жизни—вотъ руководящая мысль“ его брошюры. Это значитъ, что школа должна направляться въ своей жизни исключительно требованіями народа, присущими ему идеалами, желаніями семьи. Школа—помощница семьи; говоритъ онъ, она должна слушать, чего требуетъ семья, очищать (на какомъ основаніи?) эти требованія и исполнять ихъ возможно скорѣе и лучше“ (стр. 14). Въ семьѣ скрываются задачи школы и требованія семьи для нея законъ. Отвѣдно г. Горбовъ идеализируетъ нашъ народъ, его идеалы, его семью. Это очень патристично. Но примѣнимо ли это, по крайней мѣрѣ, въполнѣ къ нашей народной школѣ? Справедливо то, что народъ, способный къ развитію, „носитъ всегда идеалы высшіе“, чѣмъ дѣйствительность; но эти „высшіе идеалы“ всегда ли совпадаютъ съ идеалами Церкви и истинными идеалами церковнаго прихода? Не должны ли народные идеалы быть просвѣтляемы, руководимы и направляемы вѣчными идеалами нашей св. Церкви? Намъ кажется, что въ народной школѣ не церковные идеалы должны служить средствомъ для осуществленія народныхъ идеаловъ, а

наоборотъ, народныя идеалы должны быть просвѣтляемы и : выщѣаемы для осуществленія идеаловъ Церкви. Намъ кажется, что на первомъ планѣ въ школьной жизни должны стоять не народъ, а Церковь; не земство, а церковная община; не семейство, а приходъ. Нашъ народъ есть народъ православный, это правда. Но потому ли онъ православный, что изъ себя самого, самостоятельно, вырабатываетъ идеалы, согласныя съ идеалами Церкви, православной, или потому что его жизнь течетъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ и воздѣйствіемъ православнаго духовенства? Прекратите, или даже ослабьте вліяніе духовенства, дайте перевѣсъ идеаламъ, собственно народнымъ, надъ идеалами Церкви, и можете ли вы поручиться, что нашъ народъ останется православнымъ? Мы дали бы на подобный вопросъ отрицательный отвѣтъ. Г. Горбовъ говоритъ, что въ народной школѣ учитель непременно долженъ быть православнымъ. Требованіе разумное. Но еще лучше было бы, если бы этотъ православный учитель пользовался въ своей дѣятельности указаніемъ, руководствомъ и направленіемъ своего духовнаго пастыря, въ приходѣ, котораго живетъ и дѣйствуетъ школа. Только пастырь призванъ знать духовныя нужды своихъ пасомыхъ, только онъ знаетъ опасности, которыя угрожаютъ имъ, и благоприятныя условія, при которыхъ они могутъ быть безопасны, а потому, только онъ долженъ быть главнымъ руководителемъ народной школы. Православіе не есть только совокупность тѣхъ или другихъ катихизическихъ формулъ, а есть совокупность божественныхъ идей, применяемыхъ въ разнообразнымъ нуждамъ вѣрующихъ. Не должно ли это примененіе находиться въ ближайшемъ вѣдѣніи духовенства? Тоже самое надобно сказать и о нравственномъ развитіи православныхъ какъ въ общественной жизни, такъ и въ школѣ. Послѣ этихъ общихъ замѣчаній мы можемъ формулировать нашъ взглядъ на народную школу такимъ образомъ: Наша народная школа должна быть воспитательною, а не образовательною или просвѣтительною; она не должна смотрѣть на себя какъ на переходную ступень къ школѣ средней и высшей. Ея воспитательныя задачи должны

опредѣляться не какими-либо научными, философскими или богословскими цѣлями; и даже не временными народными идеалами, а требованіями Церкви, духомъ церковности и воспитательными цѣлями Церкви; школа должна быть одною изъ ступеней въ общемъ дѣлѣ церковнаго воспитанія народа. Ея направленіе, содержаніе преподаваемаго, методъ обученія и самыя приемы воспитанія, не чуждаясь требованій научной (собственно, нѣмецкой) педагогики въ тѣхъ случаяхъ, когда эта педагогика опирается на достовѣрные психологическія изслѣдованія и факты, все-же должны быть провѣряемы, контролируемы и восполняемы православно-христіанскимъ воззрѣніемъ на душу, на недостаточность однихъ лишь естественныхъ силъ, даже при полномъ развитіи ихъ, въ дѣлѣ осуществленія христіанскаго идеала жизни и на необходимость укрѣпить свою волю для борьбы со зломъ и открыть свои духовныя силы для благодатныхъ вліяній Духа Св. при руководствѣ Церкви. Словомъ, наша народная школа должна быть не только воспитательною, но именно христіанскою, и не только христіанскою, но именно церковною и даже *приходскою*, т. е. знающею духовныя нужды того или другаго прихода и имѣющею ихъ въ виду при осуществленіи своихъ школьныхъ задачъ. Быть можетъ, г. Горбовъ не противорѣчитъ намъ въ этомъ отношеніи. Но въ такомъ случаѣ, почему онъ не высказываетъ своей мысли ясно, опредѣленно и рѣшительно? Почему скрываетъ ее подъ маскою народной жизни, народныхъ идеаловъ и народной семьи? Мы знаемъ, что подобныя мысли не пользуются сочувствіемъ среди нѣкоторыхъ нашихъ педагоговъ. Но почему-же? На какомъ основаніи?

Боятся клерикализма; боятся, чтобы наша народная школа не превратилась въ рукахъ духовенства въ орудіе клерикальныхъ задачъ и цѣлей жизни. Очевидно наше общество, по крайней мѣрѣ, въ извѣстной части своей, запугано клерикализмомъ, съ которымъ однако-же знакомо или по наслышкѣ, или изъ курсовъ по средневѣковой исторіи европейскихъ народовъ, или наконецъ изъ газетныхъ извѣстій о новѣйшихъ проискахъ этого клерика-

лизма на Западѣ. Но ради Бога, какое-же отношеніе имѣеть все это къ нашей исторіи, къ нашей жизни и къ нашему народу? Что общаго между западнымъ клерикализмомъ и задачами нашего православнаго духовенства? Клерикализмъ возможенъ только тамъ, гдѣ имѣють палу, облеченнаго верховной властью, духовною и свѣтскою, гдѣ духовенство составляетъ какое-то ультра-аристократическое, обожествленное сословіе среди всѣхъ остальныхъ чисто человѣческихъ сословій, а потому требуетъ признанія своего божественнаго непререкаемаго авторитета и въ этомъ признаніи поставляетъ одинъ изъ принциповъ воспитанія народа. Есть-ли что-либо подобное у насъ? Да и на Западѣ клерикализмъ опасенъ наиболѣе тамъ, гдѣ существуетъ представительное управленіе, гдѣ идетъ борьба партій, избирательная агітація, захватъ власти въ свои руки, превращеніе домогательствъ партій въ общеобязательный законъ, гдѣ наконецъ руководствуются въ жизни правиломъ: цѣль оправдываетъ средства. Когда-же наше духовенство было проникнуто подобными задачами и цѣлями жизни? Какъ все это можетъ возникнуть у насъ съ передачею народной школы въ вѣдѣніе прихода и духовенства?

Боятся также конфессіонализма, боятся тѣхъ состарѣвшихся вѣроисповѣдныхъ формъ, которыя были пригодны въ былыя времена, но которыя въ наше время оказываются несостоятельными и даже вредными; они угрожаютъ народу, преданному имъ, неподвижностію, застоємъ и умственной косностію. Опасенія эти распространены особенно среди протестантскихъ педагоговъ, да же искренно преданныхъ христіанству. Заблуждаются тѣ, говорятъ эти педагоги, которые хотять возвратиться къ добрымъ старымъ временамъ. Надобно сохранить старое, но въ новомъ, религіозномъ и христіанскомъ духѣ; кто-же заботится о возстановленіи безусловно стараго, тотъ заботится о воскрешеніи призрачной жизни. „Только благодаря покровительству благомыслящихъ, но все-же ошибающихся государственныхъ людей, говоритъ извѣстный докторъ и педагогъ Грефе, и посредствомъ привлеченія всевозможными тайными и скрытыми путями при-

ученіи: нашей ортодоксии, нашего православія? Ови Церкви пред-
 ляжетъ нады диты то учене, которое именовывалось всеми, по-
 вслудуши. на пространствѣ вѣхъ временъ, которовъ ведеть, све-
 дача: непосредственно отъ божественнаго Основателя христіан-
 ства: иже: апостоловъ. Остажалось всегда единымъ и неизмѣннымъ,
 это иррелие допускаетъ безконечный прогрессъ субъективнаго уведе-
 нія. А почему въ лучшемъ случаѣ въ человѣческихъ конфессіяхъ отно-
 сятел. къ нему; какъ: относительное временное выраженіе сознанія къ
 вѣчному: содержанию: этого сознанія, или какъ: относительный конкрет-
 ный: обрывъ къ своему идеалу, но не къ идею, не говоря уже о
 сознательномъ или: безсознательномъ искаженіи этого идеала, этой
 идеи. и этого божественнаго: содержания? Словомъ, наше право-
 славіе: безконечно: возвышается: надъ: всеми: челоуѣческими конфес-
 сіями, какъ: безконечно: возвышается: слово: вѣчно: живото: Бога
 надъ: несовершеннымъ: словомъ: челоуѣческимъ; и: потому: и: вначе-
 ніе: ело: въ жизни: народовъ: подобно: значенію: божественнаго: сло-
 ва: оно: вѣчно, неизмѣнно: и: тождественно! Наше: православіе
 духовенство: и: ничего: другого: не: дѣлаетъ, какъ: только: хранитъ,
 и: проповѣдуетъ: и: уясняетъ: своимъ: вѣрующимъ: это: вѣчно, неиз-
 мѣнно: и: тождественное; всегда: себя: равное: учене. Въ: этомъ
 аже: можетъ: сомнѣваться: ни: одинъ: православный: христіанинъ; ни:
 одинъ: православный: педагогъ; и: мало: шій: своего: Церковь: или: что:
 о: А: если: это: такъ: и: если: наши: педагоги: не: должны: бо: явля
 развитія: клерикализма: и: конфессіонализма: въ: своей: народной
 школе: то: отсюда: само: собою: ставится: ясенъ; какіе: идеалы
 должны: осуществлять: въ: этой: школѣ, кто: долженъ: быть: полно-
 кователь: или: идеаловъ: и: кто: долженъ: быть: главнымъ: руко-
 водителемъ: въ: примененіи: ихъ: къ: школьной: жизни? Никак! на-
 родная: школа, какъ: мы: сказали, должна: быть: одною: изъ: струе-
 ной: церковнаго: воспитанія: народа; и: такъ: духовенство: должно
 быть: ятимъ: воспитателемъ; или, по: крайней: мѣрѣ; тогда: оно: не-
 посредственнымъ: руководителемъ: и: направителемъ: должно: и: дѣи
 это: воспитанію! Наша: средняя: и: высшая: школа, и: дѣи: главнымъ:
 образомъ: преслѣдуются: научныи: цѣли, должна: обладати: вѣст-

ною долею научной свободы, а потому может находиться лишь подъ косвеннымъ вліяніемъ духовенства; но наша народная школа должна находиться подъ непосредственнымъ направленіемъ и руководствомъ православнаго духовенства. Къ этому обязываютъ наше духовенство каноны вселенской Церкви, этого требуетъ благо народа, это вытекаетъ изъ идей православнаго и христіанскаго воспитанія вообще. Вотъ, напримѣръ, что говоритъ христіанскій моралистъ, датскій епископъ Мартензенъ, пользующійся справедливо извѣстностью не только за границею, но и у насъ въ Россіи. „Что школьный надзоръ долженъ принадлежать духовенству; это совершенно естественно до тѣхъ поръ, пока народная школа хочетъ оставаться народною, т. е. пока хочетъ держаться христіанства въ его основахъ и его средоточномъ пунктѣ, и не хочетъ превратиться въ нѣчто другое, еще никому неизвѣстное. Часто высказываемое требованіе, чтобы школа была эмансипирована изъ подъ власти Церкви, въ сущности выражаетъ ничто иное какъ желаніе имѣть школы эмансипированными отъ религіи, или желаніе оттѣснить религію на задній планъ, и ея первенствующее положеніе при обученіи лишить всякой силы. Если-бы этого желанія не было, то совершенно непонятно, какое другое значеніе можетъ имѣть надзоръ окружныхъ (umherreisenden) инспекторовъ при отсутствіи духовнаго? Всякій другой надзоръ, помимо духовнаго, получаетъ свое значеніе только тогда, когда свѣтскимъ предметамъ обученія отводятъ такое мѣсто, которое имъ не принадлежитъ, или вводятъ въ народную школу такіе элементы, которые тамъ не нужны. При наиболѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, или при наилучшемъ настроеніи, могутъ оставить религію, только какъ одинъ изъ многихъ предметовъ преподаванія и могутъ позволить духовенству, чтобы оно имѣло надзоръ за этимъ предметомъ. Но именно мы должны отвергать взглядъ, по которому на религію смотрятъ какъ на отдѣльный предметъ обученія въ школѣ. Религія и есть то, что дѣлаетъ народную школу народной, гдѣ обученіе идетъ еще рука объ руку съ воспитаніемъ. И над-

зорь за религіознымъ обученіемъ, который не простирался-бы на всю школу, именно на всѣ отношенія, существующія между религіей и другими предметами преподаванія. (напримѣръ, обученіемъ родному языку, исторіи) не могъ-бы быть тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ-бы быть въ этой области. Къ тѣмъ-же, которые хотятъ изгнать религію изъ школы, или-же ослабить ея значеніе, мы должны обратиться съ слѣдующимъ до сихъ поръ не рѣшеннымъ вопросомъ: что-же иное должно сообщать народной школѣ индивидуальный отпечатокъ, ея характерстическую особенность, если религія не должна болѣе сообщать ей этого? Вѣдь при каждомъ обученіи и въ каждой школѣ должно-же быть нѣчто центральное, отъ котораго все остальное получаетъ свое положеніе и отсюда уже имѣетъ свое значеніе. Реальное училище получаетъ свой особенный характеръ, свою особенную печать отъ естественныхъ наукъ; ученія (словесныя) школы давнымъ давно получили свой отличительный характеръ, благодаря классической литературѣ; также точно и народная школа должна получать свой отпечатокъ, благодаря религіи. Что-же хотятъ поставить въ школѣ на ея мѣсто? И какою новою печатью думаютъ запечатлѣть народную школу?"¹⁾ Такъ разсуждаетъ почтенный Зеландскій епископъ о значеніи религіознаго воспитанія и надзорѣ духовенства въ народной школѣ.

Если-бы г. Горбовъ сдѣлалъ этотъ окончательный выводъ изъ своихъ основныхъ положеній о нашей народной школѣ, болѣею частью несомнѣнно дѣльныхъ, разумныхъ и вѣрныхъ; то онъ имѣлъ-бы твердую почву подъ собою и не выставлялъ-бы предъ нами народной жизни и народной семьи мѣриломъ или закономъ для нашей народной школы. Отвергая научную нѣмецкую педагогику, онъ и самъ не увлекался-бы воспитательными идеями Песталоци и графа Л. Н. Толстого (стр. 26 и 27), а потому не имѣлъ-бы надобности говорить намъ о „подчиненіи школы жизни“, — понятію очень отвлеченному и неопредѣленному; или о

¹⁾ „Die Christliche Ethik“ von Dr H. Martensen. 1878. Gotha. S. 350 und ff.

подчиненіи школы „народу“, — понятію болѣе конкретному, но тоже очень неопредѣленному; или наконецъ о подчиненіи школы „семьи“ (стр. 14), — понятію опредѣленному и конкретному; но все-же допускающему всевозможныя перетолкованія и даже извращения; которыми такъ изобилуютъ и наши недоучившіеся интеллигенты и наши разнаго рода раскольники и сектанты. Вытъ можетъ; онъ согласился-бы тогда съ нашими педагогами: и съ г-мъ Бобровскимъ; который говоритъ; что „народная школа обязана не только учить; но и воспитывать или лучше *перевоспитывать* согласно съ духомъ Православной Церкви“; и даже съ г-мъ Бунаковымъ; который говоритъ; что „школа должна не только удовлетворять; но также возбуждать и питать въ народной массѣ потребности; возвышающія человеческое достоинство; она должна содѣйствовать поднятію уровня народныхъ понятій и способствовать „очеловѣченію“ массы; внося въ жизнь ея какъ можно больше человеческихъ началъ. Школа; создается; направляется; совершенствуется не темной массой; живущей безсознательно; полуживотною жизнью; а лучшими людьми даннаго времени; и сама развиваетъ и совершенствуетъ массу“ (Г- Горбову не нравятся крайнія воззрѣнія г-га Бобровскаго и Бунакова; наведеніе дѣла въ народной школѣ; но отвергая крайнія воззрѣнія; въ родѣ напимѣръ; того; „что нашъ „мужикъ“ живетъ какъ животное; безъ всякихъ (духовныхъ) интересовъ“; онъ и самъ не впалъ-бы въ противоположную крайность; именно въ крайнюю идеализацію „мужика“ на томъ лишь основаніи; что „мужикъ“ хранить православную вѣру подъ всеми наростами суевѣрій и невѣжества; что онъ вынесъ на своихъ плечахъ русскую исторію; что онъ создалъ русскую армію; что онъ творить русскія пѣсни и пословицы и даже дѣлается расколочителемъ“ (стр. 19). Дѣло въ томъ; что для отверженія одной крайности нѣтъ надобности владаться въ другую; противоположную; и русскому „мужику“ не должно усвоить того; что; безъ сомнѣнія; принадлежитъ лучшимъ людямъ; „печальникамъ“ русской земли; не говоря конечно ничего о расколо-

учительствѣ. Во всякомъ случаѣ, при указанномъ нами выводѣ, г. Горбовъ избѣжалъ-бы той крайней идеализаціи народа, народной жизни и своихъ школьниковъ, въ какую теперь впадаетъ. Онъ не сталъ-бы съ такою рѣшительностію утверждать, какъ это дѣлаетъ теперь, что предположительно различіе добра и зла существуетъ на „низшихъ“ ступеняхъ общества отчетливѣе, чѣмъ на „высшихъ“; а потому все дѣло нравственнаго воспитанія сельскаго школьника должно ограничиваться только очищеніемъ и укрѣпленіемъ его нравственныхъ понятій (стр. 47). Навѣрное можно сказать, что дѣло воспитанія этого школьника должно имѣть въ виду болѣе трудную и сложную задачу. Онъ не сталъ-бы также утверждать, что будто „учитель не только не долженъ являться предъ учениками въ особенномъ, нѣсколько возвышенномъ видѣ, какъ того требуютъ нѣмецкіе писатели, не только не долженъ предъявлять какихъ либо особыхъ требованій, ставить особые правила, а наоборотъ, онъ долженъ жить полной жизнью съ учениками, не прячась отъ нихъ въ своей обыденной обстановкѣ“; а потому „всѣ дисциплинарныя требованія, вызываемыя особенностями школьныхъ занятій, суть зло, которое надо стремиться по возможности уменьшить“ (стр. 46). Намъ кажется, что все это противорѣчитъ тому понятію о школѣ, по которому она должна быть ступенью къ церковно-приходской жизни народа; по крайней мѣрѣ, наши предки смотрѣли на школу какъ на предвѣріе къ храму Божію и на учителя, какъ на руководителя къ этому храму. Онъ не сталъ-бы, наконецъ, утверждать, что наши школьники, поступающіе въ школу, не невѣжды (стр. 25); что дома, въ кругу своего семейства, они приобрѣтаютъ достаточный запасъ свѣдѣній, пригодный для дальнѣйшаго развитія; что они отличаются какимъ то особеннымъ умомъ сравнительно съ глупыми нѣмецкими дѣтьми; что поэтому „лѣтъ до десяти они могутъ быть избавлены отъ *школьной учебы*, могутъ запасаться на волѣ здоровьемъ, *здравымъ смысломъ* и жить (здоровою, сельскою) жизнью (стр. 32); что наконецъ „учителю нечего“ возбуждать въ нихъ прилежаніе, а наоборотъ, ученики сами мо-

гутъ показать ему примѣръ того, какъ надо трудиться“ (стр. 44). Оказывается, что не ученики у учителя, а учитель у учениковъ долженъ учиться. Все это похоже уже на шутку! Все это, очевидно, есть или преувеличеніе, или даже опасная идеализація сельской жизни, сельскаго семейства и сельскихъ школьничковъ. Словомъ, г. Горбовъ напрасно и, повидимому, безъ особенной надобности для дѣла рекомендуетъ намъ воззрѣніе на нашу народную школу Песталоцци, который думалъ, что „школьные занятія, въ отношеніи содержанія, надобно вести не иначе, какъ на фундаментѣ того, что ученики приносятъ изъ дому“, или взглядъ графа Л. Н. Толстаго, котораго Ясно-Полянская школа была основана, повидимому, на подобномъ-же началѣ; а потому мальчики его школы занимались чѣмъ хотѣли и читали лишь тѣ книги, которыя имъ нравились, по собственному выбору и указанію. Дѣло въ томъ, что Песталоцци имѣлъ особенное воззрѣніе на воспитаніе, вслѣдствіе своихъ особенныхъ воззрѣній на человѣческую природу. Онъ думалъ, что природа человѣческая вообще, а природа дитяти въ особенности, появляется въ міръ Божій совершенною, съ наилучшими задатками, безъ всякаго поврежденія ея какимъ-то первороднымъ грѣхомъ; поэтому все дѣло воспитанія должно ограничиться лишь устраненіемъ препятствій, могущихъ омрачить совершенства этой природы и задержать правильное развитіе этихъ совершенствъ; словомъ, надо воспитывать сообразно съ природою, которая сама по себѣ прекрасна и вовсе не заражена ядомъ первороднаго грѣха. Именно это воззрѣніе лежитъ въ основѣ его первоначальной педагогической дѣятельности, отъ которой онъ позже однако-же отказался, „когда, какъ говоритъ г. Горбовъ, на него насѣли разные ученые поклонники, которые стали конструировать его логически и довели до такого состоянія, что онъ пересталъ узнавать самого себя“. Какихъ взглядовъ держался графъ Л. Н. Толстой на дѣло воспитанія въ своей Ясно-Полянской школѣ, т. е. признавалъ-ли онъ совершенства человѣческой природы, или-же думалъ, что воспитатель долженъ принимать во вниманіе глубокую испорченность даже дѣт-

ской природы, мы не знаемъ. Но кажется мы не ошибемся, если скажемъ, что въ этомъ отношеніи графъ раздѣляетъ убѣжденія Песталоцци; по крайней мѣрѣ, несомнѣнно извѣстно, что въ настоящее время онъ не вѣритъ въ грѣхопаденіе человѣчества и его искупленіе, и даже въ естественную унаслѣдованность порока и на этомъ основаніи „считаетъ дарвинизмъ (признающій физическую и нравственную наслѣдственность) большимъ обманомъ“¹⁾. Именно изъ подобныхъ убѣжденій возникаютъ особенности приѣмовъ воспитанія, идеализація народа и восхваленіе жизни сообразной съ природою, идеализація сельской семьи и сельскихъ дѣтей. Конечно, мы не можемъ раздѣлять подобныхъ убѣжденій. Воспитатель беретъ своего школьника изъ рукъ природы, положимъ даже, изъ рукъ семьи. Онъ долженъ начинать воспитаніе на фундаментѣ того, что ученикъ приноситъ изъ дому. Конечно. Но это только половина дѣла. Онъ долженъ также начинать дѣло воспитанія съ противоудѣйствія дурной природѣ воспитанника, значительно обезображенной дурными привычками семьи и окружающей среды.

Если-бы г. Горбовъ могъ согласиться съ нами, если-бы призналъ, что народная школа должна быть только ступенью въ дѣлѣ церковно-религіознаго воспитанія народа и не должна подчиняться переменчивымъ „идеаламъ“ народа, т. е. случайнымъ желаніямъ и расположеніямъ народа; то, быть можетъ, и на самое обученіе, какъ на воспитательное средство въ школѣ, онъ посмотрѣлъ-бы не съ той точки зрѣнія, съ какой смотритъ теперь; по крайней мѣрѣ, онъ имѣлъ-бы твердое начало для опредѣленія предметовъ, объема и цѣли этого обученія. Мѣру этого обученія онъ нашелъ-бы въ нуждахъ церковно-приходской жизни; а потому не суживалъ-бы задачи обученія до minimum'a, не говорилъ-бы, что народная школа должна имѣть въ виду лишь сообщеніе навыковъ, однихъ только навыковъ: читать, писать и считать, „чтобы (школьникъ) могъ пользоваться ими въ практи-

¹⁾ „Новое Время“ 1887 г. № 4037.

ческихъ жизненныхъ отношеніяхъ, могъ прочесть повѣстку, повернуть окладной листъ, написать письмо,—рѣдко болѣе чѣмъ для этого, но однако и не менѣе“ (стр. 28); и только въ отношеніи къ преподаванію Закона Божія хотѣлъ-бы ввести своего школьника въ „область (нѣкотораго) высшаго знанія“ (стр. 60). На какомъ-же это основаніи? На томъ, что „такъ смотритъ на школу и крестьянинъ“, который будто-бы отлично понимаетъ цѣну этого школьнаго приобрѣтенія. Намъ представляется это основаніе не особенно сильнымъ. Намъ кажется, что объемъ обученія не должно основывать на крестьянскомъ воззрѣніи или пониманіи. Въ самомъ дѣлѣ, если-бы крестьянинъ понималъ подъ обученіемъ нѣчто иное, совсѣмъ ужъ не подходящее къ народной школѣ, какъ быть тогда съ школьнымъ обученіемъ? Не долженъ-ли-бы былъ школьный учитель поддѣлываться подъ это новое и, быть можетъ, для самаго г. Горбова нежелательное крестьянское пониманіе?... Дѣло въ томъ, что г. Горбовъ, преклоняясь предъ „народными идеалами“ и „народной жизнью“, впадаетъ въ крайность, противоположную „нѣмецкой педагогикѣ“. Если нѣмецкая педагогика, по крайней мѣрѣ педагогика нѣмецкихъ просвѣтителей, расширяетъ содержаніе и объемъ школьнаго обученія до крайнихъ предѣловъ, до включенія въ него естествознанія, міровѣдѣнія, отчизновѣдѣнія и пр.; то г. Горбовъ суживаетъ все это до minimum'a, до неузнаваемости, до простыхъ навыковъ читать, писать и считать. Намъ кажется, что въ этомъ случаѣ онъ замѣняетъ одну крайность другою, нынѣшнюю нѣмецкую старую французскою, или даже старую русскою, за что, быть можетъ, современный нашъ невѣжественный крестьянинъ и скажетъ ему спасибо, но едва-ли скажетъ это крестьянинъ будущій, болѣе развитый и яснѣе сознающій свои духовные и жизненные интересы.

Мы хотѣли бы сказать еще нѣсколько словъ объ его совѣтѣ начинать въ церковно-приходской школѣ обученіе чтенію не съ славянской, а съ русской грамоты. Г. Горбовъ рѣзко осуждаетъ новоявленныхъ педагоговъ, „простыхъ мужичковъ“, которые го-

ворять, что „ужь коли церковно-приходская школа, такъ и учить въ ней надо со всякими бры, кры, вспры; такъ молъ и первоучители учили“. Г. Горбовъ признаетъ это „глубочайшимъ заблужденіемъ“. Онъ говоритъ: „начинать надо съ гражданской печати (что прямо противорѣчитъ понятіямъ о грамотѣ крестьянъ, взгляды которыхъ на школу онъ признаетъ такъ важными и даже руководящими) и учить читать какъ можно скорѣе; иначе не успѣешь за три-четыре года научить писать. Но какъ объяснить это, съ грустью спрашиваетъ онъ, людямъ не понимающимъ того, о чемъ они такъ ретиво толкуютъ?“ Въ доказательство своей мысли г. Горбовъ приводитъ слѣдующее соображеніе. „Представимъ себѣ, говоритъ онъ, двѣ школы. Въ одной, хотя бы и неправославной (?), ученики къ концу зимы читаютъ всякую русскую и славянскую книгу, пишутъ и кое-что знаютъ изъ ариметики. Въ другой, строго церковной, они еще только кончаютъ азбуку. Куда долженъ крестьянинъ отдать своего сына?“ (стр. 37). А въ самомъ дѣлѣ, куда *долженъ* отдать? Это вопросъ довольно любопытный. Чѣмъ крестьянинъ долженъ руководствоваться при рѣшеніи этого вопроса? Если *легкостью* пріобрѣтенія его сыномъ навыковъ, однихъ только навыковъ, то, безъ сомнѣнія, онъ отдастъ его въ школу г. Горбова, гдѣ къ концу первой зимы читаютъ всякую русскую и славянскую книгу, пишутъ и кое-что знаютъ изъ ариметики. А если желаніемъ досконально выучить своего мальчика „божественному“, поставить его подъ доброе развивающее вліяніе своего приходскаго батюшки съ увѣренностію, что батюшка окажетъ на него наилучшее вліяніе въ дѣлѣ первоначальнаго его воспитанія: то, нѣтъ сомнѣнія, что крестьянинъ отдастъ своего сына въ школу церковную, хотя бы тамъ учили со всякими бры, кры, вспры. Но г. Горбовъ спрашиваетъ не о томъ, куда крестьянинъ *отдастъ* своего сына, а о томъ, куда *долженъ* отдать. Но и этотъ вопросъ не особенно затруднителенъ. Мы не принадлежимъ къ поклонникамъ новѣйшей педагогики, стремящейся упростить обученіе до послѣдней возможности, шутя выучить мальчика всему и обра-

тить ученіе въ игрушку особаго рода. Наши предки, по замѣчанію знатоковъ дѣла смотрѣли на ученіе какъ на трудъ и трудъ не легкій, а потому призывали особое благословеніе Божіе на приступающихъ къ ученію отроковъ. Еще недавній опытъ свидѣтельствуешь, что напутствуемые этимъ благословеніемъ, они упражняли молодя силы въ преодоленіи трудностей, не обходили ихъ окольными путями, и, такъ сказать, брали ихъ приступомъ. Приученные къ напряженію силъ съ самаго ранняго возраста, они впоследствии оказывались способными и неутомимыми дѣятелями на разныхъ поприщахъ своей жизни. Характеръ начальной школы не могъ не отражаться и на характерѣ народа, послушнаго и выносливаго, но въ то же время твердаго и настойчиваго, незнающаго непреодолимыхъ препятствій. Почему же во имя легкости обученія мы должны отказаться отъ этихъ добрыхъ послѣдствій первоначальнаго изученія въ школѣ славянскаго языка? Не говоритъ ли намъ и самъ г. Горбовъ, что даже тѣ наши педагоги, которые рекомендуютъ въ нашихъ школахъ звуковую, а не кирилловскую методу (Ушинскій, Гербачъ, отчасти г. Мирнопольскій), и слѣдовательно начинаютъ чтеніе съ русской, а не славянской грамоты, утверждаютъ однакоже, что на быстроту нечего обращать вниманіе, что, напротивъ, надо растягивать на сколько возможно обученіе азбукѣ въ видахъ ея развивающаго вліянія на учениковъ (стр. 34)? Почему же надобно усвоить это развивающее вліяніе звуковой методѣ и отвергать за обычными приѣмами изученія кирилловской азбуки? Почему при обученіи кириллицѣ и затѣмъ сочетаніи буквъ въ слоги по кирилловской методѣ умный учитель не можетъ пользоваться отчасти и звуковымъ способомъ въ качествѣ вспомогательнаго приѣма, чтобы яснѣе выразить звукъ означаемый тою или другою буквою, тѣмъ или другимъ слогомъ, какъ это и дѣлали опытные учителя славянской азбуки еще прежде, чѣмъ этотъ способъ объясненія звуковъ приведенъ былъ въ систему и получилъ названіе звуковаго метода? Нѣтъ сомнѣнія, что опытный учитель и при обученіи кириллицѣ воспользуется указаніями опыта, равно какъ нѣко-

торыми приемами нѣмецкой дидактики и методики, но при этомъ будетъ соблюдать величайшую осторожность, чтобы не примѣнять къ своему дѣлу приемовъ обученія, выработанныхъ совсѣмъ на другой почвѣ, преслѣдующихъ инныя цѣли, не сродныя языку славянскому. Но есть и другія соображенія, рѣшительно говорящія за то, что надобно начинать обученіе чтенію не съ русской, а съ славянской грамѣты. Давно уже замѣчено нашими лучшими педагогами, что славянскій языкъ у насъ общераспространенный въ томъ смыслѣ, что нашъ русскій народъ слышитъ его въ храмѣ Божіемъ, на всемъ необъятномъ пространствѣ русскаго государства и даже за предѣлами этого государства, а потому привлекаетъ къ этому языку и сродняется съ нимъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ, какъ съ языкомъ общенароднымъ, священнымъ, богослужбнымъ; между тѣмъ какъ общенароднаго русскаго языка у насъ нѣтъ, а есть много мѣстныхъ нарѣчій и говоровъ (напримѣръ, говоръ вологодскій, московскій, малорусскій, бѣлорусскій и пр.) настолько разнообразныхъ, что житель одной мѣстности съ трудомъ узнаетъ свой родной языкъ въ другомъ мѣстѣ, не особенно отдаленномъ. Для объединенія русскаго народа въ языкъ пришлось бы создать особую народную литературу, а это дѣло весьма трудное и создается вѣками. У насъ нѣтъ еще и зачатковъ народной литературы. Опыты же послѣдняго времени въ этомъ родѣ вышли настолько неудачны, что было бы лучше, если бы ихъ совсѣмъ не было. Между тѣмъ славянскій языкъ имѣетъ громадную литературу, богатую по содержанію и возвышенную по характеру, и къ этой литературѣ нашъ народъ относится съ величайшимъ уваженіемъ и надо думать, всегда будетъ такъ относиться. Не долженъ ли поэтому ученикъ нашей народной школы прежде всего знакомиться съ языкомъ этой литературы? Не долженъ ли онъ изучать его прежде всего? Но и это не все. Нельзя кажется сомнѣваться въ томъ, что мы живемъ въ эпоху пробужденія славянскаго самосознанія, ближайшею задачею котораго становится религіозное сближеніе славянъ и принятіе единого славянскаго языка. Какой бы національный

языкъ ни былъ признанъ всеславянскимъ, русскій, польскій, чешскій и пр., но нѣтъ сомнѣнія, что для народныхъ славянскихъ массъ этимъ языкомъ навсегда остается языкъ славянскихъ богослужебныхъ книгъ ¹⁾. Прекрасно понялъ это Римъ, и онъ идетъ на встрѣчу этому всеславянскому движенію, провозгласивъ и въ католической церкви святыми славянскихъ апостоловъ, допустивъ славянскій языкъ и кириллицу въ латинское славянское богослуженіе. Но Римъ не дѣлаетъ безцѣльныхъ уступокъ. Быть можетъ не совсѣмъ не правы тѣ, которые говорятъ, что для насъ пока несомнѣнно одно, что Римъ, римская церковь и культура ни въ какомъ случаѣ не понесутъ потери отъ славянскаго католическаго богослуженія; восточному же славянству нужно быть на сторожѣ. А если такъ, если это вѣрно; то не наститъ ли надобность нашему народу узнать прежде всего славянскій языкъ, славянское богослуженіе и славянскую православную литературу? Не отсюда ли возникала у нашихъ предковъ глубокая преданность православію, православной Церкви и православнымъ завѣтамъ своихъ отцевъ? Не потому-ли и современное намъ правительство желаетъ, чтобы народная школа въ нашихъ юго-западныхъ окраинахъ находилась въ исключительномъ вѣдѣніи православнаго духовенства? И такъ, слѣдуя указанію Екатерины Великой, по крайней мѣрѣ по отношенію къ народной школѣ, „отбросимъ наши высокоученыя книги и примемся за букварь“, за нашъ славянскій букварь съ его бры, кры, вспры; вреда отъ этого не будетъ никакого, а польза несомнѣнна. Что-же касается перехода отъ славянской грамоты къ гражданской, то этотъ переходъ совершается весьма легко, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ наши лучшіе педагоги, напримѣръ С. А. Рачинскій (см. его „Записку о сельскихъ школахъ“ стр. 94). Мальчикъ, выучившійся по славянски, можетъ въ два-три дня читать по граждански и эти три дня потребуются только на то, чтобы глазъ его привыкъ къ

¹⁾ Мы слышали, что въ Москвѣ во время этнографической выставки прибывшіе въ Россію священники славянскихъ земель, чтобы быть понятными въ разговорѣ для русскаго духовенства, прибѣгали къ славянскому языку.

гражданской печати ¹⁾). Просимъ однако-же извиненія у нашихъ читателей, что мы нѣсколько продолжительно останавливали ихъ вниманіе на рѣшеніи вопроса въ сущности чисто школьнаго, касающагося школьной методикѣ и дидактики; но мы сдѣлали это потому, что г. Горбовъ съ обученіемъ грамотѣ гражданской прежде славянской соединяетъ какія-то большія надежды, благо самой церковной школы, уясненіе школьнаго дѣла въ Россіи и удивляется, почему защитники церковно-приходской школы „не поражаютъ презрѣніемъ невѣжественное мнѣніе“ о томъ, что непременно надобно учить сперва славянской, а потомъ уже гражданской грамотѣ (стр. 5).

Этимъ мы можемъ заключить нашу замѣтку. Мы указали нѣкоторыя, на нашъ взглядъ, слабыя стороны, равно какъ и несомнѣнные достоинства разсматриваемой нами брошюры. Достоинства брошюры состоятъ въ довольно ясномъ сознаніи основныхъ началъ, чисто православныхъ, которыя должны быть положены въ основу нашей народной школы и въ отверженіи крайностей научной нѣмецкой педагогикѣ, хотя нерасположенность г. Горбова къ этой педагогикѣ тоже переходитъ иногда въ крайность. Достоинства эти очевидны. Сопоставленіе, на примѣръ, г. Горбовымъ воспитанія, основаннаго исключительно на научной педагогикѣ, съ воспитаніемъ строго христіанскимъ, при посредствѣ благодатныхъ силъ Церкви, принадлежитъ къ числу краснорѣчивѣйшихъ и убѣдительноѣйшихъ страницъ разсматриваемаго нами сочиненія. Но къ сожалѣнію г. Горбовъ не сдѣлалъ послѣднихъ выводовъ, непосредственно вытекающихъ изъ его превосходныхъ началъ; онъ остановился на половинѣ пути. Мало того. Къ своимъ превосход-

¹⁾ Только изученіемъ славянской грамоты прежде русской обезпечивается правильное чтеніе по славянски. Противно слышать, когда не только міряне, но и лица духовныя произносятъ въ церкви славянскія слова по мѣстному выговору; слава *Атцу* и Сыну и Светому Духу: *благославленъ еси Господи, великаѣнае имя Твое* и пр. Передать и даже припомнить всѣ эти ошибки невозможно, а кто не понимаетъ этой необходимости, тотъ спрашиваетъ: зачѣмъ? А для крестьянъ, выучившихся читать по русски, изученіе славянской грамоты кажется совсѣмъ лишнимъ трудомъ.

нымъ началамъ онъ примѣшалъ начала другого рода, цѣликомъ вытекающія изъ „Эмиля“ Руссо, педагогическихъ теорій Песталоцци и Ясно-Полянскоѣ школы графа Л. Н. Толстаго.

Отсюда его педагогическія воззрѣнія, большею частію дѣльныя и основанныя на несомнѣнномъ знакомствѣ съ опытомъ, все же страдаютъ по мѣстамъ недостаткомъ твердости, опредѣленности и устойчивости, и съ ущербомъ истинѣ стараются примирить въ сущности противоположныя педагогическія теоріи. Объ этомъ надобно искренно пожалѣть. Тѣмъ не менѣе мы обращаемъ вниманіе нашихъ читателей, интересующихся педагогическими вопросами, на брошюру г. Горбова; по нашему мнѣнію, они встрѣтятъ въ ней много дѣльнаго, поучительнаго и интереснаго, и во всякомъ случаѣ приведены будутъ ко многимъ и серьезнымъ думамъ. Складъ брошюры находится въ учебномъ магазинѣ „Народная школа“ Е. Н. Тихомировой. Москва, Кузнецкій Мостъ. Цѣна 50 коп.

Ж. Устолминъ.

МЕТАФИЗИЧЕСКІЙ АНАЛИЗЪ РАЦІОНАЛЬНАГО ПОЗНАНІЯ.

(Продолженіе *).

66. Категорическое понятіе субстанцій, всегда вгравшее столь важную роль въ философіи, по своему чисто раціональному характеру, болѣе чѣмъ какое другое, представляло затрудненій для объясненія его происхожденія и значенія съ эмпирической точки зрѣнія. Не будучи въ состояніи скрыть его раціональной природы, эмпирики думали, по крайней мѣрѣ, умалить его значеніе тѣмъ, что считали его просто *вымысломъ* нашей абстрактной мысли; этимъ легко рѣшался вопросъ о его независимомъ отъ опыта происхожденіи. Но на ряду съ понятіемъ субстанціи, не менѣе важное значеніе имѣеть, и уже не только въ области философіи, но и въ области положительнаго знанія, понятіе *причины*. Дѣйствительно, все наше научное изслѣдованіе природы въ сущности есть изслѣдованіе причинъ представляющихся намъ явленій. Все значеніе, вся научность, такъ сказать, нашихъ познаній о природѣ основывается на томъ, что кромѣ простой преемственности явленій во времени, кромѣ простаго сосуществованія ихъ въ пространствѣ, мы ищемъ и находимъ между ними нѣкоторую внутреннюю связь, по которой одно явленіе условливаетъ другое и служитъ необходимымъ его началомъ. Эта связь и называется причинною связью.

Откуда возникаетъ въ насъ первоначально понятіе объ этой

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1887 г. № 11.

связи? Такъ какъ явленія и предметы сами по себѣ представляютъ только простую преемственность, такъ какъ установленіе между ними иной, болѣе внутренней и существенной связи и самый запросъ о такой связи принадлежитъ разсудку, такъ какъ поэтому и самое научное познаніе природы, какъ изслѣдованіе причинъ явленій, не есть слѣдствіе простой ассоціаціи представленій о внѣшнихъ предметахъ, а дѣло разума, устанавливающаго извѣстную, не представляющуюся на опытѣ непосредственно, причинную связь между явленіями, то, повидимому, слѣдуетъ, что идея причинной связи существенно и первоначально принадлежитъ разсудку, который подъ ея вліяніемъ и руководствомъ рассматриваетъ предметы и явленія данныя въ опытѣ.

Но допустить такое происхожденіе понятія о причинной связи для эмпириковъ значило-бы поступиться своею теоріею познанія въ той самой области, которая всегда казалась наиболѣе благопріятною почвою для этой теоріи,—области знанія эмпирическаго. Это заставило эмпириковъ, преимущественно Юма, отнестись къ вопросу о происхожденіи этого понятія съ большою внимательностію, чѣмъ относительно другихъ менѣе, повидимому, близкихъ къ опыту, категорическихъ понятій. Сущность ученія ихъ объ этомъ предметѣ заключается въ слѣдующемъ.

Понятіе о причинной связи ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть понятіемъ апріорнымъ, такъ какъ представленія о дѣйствительныхъ причинахъ и дѣйствіяхъ мы никогда не получаемъ путемъ умозаключеній, но только при помощи опыта, когда видимъ, что извѣстные предметы соединены постоянно, правильною связью. Да и какъ могли-бы мы безъ опыта получить понятіе о такой связи? Дѣйствіе есть нѣчто совершенно отличное отъ причины, слѣдовательно не можетъ заключаться въ понятіи послѣдней, не можетъ быть выведено изъ нея. „Человѣкъ“ говоритъ Юмъ „долженъ-бы обладать величайшимъ остроуміемъ, если-бы онъ, не имѣя предварительныхъ познаній о дѣйствіяхъ холода и жара, при помощи одного только мышленія могъ открыть, что ледъ есть дѣйствіе холода, а кристаллъ есть произведеніе жара“.

Итакъ, за объясненіемъ происхожденія понятія о причин-

ной связи мы должны обратиться къ опыту. Но и непосредственный опыт или, что тоже, чувственное впечатлѣніе отъ предметовъ очевидно также не даетъ намъ идеи о причинной связи; онъ показываетъ только простую преемственность явленій во времени. Причина и дѣйствіе въ сущности суть два различныя впечатлѣнія, которыя мы получаемъ во времени одно послѣ другаго. Но почему-же теперь мы одни изъ двухъ, преемственно идущихъ одно за другимъ, впечатлѣній не поставляемъ въ причинную зависимость одно отъ другаго, а другія связываемъ особаго рода связью, называемъ предшествующее явленіе причинойю послѣдующаго, а это его слѣдствіемъ? Различіе это зависитъ отъ болѣе или менѣе частой повторяемости одного впечатлѣнія послѣ другаго. Простое случайное слѣдованіе одного явленія за другимъ даетъ намъ только представленіе простаго послѣдованія во времени, идею о *прежде* и *послѣ*, — не болѣе. Но какъ скоро одно явленіе повторяется за другимъ многократно, правильно и постоянно; то мы называемъ первое явленіе (причинойю), а второе, за нимъ слѣдующее, — дѣйствіемъ. Такъ напр., видя что въ веществѣ, которое мы называемъ воскомъ, жидкое состояніе, котораго прежде въ немъ не было, постоянно производится, какъ скоро мы прилагаемъ къ нему извѣстную степень жара; мы даемъ представленію жара названіе «причины по отношенію къ тому жидкому состоянію, какое находимъ въ воскѣ, а самую расплавленность дѣйствіемъ»¹⁾.

Замѣчая теперь на опытѣ частое или даже постоянное повтореніе одного явленія за другимъ, мы *привыкаемъ* ставить ихъ во взаимную связь и, получивши одно извѣстное впечатлѣніе, ожидаемъ, что за нимъ необходимо послѣдуетъ и другое, которое прежде постоянно за нимъ слѣдовало. Отсюда наши умозаключенія о необходимости причинной связи и о томъ, что за даннымъ явленіемъ необходимо должно слѣдовать другое, которое мы привыкли видѣть съ нимъ соединеннымъ. Такимъ образомъ источникъ нашего понятія о причинной связи есть не болѣе, какъ привычка видѣть извѣстное, часто повторяю-

¹⁾ Локкъ, *Essai phil. conc. l'entendement humaine*. Cap. 26. §. 1.

щееся послѣдованіе явленій. Но болѣе частое повтореніе слѣдованія одного явленія за другимъ, которое мы называемъ причиннымъ соотношеніемъ ихъ, очевидно не измѣняетъ самаго характера послѣдованія. Причина и дѣйствіе въ сущности суть только два различныя преемственныя впечатлѣнія; между которыми нѣтъ никакой внутренней связи, никакого *terminus medius*, который уполномочивалъ-бы насъ и на будущее время ожидать необходимо, что одно явленіе вызоветъ другое, именно то, которое за нимъ слѣдовало прежде. Наше ожиданіе основывается на одной простой привычкѣ видѣть впечатлѣнія въ извѣстной связи. Но умозаключенія, основанныя на одной привычкѣ, очевидно, не могутъ имѣть объективной достовѣрности. Такой характеръ нашихъ представленій о причинной связи, вмѣстѣ съ другими свойствами нашего эмпирическаго познанія, и привелъ, какъ извѣстно, Юма къ скептицизму, такъ какъ эмпирическое познаніе оказалось лишеннымъ достовѣрности въ самомъ, повидимому, существенномъ своемъ дѣлѣ,—изслѣдованіи причинъ явленій, а кромѣ и выше этого познанія Юмъ не хотѣлъ признать никакого другаго ¹⁾.

Главное, можно сказать единственное возраженіе, которое выставляютъ эмпирики противъ ученія объ апріорномъ происхожденіи понятія причины, состоитъ въ томъ, что о дѣйствительныхъ причинахъ, происходящихъ внѣ насъ явленій, мы не иначе можемъ составить себѣ понятіе, какъ при помощи опы-

¹⁾ D. Hume, Eine Untersuchung in Betreff d. menschl. Verstandes. Uebers. v. Kirchmann. 1875. С. IV. р. 35—42, Сор. VII. Съ ученіемъ Локка и Юма о причинѣ въ существенномъ согласенъ и Милль. По его мнѣнію то понятіе, о причинѣ котораго требуетъ наука, таково, что всегда можетъ быть почерпнуто изъ опыта. Законъ связи причины со слѣдствіемъ, признаніе котораго составляетъ главную опору индуктивной науки, есть лишь та обыкновенная истина, что неизмѣнная послѣдовательность каждаго факта въ природѣ за какимъ либо другимъ, предшествовавшимъ ему фактомъ, обнаруживается наблюденіемъ, независимо отъ какихъ-либо теоретическихъ соображеній. Мы замѣчаемъ, что за нѣкоторыми фактами нѣкоторые факты постоянно слѣдуютъ и, какъ мы думаемъ, будутъ слѣдовать. неизмѣнно предшествоующій фактъ мы называемъ причиною; неизмѣнно слѣдующій за нимъ—слѣдствіемъ. Система логики; пер. Лаврова. т. I. 379. 380.

та и наблюденія этихъ явленій. А priori мы не можемъ ни объяснить причины даннаго явленія, ни наоборотъ—изъ причины вывести слѣдствіе. Совершенно справедливо, но это говоритъ только о томъ, что причины и дѣйствія существуютъ не въ нашемъ только разумѣ, но и въ дѣйствительности внѣ насъ, въ природѣ, опредѣляя взаимное отношеніе ея предметовъ и явленій; но нисколько еще не предрѣшаетъ вопроса о томъ, откуда мы получаемъ первоначально идею о причинной связи,—мы ли, подъ вліяніемъ существенно присущаго уму понятія о причинѣ, предлагаемъ природѣ запросы о причинной связи и получаемъ удовлетворительные отвѣты, потому что дѣйствительно открываемъ въ ней такую связь, или сама природа, путемъ особаго рода впечатлѣній, невольно, такъ сказать, навязываетъ намъ представленіе о ней. Если причины и дѣйствія только существуютъ въ дѣйствительности внѣ насъ лежащей, то понятно и естественно, что понятіе объ этихъ причинахъ мы должны получать не иначе, какъ при помощи наблюденій надъ дѣйствительностію; но это нисколько не говоритъ еще о томъ, чтобы изъ этихъ же наблюденій мы получали и самое понятіе о причинномъ (взаимномъ) отношеніи вообще.

Для доказательства того, что понятіе о причинной связи возникаетъ внѣ насъ путемъ опыта, недостаточно простой сѣмплики на необходимость наблюденія для открытія причинъ конкретныхъ явленій. Наблюденіе есть извѣстный пріемъ познанія, уже предполагающій понятіе о причинной связи, запросъ о ней; наблюденіе только содѣйствуетъ открытію ея для даннаго круга явленій. Чтобы самое понятіе о причинной связи вообще возникало путемъ опыта, нужно, чтобы извѣстныя какія-либо впечатлѣнія, сами по себѣ, независимо отъ мышленія, представлялись намъ именно какъ причина и дѣйствіе. Но впечатлѣнія, какъ впечатлѣнія, всѣ равны по своему значенію. Опытъ, какъ сознаются сами эмпирики, даетъ намъ представленіе только о простой послѣдовательности идущихъ одно за другимъ впечатлѣній и ничего болѣе. При такомъ характерѣ впечатлѣній вполне естественно, что при невозможности открыть путемъ опыта другую какую-либо связь между явленіями кромѣ преемственности, эмпирики подъ именемъ при-

чинной связи понимаютъ ту-же преемственность, только въ особой ея формѣ, причинности,—это болѣе частая, многократная преемственность или послѣдованіе одного явленія за другимъ.

Но не трудно замѣтить, что преемственность, будетъ-ли она однократною или многократною, существенно отличается отъ причинной зависимости одного явленія отъ другаго и ни коимъ образомъ не можетъ дать понятія о ней. Возьмемъ примѣръ приведенный нами выше: воскъ, который приходитъ въ расплавленное состояніе отъ соприкосновенія съ огнемъ. Что даетъ намъ этотъ фактъ, какъ простой фактъ чувственнаго усмотрѣнія въ послѣдовательности полученныхъ нами впечатлѣній? Онъ даетъ намъ три слѣдующія одно за другимъ представленія: сначала мы видимъ воскъ въ твердомъ состояніи; затѣмъ огонь, приближаемый къ воску и наконецъ воскъ въ расплавленномъ состояніи; больше чувства намъ ничего не даютъ. Но спрашивается: почему я связываю какъ причину и дѣйствіе именно два послѣднія представленія: огонь и воскъ въ расплавленномъ состояніи, называю огонь или жаръ причиною расплавленности, а не связываю такимъ-же образомъ два первыя представленія, т. е. воскъ въ твердомъ состояніи и огонь, почему воскъ я не называю причиною огня? На основаніи показаній только чувствъ и одной послѣдовательности впечатлѣній я имѣлъ-бы одинаковое право ва. то и другое, потому что и второе представленіе точно также постоянно идетъ за первымъ, какъ третье за вторымъ. Если-же я этого не дѣлаю, если не смотря на одинаковое отношеніе послѣдованія, считаю расплавленность слѣдствіемъ предшествующаго жара, а не считаю жаръ слѣдствіемъ предшествующаго твердаго состоянія воска, то это отъ того, что установленіе причинной связи есть дѣло не чувственнаго впечатлѣнія, а моего судящаго разума, который соединяетъ именно тѣ, а не другія представленія по своимъ законамъ и по своему понятію о причинной связи.

Подобнаго рода примѣровъ, доказывающихъ существенное отличіе послѣдовательности, хотя-бы и постоянной, отъ причинной зависимости можно-бы привести множество. Что простую преемственность явленій мы не смѣшиваемъ съ причинною связью—это мы на опытѣ доказываемъ тѣмъ, что очень

часто ищемъ причины даннаго явленія вовсе не въ ближайшихъ, примыкающихъ къ нему явленіяхъ, но гораздо дальше, въ явленіяхъ не имѣющихъ непосредственной временной связи съ этимъ явленіемъ. Такъ напр. причину известной болѣзни мы не всегда ищемъ и находимъ въ ближайшихъ обстоятельствахъ предшествующихъ болѣзни; такою причиною можетъ быть какое-либо органическое разстройство издавна таившееся въ организмѣ, а ближайшія обстоятельства могли быть только случайными поводами, вызвавшими или случайно сопровождавшими болѣзнь, истинная причина которой вовсе не въ нихъ. Далѣе, — мы часто затрудняемся отыскать причину даннаго явленія, сознаемся, что мы ее не знаемъ, не понимаемъ отъ чего известное явленіе происходитъ; между тѣмъ, мы очень хорошо знаемъ явленія предшествующія ему. Этого не могло бы быть, если бы причинная связь была однородна съ послѣдовательностью явленій; очевидно понятие причины дается не опытомъ, но принадлежитъ разуму, ясно отличающему ее отъ всегда данной въ опытѣ, но не всегда удовлетворяющей его требованіямъ, послѣдовательности явленій.

Конечно эмпириковъ вводитъ здѣсь въ заблужденіе то, что въ мірѣ явленій отношеніе причины и дѣйствія, большею частію совпадаетъ съ послѣдованіемъ во времени; причина есть нечто предыдущее, дѣйствіе — послѣдующее. Но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы такое совпаденіе было постояннымъ и необходимымъ, чтобы послѣдующее всегда было слѣдствіемъ предыдущаго, какъ своей причины. Думать такъ значитъ открывать широкую дверь для всевозможныхъ заблужденій, давать право умозаключать по формулѣ: *post hoc, ergo propter hoc*. Эта формула по логикѣ выражаетъ типъ одного изъ ложныхъ умозаключеній; но съ точки зрѣнія эмпириковъ на происхожденіе понятія о причинной связи она должна бы быть вполне дозволительною и истинною.

Правда, здѣсь эмпирики съ особеннымъ удареніемъ указываютъ на *многократность* послѣдованія одного явленія за другимъ, какъ на право поставлять ихъ въ причинное взаимоотношеніе. Не всякое послѣдованіе, говорятъ намъ, есть причинная связь; но многократное повтореніе одного явленія за

другимъ заставляетъ насъ называть предыдущее причиною, послѣдующее дѣйствиемъ. Отсюда видно, что въ сущности эмпирики готовы принять указанную выше формулу умозаключенія, но только съ нѣкоторымъ измѣненіемъ и дополненіемъ: многократно *post hoc, ergo propter hoc*. Но такое измѣненіе не дѣлаетъ ее болѣе правильною и логичною; она продолжаетъ оставаться типомъ ложнаго умозаключенія.

Прежде всего, самое понятіе многократности повторенія одного явленія за другимъ есть понятіе крайне шаткое и неопредѣленное. Сколько именно разъ должно слѣдовать одно явленіе за другимъ, чтобы мы имѣли право называть одно причиною, другое дѣйствиемъ? Ничего опредѣленнаго здѣсь сказать нельзя; можно постановить только общее правило, что чѣмъ чаще повторяется одно явленіе за другимъ, тѣмъ вѣроятнѣе, что между ними существуетъ причинное взаимоотношеніе.

Но не говоря о томъ, что подобное правило низвело-бы всю точную науку, все познаніе причинъ явленій на степень вѣроятныхъ только умозаключеній, оно совершенно противорѣчитъ дѣйствительному ходу нашего мышленія при открытіи причинной связи, что и показываетъ, что и понятіе объ этой связи мы получаемъ вовсе не изъ наблюденія надъ болѣе или менѣе частою повторяемостью явленій. Иной разъ и однократное появленіе извѣстнаго явленія послѣ другаго даетъ намъ возможность и право заключать объ ихъ причинной зависимости, а иногда, несмотря на многократное послѣдованіе, разумъ справедливо отказывается ставить ихъ въ такую зависимость. Такъ, довольно одинъ разъ съѣсть кусокъ хлѣба и почувствовать себя сытымъ, чтобы вѣрно сказать, что хлѣбъ есть причина насыщенія; напротивъ, безчисленные опыты, что при наступленіи ночи я ложусь спать, не сильны привести меня къ заключенію, что ночь есть причина моего сна. Очевидно, что между многократнымъ послѣдованіемъ и причинною связью нѣтъ того необходимаго соотношенія, которое находятъ эмпирики. Дѣйствительно, можно привести безчисленное множество случаевъ показывающихъ, что мы вовсе не нуждаемся въ многократномъ повтореніи послѣдовательности извѣстныхъ явленій, чтобы вѣрно судить объ ихъ причинной зависимости, по-

тому что ищемъ и находимъ причины для такихъ явленій, которыя впервые встрѣчаются намъ на опытѣ и вовсе не ожидаемъ ихъ повторенія. При томъ-же, какъ мы и замѣтили, часто находимъ такія причины вовсе не въ соприкосновенныхъ по времени и ближайшихъ фактахъ, но въ фактахъ отдаленныхъ отъ изслѣдуемаго явленія. Напротивъ, строго слѣдуя возрѣнію эмпириковъ и отождествляя причинность съ многократною преемственностію, мы могли-бы прійти къ страннымъ и нелѣпымъ заключеніямъ; напр. имѣли бы право ночь считать причиною дня, потому что день постоянно слѣдуетъ за ночью, появленіе на горизонтѣ извѣстнаго созвѣздія въ определенное время года имѣли-бы право считать причиною явленій совершающихся тогда на земномъ шарѣ и т.п.

Далѣе, нужно обратить вниманіе и на то еще, что каждое явленіе въ мірѣ не есть продуктъ одной какой-либо простой причины, но зависитъ отъ совокупности множества условій, которыя въ извѣстномъ смыслѣ также могутъ быть названы причинами его производящими. Но нашъ разумъ, изучающій природу и ея явленія, придаетъ не одинаковое значеніе всѣмъ этимъ производящимъ данное явленіе условіямъ. Среди множества этихъ условій онъ стремится отыскать главное и коренное,—истинную и существенную причину явленія и отличить ее отъ условій или причинъ второстепенныхъ. Въ этомъ отысканіи коренной причины и заключается главное достоинство научнаго изслѣдованія. Но для достиженія этой цѣли разума нисколько не служитъ простая повторяемость явленій; напротивъ, не давая понятія объ истинной причинѣ ихъ, она могла-бы вводить насъ въ заблужденія, если-бы мы въ своихъ понятіяхъ о причинной связи основывались только на ней. На примѣръ, мы слышимъ громъ. Какая причина этого явленія? По теоріи эмпириковъ мы должны считать этою причиною постоянно предшествующее этому явленію другое явленіе. Но этому явленію предшествуетъ не одинъ, а много фактовъ; на примѣръ: время года, жаркій день, облако извѣстной густоты и цвѣта, ивогда дождь, молнія. Какой изъ нихъ именно мы должны ставить въ причинное отношеніе съ громомъ—простое послѣдованіе явленій не говоритъ. Обыкновенное, не научное

воззрѣніе поставляетъ громъ въ непосредственную связь съ молніей; молнія есть причина грома; но оно поступаетъ такъ во все не по принципу, указываемому эмпириками, а сворѣе противъ него, потому что связь, напимѣрь, грома съ лѣтомъ, съ жаркими днями, съ тучею гораздо постояннѣе, чѣмъ съ молніей; часто мы слышимъ громъ, не видя молніи. Но высшее, научное воззрѣніе эти предшествующія и сопутствующія грому явленія, хотя и приводитъ въ извѣстную связь съ громомъ, но истинную и дѣйствительную причину находитъ ни въ одномъ изъ нихъ, а въ сотрясеніи воздуха, вторгающагося въ произведенныя электричествомъ пустоты. Очевидно наука не ограничивается наглядно представляющеюся преемственностію явленій, но подъ именемъ причины, въ истинномъ смыслѣ слова, понимаетъ вѣчто иное, понятіе о чемъ дается не простыми впечатлѣніями, а разумомъ.

Эти и подобныя факты показываютъ, что хотя причинная связь явленій и существуетъ въ природѣ, но не дается ея явленіями нашему сознанію непосредственно, путемъ впечатлѣній. Первый запросъ объ этой связи и затѣмъ открытіе и установленіе ея принадлежитъ разуму, въ силу того, что въ немъ а priori находится не зависящее отъ опыта, хотя и прилагаемое къ предметамъ опыта, категорическое понятіе о причинѣ и дѣйствіи. Только априорностію этого понятія, какъ справедливо указалъ Кантъ, объясняются двѣ характеристическія особенности его: всеобщность и необходимость. Этихъ особенностей не можетъ объяснить эмпирическая теорія познанія съ своей точки зрѣнія. Если-бы понятіе о причинной связи образовалось такъ, какъ учить эта теорія, именно въ слѣдствіе привычки видѣть повтореніе многихъ явленій одно за другимъ, то мы признавали-бы причинную связь только между этими явленіями. Между тѣмъ мы съ полнымъ и не допускающимъ сомнѣній сознаніемъ истины нашего утвержденія говоримъ: *всякое дѣйствіе имѣетъ свою причину, независимо отъ того, встрѣчается-ли оно въ первый и единственный разъ, или многократно повторяется въ связи съ другимъ явленіемъ.* Но на такое утвержденіе не можетъ дать права никакой опытъ. Точно также мы утверждаемъ, что каждое дѣйствіе *необходи-*

мо должно имѣть причину; но имѣя въ виду одинъ опытъ, мы не имѣемъ права сказать этого; не имѣемъ основаній не допускать возможности явленій случайныхъ и безпричинныхъ.

На этой всеобщности и необходимости закона причинности основывается въ сущности вся твердость и истина наукъ, занимающихся изслѣдованіемъ причинъ явленій и ближе всего, — наукъ естественныхъ. Если признать справедливымъ мнѣніе эмпириковъ, что представленіе наше о причинной связи основывается только на привычкѣ видѣть часто или постоянно повтореніе однихъ явленій за другими, то все эмпирическое знаніе теряетъ объективный и истинно научный характеръ и получаетъ значеніе только субъективнаго мнѣнія. Въ сущности основаніе, почему мы извѣстныя дѣйствія приписываемъ извѣстнымъ причинамъ, будетъ заключаться не въ объективныхъ свойствахъ вещей, но въ нашей привычкѣ постоянно соединять извѣстныя впечатлѣнія въ извѣстной ассоціаціи идей. Не говоримъ о ложности и противорѣчіи опыту подобнаго возрѣнія; всякую привычку можно измѣнить, а даже оставить, хотя бы то не безъ труда; между тѣмъ понятіе причинности прилагается нашимъ умомъ ко всѣмъ явленіямъ необходимо, что указываетъ на другой болѣе постоянный источникъ этого понятія, чѣмъ привычка. Дѣло въ томъ, что при такомъ возрѣніи и все наше эмпирическое познаніе природы становится не объективно истиннымъ, а только привычнымъ, субъективнымъ міровозрѣніемъ; соотвѣтствуетъ ли оно дѣйствительности, мы не знаемъ и знать не можемъ, въ результатѣ мы получаемъ скептицизмъ. И нужно отдать честь искренности и послѣдовательности Юма, что онъ прямо и рѣшительно высказалъ этотъ конечный результатъ эмпирической теоріи познанія.

Что не внѣшнія чувства и не внѣшній міръ служатъ первоначальнымъ источникомъ понятія о причинѣ, это до такой степени вѣрно, что, можно сказать, самый внѣшній міръ, въ впечатлѣніяхъ котораго эмпирики ищутъ начала этого понятія, не существовалъ бы для насъ, если бы въ насъ а priori не заключалась уже идея о причинѣ. Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ, что существуетъ какое либо явленіе, для котораго мы не имѣемъ побужденія необходимо искать причины. Какъ скоро

это явленіе отразится въ нашей душѣ, станетъ ощущеніемъ, то мы, не предполагая никакой причины для него, не будемъ имѣть побужденія относить его къ чему нибудь. Мы остано- вимся на этомъ ощущеніи, какъ на простомъ феноменѣ на- шего сознанія, т. е. видоизмѣненіи нашего я. Мы никогда не выйдемъ изъ насъ самихъ; никогда не узнаемъ, что суще- ствуетъ міръ внѣшній. Чтобы имѣть понятіе о внѣшнемъ мірѣ, какъ о внѣшнемъ, какъ о чемъ-то отъ насъ отличномъ и от- дѣльномъ, необходимо, чтобы получивъ извѣстное впечатлѣніе, мы имѣли побужденіе и право спросить: откуда оно произошло, какая причина появленія этого феномена въ нашей душѣ? При такомъ вопросѣ, при двоякой невозможности, какъ отнести этотъ феноменъ къ самимъ себѣ, какъ его причинѣ, такъ и видѣть въ немъ явленіе безпричинное, мы принуждены бы- ваемъ отнести его къ причинѣ иной, чѣмъ мы сами, къ при- чинѣ внѣшней, къ предмету внѣ насъ существующему. Та- кимъ образомъ въ категоріи причины заключается коренное основаніе къ признанію внѣшняго міра и къ отличенію его предметовъ отъ нашихъ субъективныхъ состояній. Конечно мы не говоримъ того, чтобы этотъ процессъ отношенія иныхъ впе- чатлѣній къ внѣшнимъ предметамъ, иныхъ къ причинѣ внут- ренней, — нашему я, совершался сознательно и ясно. Но тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что только при этомъ процессѣ, слѣдо- вательно при предположеніи апріорной категоріи причины, возможно отличеніе нашего я отъ не я на него дѣйствующаго, слѣдовательно, представленіе внѣшняго міра.

Признавая апріорное происхожденіе категоріи причины, (рав- но какъ и другихъ категорическихъ понятій), мы конечно не думаемъ утверждать того, чтобы это понятіе было дано намъ a priori именно въ видѣ развитаго, логически опредѣленнаго понятія, точно также какъ не утверждаемъ и того, чтобы въ этомъ понятіи было дано какое либо реальное, предметное со- держаніе, такъ чтобы мы изъ него a priori могли-бы узнать не то только, что вообще должна быть причина для каждаго явленія, но и то, въ чемъ заключается дѣйствительная, реаль- ная причина его. Такое пониманіе апріорности категориче- скихъ понятій часто несправедливо навязывалось защитникамъ

этого возрѣнія со стороны эмпириковъ и вызывало возраженія, въ сущности ни на чемъ не основанныя. Такъ напр., имѣя въ виду философски развитое понятіе о причинѣ и ея различныхъ видахъ, замѣчали, что такое понятіе предполагаетъ продолжительный процессъ умственнаго развитія и не можетъ принадлежать къ числу, какъ выражается Локкъ, начертанныхъ самою природою въ нашей душѣ письменъ. Говорили далѣе, что если-бы въ насъ было апріорное понятіе о причинѣ, то мы имѣли-бы возможность а priori вывести и причины частныхъ явленій, потому что въ общемъ *implicite* заключается и частное. Но подобнаго рода возраженія имѣли-бы смыслъ, если-бы апріорность категорій мы понимали въ смыслѣ врожденныхъ идей, какъ готовыхъ и опредѣленныхъ понятій. Но они не имѣютъ силы, какъ скоро выраженіе а priori мы будемъ понимать, согласно съ Кантомъ, въ смыслѣ возникновенія или обнаруженія известной категоріи въ связи и одновременно съ опытомъ, хотя и не изъ опыта. Если-бы ни въ насъ не происходило никакихъ измѣненій, изъ которыхъ одно условливалось бы другимъ, ни отъ внѣ насъ не дѣйствовали-бы никакіе внѣшніе предметы, путемъ впечатлѣнія, то конечно не могло-бы въ насъ возникнуть и понятіе о причинѣ. Причинная связь предполагаетъ два различные момента, состоящіе въ известномъ соотношеніи; она предполагаетъ причину и дѣйствіе; но одно наше я, само въ себѣ простое, единое и безразличное, не представляетъ такой двойственности. Но какъ скоро дано какое либо явленіе, то тотчасъ возникаетъ въ насъ категорія причины въ положительной или отрицательной формѣ съ первымъ актомъ сознанія, то есть, когда какое-либо явленіе возникло въ душѣ, то мы тотчасъ-же сознаемъ, что это явленіе или есть актъ нашего духа, что наше я есть его причина, или что оно не есть актъ нашего духа, слѣдовательно, наше я не есть его причина, а имѣетъ оно причину внѣ насъ, составляетъ воздѣйствіе какого-либо внѣшняго предмета. Замѣчательно, что изъ этихъ двухъ формъ возникновенія понятія о причинной связи, первая, положительная принадлежитъ исключительно нашему духу, такъ что и психологически можно доказать независимость отъ внѣшняго опыта идея причинности. Дѣйствительно,

первая мысль о причинной связи возникает вслѣдствіе сознанія отношенія актовъ моей воли къ моему дѣйствующему я, желанія и его исполненія. Напр. я хочу двинуть мою руку и двигаю ее. Анализъ этого простаго факта даетъ три элемента: 1) сознаніе желанія, которое есть мое, мнѣ принадлежащее; 2) сознаніе произведеннаго мною движенія и наконецъ 3) сознаніе отношенія этого движенія къ моему желанію. Какое-же это отношеніе? Очевидно оно не есть отношеніе простаго послѣдованія. Сколько-бы разъ ни повторялось мое желаніе, дѣйствіе будетъ тоже и наше сознаніе увѣряетъ насъ, что дѣйствіе состоитъ въ *необходимой* связи съ моимъ желаніемъ, т. е. связи причинной. Тотъ-же самый фактъ сознанія причинной связи при нѣкоторомъ наблюденіи мы замѣтимъ и въ другихъ актахъ нашей психической дѣятельности, въ какой мѣрѣ въ нихъ входитъ элементъ воли, въ какой мѣрѣ они суть наши акты. Что сознаніе нашей внутренней причинности предшествуетъ сознанію причинности внѣшней — это подтверждается и тѣмъ фактомъ, что дѣти и народы, стоящіе на степени умственнаго младенчества, долго не могутъ отрѣшиться отъ того, чтобы и внѣшнюю причинную связь не представлять по образцу внутренней, выражающей причинное отношеніе воли къ ея произведеніямъ. Такъ, напримѣръ, дитя бьетъ камень, о который ударилось, предполагая, что онъ имѣлъ намѣреніе его ударить; такъ человѣкъ, на известной ступени развитія, одушевляетъ неодушевленные предметы природы, приписывая ихъ дѣйствіе ихъ волѣ, которую по аналогіи съ причиною своихъ дѣйствій представляетъ, какъ причину производимыхъ ими явленій.

Критическій анализъ какъ отрицательныхъ, такъ и положительныхъ доказательствъ, обыкновенно приводимыхъ сенсуалистами въ пользу эмпирическаго происхожденія основныхъ понятій нашего разума, показалъ намъ несостоятельность этого ученія. Теперь мы должны остановиться на томъ результатѣ, къ которому необходимо приводитъ эмпирическая теорія познанія, преимущественно ея ученіе о происхожденіи понятія, о причинной связи. Не касаясь пока болѣе или менѣе отдаленныхъ

отъ опыта областей знанія и обращая лишь вниманіе на ту сторону его, которую эмпиризмъ всегда признавалъ своею исключительною собственностію;—область знанія природы внѣшней, мы имѣемъ полное право сказать, что естественнымъ и послѣдовательнымъ результатомъ этой теоріи познанія можетъ быть только полное уничтоженіе достовѣрности этого знанія.

Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ состоитъ задача нашего научнаго познанія природы? Въ открытіи и установленіи всеобщихъ и необходимыхъ законовъ явленій. Но возможно-ли достиженіе этой цѣли при сенсуалистическомъ воззрѣніи на происхожденіе нашихъ познаній? Эмпирики производятъ всѣ наши познанія изъ опыта; основаніемъ и первоисточникомъ котораго служатъ чувственныя впечатлѣнія. Но чувственныя воспріятія сами по себѣ никогда не могутъ, дать намъ мысли о какой либо всеобщей и необходимой связи между ними. Въ чувственныхъ воспріятіяхъ данное отъ внѣ содержаніе ихъ представляется нами въ пространственныхъ и временныхъ отношеніяхъ, но въ этихъ отношеніяхъ мы не замѣчаемъ ничего необходимаго. Когда камень падаетъ на извѣстную точку земной поверхности, то для меня въ чувственныхъ ощущеніяхъ дана только послѣдовательность зрительныхъ впечатлѣній и извѣстныхъ пространственныхъ опредѣленій камня и окружающей его среды, но никакъ не необходимость, что этотъ камень долженъ упасть на землю и что всякій другой камень при одинаковыхъ условіяхъ также упадетъ на землю. Мы воспрінимаемъ только паденіе камня, но никакъ не необходимость этого паденія, еще менѣе, — необходимость такого паденія и на будущее время. Откуда же возникаетъ въ насъ мысль о необходимой связи явленій въ природѣ и почему мы считаемъ себя въ правѣ то, что замѣтили разъ или тысячу разъ, считать неизмѣннымъ закономъ и для будущаго времени? Эмпирики на этотъ вопросъ не могутъ дать никакого удовлетворительнаго отвѣта. Дѣйствительно, съ ихъ точки зрѣнія не можетъ быть никакой всеобщей необходимости явленій природы. Намъ обыкновенно говорятъ объ *ожиданіи*, что при подобныхъ отношеніяхъ должны произойти и подобныя слѣдствія, что въ насъ образуется *привычка* извѣстные факты представлять въ извѣстныхъ про-

странственныхъ и временныхъ отношеніяхъ, что въ насъ есть *побужденіе* обобщать, т. е. неоднократно замѣчаемое нами въ извѣстной связи переносить и на *всѣ* возможные и неизвѣстные еще случаи подобнаго рода. Но съ эмпирической точки зрѣнія всѣ эти ожидавія, привычки, побужденія, суть не болѣе, какъ субъективныя состоянія, субъективныя отношенія нашего разума или духа къ полученнымъ впечатлѣніямъ, которыя не находятъ никакого основанія въ самыхъ вещахъ, въ міръ явленій. Изъ того, что я чего нибудь ожидаю, или привыкаю къ извѣстной послѣдовательности впечатлѣній, нисколько не слѣдуетъ, чтобы это ожидаемое или привычное и на самомъ дѣлѣ наступило. Изъ того, что два факта сходны между собою и столько-то разъ одинъ за другимъ слѣдовали, ничего больше не слѣдуетъ кромѣ того, что они сходны и столько-то разъ одинъ за другимъ слѣдовали; но въ сходствѣ двухъ фактовъ нисколько не содержится указанія на то, чтобы подобныя-же отношенія имѣли мѣсто и въ будущее время; тысячекратное даже слѣдованіе одного явленія за другимъ точно также нисколько не говоритъ о необходимости будущаго такого-же послѣдованія. Не говоримъ о томъ, что эмпирики совершенно опускаютъ изъ виду, что составляетъ еще вопросъ: самыя представленія сходства и послѣдовательности принадлежать-ли къ числу эмпирическихъ, основанныхъ на чувственныхъ ощущеніяхъ представленій, и не вѣрнѣе-ли то, что мы воспринимаемъ только извѣстныя вещи, а не самое ихъ сходство и взаимопослѣдованіе? При внимательномъ анализѣ содержанія чувственныхъ впечатлѣній оказалось-бы, что понятіе сходства и различія, взаимоотношенія въ пространствѣ и времени, суть точно такія-же категорическія понятія, какъ— всеобщности и необходимости. Послѣдовательный эмпирикъ, поэтому, долженъ-бы точно также исключить ихъ изъ области чувственныхъ ощущеній и признать ихъ субъективными только формами связи и объединенія впечатлѣній, какъ напр. понятія субстанцій или причинной связи. Но въ такомъ случаѣ, что-же останется намъ отъ всего объективнаго міра, кромѣ извѣстнаго числа чувственныхъ свойствъ вещей, которыя становятся опредѣленными, одна отъ другой отличными или сход-

ными вещами; только чрезъ приложеніе къ нимъ извѣстныхъ субъективныхъ опредѣленій: сходства и различія? Мы неожиданно, вмѣсто объективныхъ вещей и объективнаго міра эмпириковъ, получаемъ субъективный міражъ идеалистовъ.

Далѣе, говоря о привычкѣ, ожиданіи, стремленіи обобщать, какъ условіяхъ образованія нашихъ познаній о природѣ, эмпирикъ забываетъ объяснить, откуда въ насъ возникаютъ эти субъективныя отношенія къ вещамъ? Можетъ-ли сходство извѣстныхъ впечатлѣній произвести привычку къ нимъ и ожиданіе ихъ повторенія? Такъ называемое ожиданіе и привычка здѣсь есть совершенно новый элементъ, который непонятнымъ образомъ связывается съ извѣстными рядами представленій и который, съ точки зрѣнія эмпириковъ, не можетъ имѣть съ ними ни малѣйшей логической связи. Съ этой точки зрѣнія можетъ быть засвидѣтельствовано только простой психологическій фактъ, что мы за извѣстнаго рода явленіями ожидаемъ ихъ повторенія; но ни оправданія этого факта, ни даже простой увѣренности, что онъ будетъ повторяться и впередъ т. е., что люди всегда будутъ судить о причинахъ явленій также какъ теперь, эмпирическая теорія познанія дать не можетъ.

Если такимъ образомъ даже наше познаніе о природѣ съ точки зрѣнія эмпирика, должно быть признано не болѣе, какъ нашимъ привычнымъ представленіемъ о ней, не имѣющимъ характера всеобщности и необходимости; то что собственно остается для насъ объективнымъ и достовѣрнымъ? Очевидно одни непосредственныя, чувственныя ощущенія. Къ этому воззрѣнію и приходятъ послѣдовательные эмпирики. По ученію Локка достовѣрность познанія тѣмъ болѣе уменьшается, чѣмъ болѣе оно отдѣляется отъ первичныхъ ощущеній или простыхъ идей. Самое достовѣрное знаніе есть непосредственно чувственное или интуитивное. Болѣе слабую степень достовѣрности представляетъ познаніе посредствомъ демонстраціи; наименьшую-же степень достовѣрности имѣетъ ни интуитивное и не демонстративное убѣжденіе или вѣра, подъ которою Локкъ разумѣетъ вѣру основанную на откровеніи религіозномъ. Такимъ образомъ Локкъ совершенно извращаетъ естественную градацію нашихъ познаній, считая наиболѣе цѣн-

нымъ и достовѣрнымъ то познаніе, которое, по общему убѣжденію человѣчества, составляетъ самую низшую форму познанія и лишь первоначальную почву его. Значеніе познанія научнаго, характеристическую особенность котораго составляетъ именно то, что оно есть знаніе основанное на доказательствахъ (демонстративное), у него значительно колеблется въ своей достовѣрности. Не говоримъ о знаніи религіозномъ, которое Локкъ смѣшиваетъ съ произвольнымъ мнѣніемъ и которому не придаетъ никакой цѣнности. Но Локкъ не осмѣливается дойти до послѣднихъ логическихъ выводовъ эмпирической теоріи познанія; онъ не рѣшается прямо высказать мысль о недостовѣрности нашего раціональнаго познанія, ограничиваясь тѣмъ, что приписываетъ ему только меньшую степень достовѣрности сравнительно съ познаніемъ непосредственно эмпирическимъ. Такой окончательный выводъ принадлежитъ Юму. По его ученію, только тѣ идеи имѣютъ реальное значеніе, которыя соотвѣтствуютъ первоначальнымъ впечатлѣніямъ. Если-же для какого-либо понятія или идеи нельзя указать соотвѣтствующаго ей конкретнаго впечатлѣнія, то это признакъ, что оно есть субъективное произведеніе нашего духа. Такъ какъ впечатлѣнія могутъ производить только представленія объ отдѣльныхъ предметахъ и явленіяхъ, а не объ отношеніяхъ между ними или ихъ связи, то понятно, что всѣ идеи этихъ отношеній (напр. отношеніе причины и дѣйствія) равно какъ и основанныя на нихъ познанія не могутъ быть признаны объективно достовѣрными. Если-же мы обыкновенно считаемъ достовѣрнымъ наше познаніе о мірѣ, то это отъ того, что природа, въ силу нѣкоторой абсолютной и совершенно непостижимой для насъ необходимости, заставляетъ насъ считать истиннымъ то, относительно чего мы не имѣемъ никакихъ разумныхъ основаній заключать, что оно истинно. Такое, не основанное на разумныхъ основаніяхъ убѣжденіе въ истинности нашего познанія, Юмъ называетъ вѣрою или вѣроятностію.

В. Жудравцевъ.

(Продолженіе будетъ).

РАЗЛИЧНЫЯ НАПРАВЛЕНІЯ НѢМЕЦКОЙ ФИЛОСОФІИ ПОСЛѢ ГЕГЕЛЯ

ВЪ

ОТНОШЕНІИ ЕЯ КЪ РЕЛИГІИ.

(Продолженіе *).

II. Атеизмъ отрицательнаго направленія философіи послѣ Гегеля.

Философія Гегеля точно также послужила исходнымъ пунктомъ для отрицательнаго направленія философіи по отношенію къ религіи, какъ и для направленія ея положительнаго, уже разсмотрѣннаго нами,—теистически пантеистическаго. Мы замѣтили выше, что односторонній панлогизмъ Гегеля, какъ характеристически называютъ систему его, вызвалъ противъ себя другое направленіе философіи, которое поставило на видъ идею личнаго абсолютнаго существа, какъ основное понятіе философскаго міросозерцанія. Но въ связи съ отрицаніемъ безусловнаго значенія абстрактнаго логическаго начала является въ философіи еще иное направленіе, которое съ тою-же цѣлію противодѣйствія односторонне спекулятивно, а вѣрнѣе абстрактно умозрительному направленію, провозглашаетъ основаніемъ и критеріемъ всякаго научнаго изслѣдованія факты чувственнаго опыта: только то вполне достоверно и не подлежитъ никакому сомнѣнію, что удостоверяется непосредствен-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1887 г. № 8.

нымъ чувственнымъ наблюдениемъ и можетъ быть прямо изъ него выведено. Вотъ точка зрѣнія этого направленія. Такимъ образомъ въ противоположность той философіи, которая только въ отвлеченномъ мышленіи ищетъ источника и основанія для философскаго знанія, такъ какъ мышленіе не останавливается на чувственно данномъ, но стремится познать лежащую въ основаніи этого даннаго сущность бытія, отрицательное направленіе послѣ-гегеліанской философіи область подлинныхъ знаній нашихъ ограничиваетъ именно непосредственно даннымъ содержаніемъ чувственнаго знанія и затѣмъ все, выстраемое отвлеченнымъ мышленіемъ, признаетъ недостовѣрнымъ, не приближающимъ насъ къ дѣйствительности, а напротивъ отдаляющимъ отъ нея. Здѣсь мы видимъ повтореніе того вервѣдкаго въ исторіи идей и ученій явленія, что по причинѣ ложнаго направленія, въ какомъ проводится въ основаніи своемъ безспорно вѣрный принципъ, отвергается самый принципъ. Какъ-же опредѣляется отношеніе этого направленія философіи послѣ Гегеля къ религіи? Такъ какъ предметъ религіозной вѣры—бытіе міра сверхчувственнаго: то естественно, что это направленіе должно было придти къ совершенному отрицанію религіи. Дѣйствительно представители означеннаго направленія стараются доказать, что въ религіозной вѣрѣ ничего нѣтъ истиннаго, что она если и не есть произведеніе невѣжества какъ нѣкогда полагали, то во всякомъ случаѣ есть лишнее всякаго объективнаго значенія созданіе человѣка. Впрочемъ объясненія того, — какъ происходятъ на самомъ дѣлѣ религіозныя представленія, могутъ быть различны и при положительномъ и при отрицательномъ взглядѣ на религію, а потому какъ для перваго характеристическимъ служитъ признаніе религіозной истины, т. е. истинности самаго предмета религіозной вѣры, такъ послѣднее характеризуется отрицаніемъ предметной истинности религіозной вѣры.

Не прямо и непосредственно отрицательное направленіе философіи вышло изъ системы Гегеля. Исходнымъ пунктомъ его было приложеніе основныхъ понятій гегеліанской философіи къ разъясненію истинъ христіанскихъ. Извѣстно, что нѣкоторые изъ послѣдователей гегеліанской философіи, не желая

прямо противорѣчить истинному смыслу христіанскаго вѣроченія, или по крайней мѣрѣ подвергнуть его сомнѣнію, пытались примѣнить къ истинамъ христіанскимъ основныя понятія Гегеля. Но при этомъ выходило одно изъ двухъ: необходимо было или измѣнить подлинный смыслъ христіанскаго ученія, дабы согласить его съ точкою зрѣнія гегелианской философіи, или усвоить послѣдней несвойственныя ей понятія для того, чтобы поставить въ тѣни рѣзкое разногласіе ея съ христіанскимъ ученіемъ. Это послѣднее тѣмъ болѣе было возможно, что и самъ Гегель пользовался иногда обычнымъ языкомъ Богословія, хотя и выражалъ совершенно чуждыя и несвойственныя церковному Богословію понятія. Такъ рассматривая идею абсолютную относительно ея самой, относительно ея сущности, Гегель говоритъ, что такое разсмотрѣніе идеи есть познаніе Бога, „какъ Онъ существуетъ до сотворенія природы и духа человѣческаго“. Отсюда былъ сдѣланъ такой выводъ, что если абсолютная идея Гегеля не только существуетъ, какъ общая сущность всѣхъ формъ міровой дѣйствительности, но имѣетъ бытіе также въ самой себѣ: то она очевидно есть начало, которое не все цѣлкомъ входитъ въ процессъ міровой дѣйствительности и что слѣдовательно философія Гегеля, будучи пантеистическою, представляетъ основаніе и для оправданія теизма. Что-же касается отношеній системы Гегеля къ истинамъ христіанства: то и въ этомъ случаѣ нерѣшительный и неясный образъ представленія христіанскихъ понятій съ точки зрѣнія системы, при которомъ удержаны термины христіанской догматики, безъ опредѣленнаго указанія смысла ихъ, повидимому, благопріятствовалъ тому мнѣнію, что можно согласить философію Гегеля съ христіанствомъ, ни мало не насилуя подлиннаго смысла какъ первой, такъ и послѣдняго. Но обманъ продолжался не долго. Вопреки псевдогегелианцамъ, какъ называли тѣхъ изъ послѣдователей Гегеля, которые усиливались усвоить философіи Гегеля христіанскія понятія, извѣстная тюбингенская школа, взявъ на себя изслѣдованіе, съ точки зрѣнія этой философіи, первоначальной исторіи христіанства, своими опытами рѣшительнаго извращенія подлиннаго смысла какъ исторіи, такъ и по-

нятія христіанства, явно обнаружила непримиримость съ нимъ гегеліанской філософіи и положила начало тому отрицательному направленію філософіи по отношенію къ христіанству, которое, какъ увидимъ, перешло наконецъ въ отрицаніе всякой религіи. Такъ какъ существенный пунктъ различія теизма отъ пантеизма заключается въ томъ, что теизмъ признаетъ Бога существомъ личнымъ, имѣющимъ бытіе независимое отъ существованія міра, между тѣмъ какъ пантеизмъ отождествляетъ Бога съ общею сущностію вещей и слѣдовательно отрицаетъ Его личность: то пантеистическій характеръ гегеліанской філософіи въ примѣненіи ея къ христіанству долженъ былъ выразиться главнымъ образомъ въ отрицаніи истины христіанской о совершившемся въ І. Христѣ вочеловѣченіи Бога, потому что съ точки зрѣнія пантеизма, по самому понятію его о Богѣ, воплощеніе Божества въ одномъ лицѣ безусловно невозможно: признавъ такое вочеловѣченіе Бога, пантеизмъ отвергнулъ-бы самого себя. Съ другой стороны, истина вочеловѣченія Бога въ лицѣ І. Христа есть основная истина христіанства, потому какъ скоро, съ точки зрѣнія гегеліанской філософіи, стали отрицать эту истину, то вмѣстѣ съ тѣмъ ясно обнаружилась рѣшительная непримиримость ея съ христіанскимъ ученіемъ. Вотъ почему такое важное значеніе въ исторіи гегеліанской філософіи имѣло извѣстное сочиненіе Штрауса „Das Leben Iesu“. Это сочиненіе окончательно выяснило какъ основной характеръ системы Гегеля, такъ и отношеніе ея къ христіанству. Теперь для отрицательнаго направленія філософіи въ отношеніи христіанства и религіи вообще открытъ былъ прямой путь изъ самой системы Гегеля, между тѣмъ какъ до сихъ поръ отрицательный характеръ гегеліанской філософіи въ указанномъ отношеніи былъ оспариваемъ. Но такъ какъ для насъ сочиненіе Штрауса важно только какъ переходный пунктъ къ отрицательному направленію послѣ-гегеліанской філософіи, которая наконецъ отвергаетъ и самую філософію Гегеля: то мы ограничимся лишь общимъ указаніемъ на главный выводъ въ названномъ сочиненіи о Лицѣ І. Христа.

А. Штраусъ и Фейербахъ. Штраусъ направляетъ свое со-

чиненіе противъ „предразсудковъ“ свойственныхъ супранатуралистическому и натуралистическому взглядамъ на исторію Иисуса Христа. Такъ какъ оба эти взгляда основываются на вѣрѣ въ исторію Иисуса, какъ несомнѣнный историческій фактъ, который они только различно понимаютъ: то, по мнѣнію Штрауса, ни тотъ, ни другой взглядъ не въ состоявіи окончательно разрѣшить вопросъ о Лицѣ Иисуса Христа и представить удовлетворительное объясненіе Евангельской исторіи. Научное изслѣдованіе въ строгомъ смыслѣ въ самомъ началѣ должно отвергнуть всякія предположенія; говоря это, Штраусъ повторяетъ Гегеля, хотя, какъ мы увидимъ, столь же мало обходится безъ предположеній въ своей исторіи Иисуса, какъ Гегель въ своей философіи. Такимъ образомъ исходный пунктъ изслѣдованія Штрауса о евангельской исторіи опредѣляется такъ: Супранатуралистическій образъ, воззрѣній на жизнь Иисуса основывается на двухъ предположеніяхъ, именно во-первыхъ на томъ, что жизнь Иисуса есть дѣйствительный историческій фактъ; и во-вторыхъ на томъ, что она имѣетъ сверхъестественный характеръ. Последнее изъ этихъ предположеній отвергнуто натурализмомъ, но имъ удержано первое. Посему задача дальнѣйшаго изслѣдованія Евангельской исторіи состоитъ въ томъ, чтобы подвергнуть критику эту исторію. И такъ слѣдующій вопросъ поставляетъ главнымъ образомъ Штраусъ въ своемъ сочиненіи: можно ли признать евангельскія повѣствованія дѣйствительною исторіею, насколько въ самомъ дѣлѣ заключается въ нихъ исторически достовернаго?—Далѣе такъ какъ Иисусъ Христосъ есть предметъ религіозной вѣры и въ этомъ смыслѣ Онъ такое лице, къ которому относятся извѣстныя догматическія опредѣленія, то отсюда критическое изслѣдованіе жизни Иисуса Христа, какъ она представлена въ евангеліяхъ, должно разсматривать Его не только какъ предметъ евангельскихъ повѣствованій, но и какъ предметъ религіозной вѣры. На этомъ основаніи сочиненіе Штрауса „Das Leben Jesu“ раздѣляется на двѣ части, изъ которыхъ въ первой содержится изслѣдованіе евангельскихъ сказаній о жизни Иисуса Христа, а вторая заключаетъ въ себѣ критическое изслѣдованіе тѣхъ догматическихъ опредѣле-

ній, которыя относятся къ лицу Иисуса Христа. Что касается евангельскихъ сказаній, то Штраусъ вообще отвергаетъ историческое значеніе ихъ на томъ основаніи, что во 1) они большею частію предполагаютъ дѣйствительность сверхъестественнаго, 2) многія изъ нихъ будто-бы противорѣчатъ самимъ себѣ, или не согласны между собою, или наконецъ противорѣчатъ современной имъ исторіи. Если-же повѣствованія евангельскія не заключаютъ въ себѣ подлинной исторіи, то возможенъ одинъ только способъ объясненія ихъ, это—отнесеніе ихъ къ разряду сказаній мифологическихъ. Такимъ образомъ результатъ критическаго изслѣдованія Штрауса о жизни Иисуса Христа не согласуется ни съ натуралистическимъ, ни съ супранатуральнымъ взглядомъ на нее. Какимъ-же образомъ произошли мифическія сказанія о жизни Иисуса Христа? Отвѣчая на этотъ вопросъ, Штраусъ замѣчаетъ прежде всего, что эти сказанія не могли быть вымыслены намѣренно отдѣльными личностями, но образовались постепенно, какъ бессознательныя созданія цѣлаго общества или народа и только впоследствии, когда такимъ образомъ возникли въ обществѣ, были преобразованы отдѣльными личностями соотвѣтственно тѣмъ догматическимъ предположеніямъ, какія имѣли они о лицѣ Иисуса Христа. Но эти догматическія предположенія не только послужили основаніемъ для позднѣйшаго преобразования сказаній объ Иисусѣ Христѣ въ евангельскую исторію, но были также причиною первоначальнаго мифологическаго происхожденія ихъ. Такія догматическія предположенія суть: 1) вѣра самаго общества, которое послѣ того какъ возбужденъ былъ въ немъ религіозный интересъ великою личностію Иисуса, по мѣрѣ отдаленія отъ этой личности, постепенно преобразовало дѣйствительную исторію жизни Иисуса въ мифическія сказанія евангельскія; 2) мессіанскія представленія Іудейскаго народа, которыя образовались на основаніи ветхозавѣтныхъ типовъ и пророчествъ; такъ какъ, говоритъ Штраусъ, еще до явленія Иисуса существовалъ въ представленіяхъ іудейскаго народа образъ Мессіи, то вмѣстѣ съ признаніемъ Иисуса Мессіею необходимо было связано перенесеніе на него тѣхъ чертъ, какія были даны въ томъ образѣ.

Впрочемъ, хотя евангельскія повѣствованія о лицѣ Іисуса Христа, носятъ на себѣ печать мистическаго происхожденія и потому не могутъ быть признаны исторически достоверными, однако догматическія опредѣленія, которыя относятся къ Іисусу Христу, содержатъ въ себѣ несомнѣнную истину. „Внутреннее зерно христіанской вѣры, говоритъ Штраусъ, мнѣ известно независимо отъ критическихъ изслѣдованій. Сверхъестественное рожденіе Христа, чудеса Его, воскресеніе и вознесеніе суть вѣчныя истины, какъ-бы ни была сомнительна дѣйствительность ихъ, какъ историческихъ фактовъ. Только убѣжденіе въ непоколебимой истинѣ этихъ догматическихъ положеній, замѣчаетъ далѣе Штраусъ, можетъ оправдать его въ томъ, что онъ такъ рѣшительно безстрастно отвергаетъ историческую достоверность евангельскихъ сказаній“. Онъ былъ убѣжденъ, что вѣра христіанская ни малю не подрывается и не унижается тѣмъ, что онъ относитъ почти всю евангельскую исторію къ области мистериі, потому, что сущность этой вѣры утверждается, по его мнѣнію, не на повѣствованіяхъ евангельскихъ, а на тѣхъ догматическихъ опредѣленіяхъ, соотвѣственно которымъ образовались эти повѣствованія. Нужно-ли повторить, что какъ скоро Штраусъ догматическія опредѣленія, относящіяся къ лицу Іисуса Христа, отдѣляетъ отъ историческаго ихъ основанія, въ связи съ которыми они только имѣютъ свое значеніе и истину для вѣры, то уже неизбежно было для него исказить подлинный смыслъ и значеніе этихъ опредѣленій. Штраусъ признаетъ содержаніе христіанской вѣры, доводящимъ съ величайшею истиною философскою; а эта величайшая истина философская состоитъ въ томъ, что, какъ говоритъ Штраусъ, абсолютная идея никогда не раскрываетъ всей полноты своего содержанія въ одномъ экземплярѣ и не скупится на другіе, но въ разнообразіи индивидуумовъ то полагающихъ себя, то исчезающихъ, любитъ распространять свое богатство. Посему нельзя допустить, чтобы Богъ могъ воплотиться въ одной какой либо исторической личности. Это значило-бы, что абсолютная идея вся заразъ воплотилась въ одномъ человѣкѣ. Итакъ тѣ догматическія опредѣленія, которыя прилагаются къ лицу Христа, какъ предикаты его, слѣ-

дуетъ относить къ человѣчеству вообще. Человѣчество, говоритъ Штраусъ, соединяетъ въ себѣ двѣ природы. Оно есть Богъ, сдѣлавшійся человѣкомъ, въ конечности открывшееся безконечное и свою безконечность воспоминающій духъ. Оно есть сынъ видимой матери и невидимаго Отца, духа и природы; оно есть чудотворецъ, потому что въ теченіе міровой исторіи человѣчества духъ мало по-малу приобрѣтаетъ господство надъ природою, овладѣвая ею какъ матеріаломъ для своей дѣятельности; оно безгрѣшно, потому что общій ходъ историческаго развитія его безпороченъ: порокъ принадлежитъ только индивидууму, но въ цѣломъ родѣ, въ исторіи всего человѣчества исчезаетъ всякій слѣдъ порока; человѣчество постоянно умираетъ, воскресаетъ и возносится на небо; такъ какъ оно постоянно переходитъ изъ состоянія непосредственности въ состояніе вышаго духовнаго бытія. Чрезъ вѣру въ этого Христа, преимущественно Его смерть и воскресеніе, человѣкъ оправдывается предъ Богомъ, т. е. посредствомъ возбужденія въ себѣ идеи человѣчества, вслѣдствіе отрицанія своего натурального бытія; каждый человѣкъ является участникомъ въ Богочеловѣческой жизни рода. Таковъ смыслъ, по мнѣнію Штрауса, тѣхъ догматовъ христіанства, которые утверждаются на Евангельскихъ сказаніяхъ о лицѣ и жизни Іисуса Христа. Мы видимъ теперь, что игра словами, которую уже у Гегеля можно находить, не замедлила привести свой плодъ. Подъ видомъ раскрытія истиннаго смысла христіанскаго вѣроученія истинное христіанство рѣшительно отвергнуто. На мѣсто истиннаго и живаго Бога, какъ предметъ вѣры, поставлено человѣчество. Но человѣчество—это абстрактное понятіе, т. е. призракъ создаваемый нашимъ сознаніемъ субъективнымъ. А такъ какъ въ сущности этотъ призракъ и есть предметъ религіозной вѣры, то слѣдовательно религія вообще есть иллюзія. Вотъ тотъ выводъ, къ которому относительно религіи пришелъ *Фейербахъ*.

Заключительный выводъ критическихъ изслѣдованій Штрауса таковъ, что онъ вѣру во Христа, какъ Бога, замѣняетъ вѣрою въ человѣчество. Теперь и эта вѣра въ человѣчество отвергается и на мѣсто ея провозглашается вѣра человѣка въ

самаго себя, какъ одна только дѣйствительно возможная вѣра. Уже Бруно Бауеръ относительно того-же вопроса о первоначальной исторіи христіанства, который составляетъ предметъ критическихъ изслѣдованій Штрауса, слѣдую тому-же методу, который требуетъ прежде всего отрѣшиться отъ всякихъ историческихъ предразсудковъ, т. е. преданій, пришелъ къ заключенію, что не общество, какъ думалъ Штраусъ, а самосознаніе отдѣльныхъ лицъ создало евангельскую исторію. Мистическое изъясненіе ея, равно какъ и ортодоксальное, стоятъ на одной точкѣ мистической субстанціальности, (т. е. признають реальность общаго). Это и другое унижаютъ свободу и безконечность личнаго самосознанія. Всякое бытіе есть сначала субстанція и затѣмъ самосознаніе. Критикъ послѣ Штрауса можетъ только доказывать, что евангельская исторія есть чистое произведеніе самосознанія. Вотъ заключительный выводъ этой, такъ называемой, критики христіанскихъ первоначальныхъ памятниковъ: „если дѣйствительно существовалъ нѣкогда человѣкъ по имени Іисусъ и далъ первый толчекъ въ всеобщему перевороту, который потрясъ и преобразовалъ его именемъ міръ: то несомнѣнно, что самосознаніе такого человѣка было свободно (entstellt) отъ догматическихъ опредѣленій“. Итакъ: христіанство, — религія высочайшая, — имѣетъ происхожденіе чисто человѣческое. Отсюда возникаетъ вопросъ: какимъ образомъ человѣкъ создаетъ себѣ религію? Разрѣшеніе этого вопроса ведетъ къ построенію теоріи о сущности религіи съ той точки зрѣнія, которая устанавливается указанными выше результатами критическихъ изслѣдованій первоначальной исторіи христіанства. Уже сами по себѣ эти результаты показываютъ, что то отрицательное направленіе философіи по отношенію къ христіанству, которое прямо вышло изъ системы Гегеля, должно было привести также къ отрицанію и самой философіи Гегеля. Съ точки зрѣнія гегеліанской философіи религія есть не что иное, какъ несоразмѣрная форма выраженія абсолютной идеи, именно въ религіи абсолютная идея воплощается въ формѣ представленія, между тѣмъ какъ вполне соотвѣтствующая ей форма есть форма логическаго понятія. Но Гегель дѣлаетъ исключеніе изъ этого общаго опредѣленія религіи для религіи

христіанской; въ этой религіи онъ признавалъ соразмѣрное отношеніе между формою ея и содержаніемъ, т. е. идею. Штраусъ отрицаетъ такое единство формы и содержанія въ христіанствѣ и отдѣляетъ одно отъ другаго. Содержаніе христіанства, т. е. догматическія опредѣленія, вполнѣ истинно, но та историческая форма, къ которой привязано это содержаніе, ему не соотвѣтствуетъ. Посему, таковъ дальнѣйшій выводъ изъ результатовъ, представленныхъ критикою Штрауса: — слѣдуетъ оставить безъ вниманія историческую сторону христіанства, и, отвергнувъ всякое историческое основаніе его, разсматривать содержаніе его, какъ произведеніе самосознанія. Религія не есть сознаніе идеи о самой себѣ въ процессѣ историческаго развитія человѣчества; она есть самосознаніе человѣка. Эта точка зрѣнія на религію образовалась путемъ критическихъ изслѣдованій христіанства, предпринятыхъ въ духѣ Гегеліанской системы. Но такъ какъ эта новая точка зрѣнія противурѣчитъ той самой философіи, изъ которой она произошла, то для оправданія ея слѣдовало противопоставить этой философіи новую, основанную на этой новой точкѣ зрѣнія. Философія Гегеля причисляется къ ветхому завѣту философіи и слѣдовательно философія Фейербаха, по отношенію къ ней, есть философія новаго завѣта. Разсмотримъ теперь, въ чемъ состоитъ эта новозавѣтная философія и какъ она относится къ религіи.

Если необходимо опредѣлить, въ чемъ состоитъ основная точка зрѣнія философіи Фейербаха: то мы можемъ сказать для этой цѣли, что Фейербахъ не различаетъ сущности вещи отъ являемости ея; въ этомъ пунктѣ философія Фейербаха соприкасается съ философіею Гегеля, но здѣсь-же рѣшительно и расходится съ нею. И по Гегелю сущность вся въ явленіяхъ, но при этомъ Гегель понималъ сущность какъ общее начало, которое постепенно раскрывается во множествѣ явленій. Фейербахъ-же напротивъ являемость каждой отдѣльной вещи принимаетъ за ея сущность, такъ что каждая *въ отдѣльности* вещь по Фейербаху есть по сущности своей то именно, чѣмъ она является. Посему только такое познаніе о вещи для Фейербаха истинно; которое представляетъ ее со всѣми принадлежащими ей свойствами и качествами, какъ случайными, такъ

и существенными, ибо такое различіе свойствъ по Фейербаху не основывается на природѣ вещи, въ которой, если можно такъ сказать, все существенно, что только дано въ ней. Общія родовыя понятія суть не что иное, какъ отвлеченія общихъ, принадлежащимъ многимъ предметамъ, свойствъ. Но эти свойства очевидно сами по себѣ, именно въ той совокупности, въ которой они представляются сознанію чрезъ отвлеченныя понятія, не существуютъ; существуютъ только индивидуумы, а не роды. Между тѣмъ мышленіе, по своей природѣ, усваиваетъ дѣйствительное бытіе не самымъ вещамъ, а тѣмъ общимъ свойствамъ ихъ, которыя оно мыслить чрезъ отвлеченныя понятія какъ субъекты, имѣющіе самостоятельное существованіе. „Они, говоритъ Фейербахъ объ общихъ понятіяхъ, не существуютъ внѣ вещей, или существъ, не различаются и не независимы отъ индивидуумовъ, отъ которыхъ мы отвели ихъ. Субъектъ, т. е. дѣйствительное существо, всегда есть только индивидуумъ, а родъ есть только предикатъ, его свойство. Но мышленіе, отрѣшенное отъ чувствъ, отвлекаетъ свойство отъ индивидуума, которому оно принадлежитъ, превращаетъ предикатъ въ предметъ для себя существующій, рассматриваетъ его въ этой отвлеченности, какъ сущность индивидуума и устранивая тѣ свойства, по которымъ различаются индивидуумы между собою, какъ свойства случайныя, не существенныя, соединяетъ эти индивидуумы въ одно общее понятіе. Превращая такимъ образомъ дѣйствительно существующія вещи въ абстрактныя отвлеченія общихъ свойствъ ихъ, мышленіе однако имѣетъ претензію на обладаніе самымъ, такъ сказать, ядромъ познанія, между тѣмъ какъ чувственному созерцанію, которое познаетъ индивидуумы такъ, какъ дѣйствительно они существуютъ, оно относитъ только внѣшнюю, поверхностную сторону познанія и потому то, что въ дѣйствительности есть субъектъ, существо, мышленіе, дѣлаетъ предикатомъ, свойствомъ, видоизмѣненіемъ родоваго понятія и наоборотъ, что въ дѣйствительности есть только свойство, предикатъ, оно рассматриваетъ какъ существо“... Такимъ образомъ истинное, соответствующее дѣйствительности вещей, познаніе мы имѣемъ только въ непосредственныхъ чувственныхъ созерцаніяхъ, потому что

только здѣсь предметъ представляется намъ такъ, какъ онъ есть, напротивъ мышленіе, такъ сказать, обезличиваетъ вещи, сглаживаетъ индивидуальныя разности между ними, которыя главнымъ образомъ составляютъ дѣйствительность, и на мѣсто вещей полагаетъ абстракціи общихъ ихъ свойствъ. Ясно, что по своей точкѣ зрѣнія философія Фейербаха представляетъ совершенную противоположность системѣ Гегеля. Гегель, какъ извѣстно, сущность бытія полагалъ въ чистомъ мышленіи, это значитъ въ отвлеченномъ понятіи бытія или идеѣ, именно въ томъ, что Фейербахъ признаетъ не выражающимъ дѣйствительно существующаго. Предметъ, или вещь, съ точки зрѣнія Гегеля, имѣетъ подлинное свое бытіе не въ изолированномъ, призрачномъ образѣ своего существованія, а въ своемъ отношеніи къ своему понятію, и еще болѣе въ отношеніи къ общему понятію вещей, къ абсолютной идеѣ. Такое отношеніе и именно соотвѣтствіе предмета своему понятію есть его истина. Между тѣмъ по Фейербаху, какъ мы видѣли, предметъ только какъ индивидуумъ есть дѣйствительно существующій предметъ; напротивъ, — тѣ общія идеальныя отношенія, въ какихъ представляются для мышленія предметы въ общихъ, родовыхъ понятіяхъ, сами по себѣ имѣютъ только призрачное, воображаемое бытіе, а не дѣйствительное, существуютъ лишь въ головѣ мыслящаго, а не внѣ ея, потому что мы подкладываемъ эти идеальныя отношенія подъ дѣйствительность, привязываемъ къ ней, а не созерцаемъ ихъ здѣсь непосредственно. Такимъ образомъ точка зрѣнія системы Гегеля переходитъ въ философіи Фейербаха въ противоположную себѣ крайность.

На этой то, изложенной нами точкѣ зрѣнія, Фейербахъ основываетъ отрицаніе религіи. Такъ какъ родовыя общія понятія мышленія, — такова основная мысль Фейербаха относительно религіи, — выражаютъ не дѣйствительно существующія вещи, а только общія свойства ихъ; то и понятіе о Богѣ, основное понятіе религіи, какъ понятіе наиболѣе отвлеченное, указываетъ только на общія свойства существующаго, а не на предметъ существующій. Свойства эти, какъ показываетъ анализъ понятія о Богѣ, суть свойства принадлежащія человѣку. И такъ религія не есть отношеніе человѣка къ Богу, но отношеніе

его къ самому себѣ. Сознаніе Бога есть самосознаніе человѣка, слѣдовательно Богъ не существуетъ, какъ существо отличное отъ человѣка.

Вотъ какъ изъясняетъ Фейербахъ сущность религіи.

Религія, говоритъ онъ, основывается на томъ, что сущственно отличаетъ человѣка отъ животныхъ. Посему надобно опредѣлить, въ чемъ состоитъ это различіе и тогда сама собою опредѣлится сущность религіи. Обыкновенно различіе человѣка отъ животныхъ полагаютъ въ сознаніи, понимаемомъ въ строжайшемъ смыслѣ, т. е. такомъ сознаніи, для котораго предметомъ служитъ родъ, сущность существа его. Вслѣдствіе такого сознанія человѣкъ имѣетъ двоякую жизнь: внѣшнюю и внутреннюю, въ противоположность животному, которое имѣетъ жизнь простую, потому что внѣшняя и внутренняя жизнь у него совпадаютъ и не различаются между собою. Внутренняя жизнь человѣка состоитъ въ отношеніи его къ своему роду и это отношеніе постоянно выражается въ отправленияхъ мышленія, равно какъ и въ языкѣ. Понимаемое въ этомъ смыслѣ сознаніе человѣка безконечно, потому что безконеченъ предметъ его. Сознаніе червя, котораго жизнь и существо ограничены опредѣленнымъ видомъ растеній, не простирается далѣе этой ограниченной области, потому-то оно и называется, какъ ограниченное и слѣдовательно безошибочное, инстинктомъ. Но не таково сознаніе человѣка, потому что предметъ его не таковъ. Такимъ предметомъ для него служитъ родъ, или существо человѣка. А что составляетъ существо человѣка, въ чемъ состоитъ родъ его? Разумъ, воля и сердце—вотъ сущность человѣка. Совершенному человѣку необходимо принадлежать сила мышленія, сила воли и сила сердца: онѣ суть совершенства его и цѣль существованія. Истинно совершенно то, что существуетъ ради себя, имѣетъ свою цѣль въ себѣ, а таковы разумъ, воля и чувство, потому что человѣкъ живетъ для того, дабы познавать, любить, хотѣть. Нельзя сказать, что разумъ, воля, любовь—это такія силы, которыми человѣкъ обладаетъ; напротивъ, такъ какъ человѣкъ самъ есть то, что есть только чрезъ нихъ и въ нихъ, то онѣ составляютъ основаніе и сущность его; поэтому на самомъ дѣлѣ не человѣкъ обла-

даетъ ими, а онѣ обладаютъ человѣкомъ, такъ что человѣкъ не можетъ имъ противиться, или противодѣйствовать.

Человѣкъ ничто безъ предмета. Великіе люди, въ которыхъ съ особенною ясностію проявлялось существо человѣка, всегда обнаруживали одну какую-либо страсть, которая и была предметомъ ихъ дѣятельности. А предметъ, къ которому субъектъ необходимо относится, есть не что иное какъ собственное, но только превращенное въ предметъ, обьективированное существо его. Когда же одинъ предметъ служитъ для многихъ индивидуумовъ предметомъ: то и въ этомъ случаѣ для каждаго изъ нихъ онъ является особеннымъ предметомъ по различію его отношеній къ нимъ. Такъ солнце есть общій обьектъ планетъ солнечной системы, но иначе оно есть предметъ для Меркурія, иначе по отношенію къ Венерѣ, иначе для земли, такъ что каждая планета имѣетъ въ этомъ смыслѣ свое собственное солнце, а это значитъ, что отношеніе каждой планеты къ солнцу есть въ сущности отношеніе ея къ себѣ самой, или къ своему собственному существу.

Въ предметѣ человѣкъ становится сознающимъ самого себя: сознаніе предмета есть самосознаніе человѣка, предметъ есть его обьективное я. И это относится даже къ чувственнымъ предметамъ. Отдаденнѣйшіе отъ человѣка предметы суть откровенія его существа; мѣсяць, звѣзды взываютъ къ нему: познай самого себя! Глазь, смотрящій на звѣздное небо, созерцаетъ въ немъ свое собственное существо, такъ какъ животное только соприкасается съ необходимымъ для его жизни лучемъ свѣта, но человѣкъ, кромѣ того, имѣетъ чистыя интеллектуальныя радости. Посему могущество предмета надъ человѣкомъ есть могущество надъ нимъ собственнаго его существа. Такъ могущество того, что служитъ предметомъ чувства (музыка и под.), есть могущество самаго чувства; тоже должно сказать и по отношенію къ разуму и волѣ и такъ какъ разумъ, воля и чувство суть совершенства человѣка: то невозможно, чтобы мы посредствомъ разума воли и чувства находили разумъ-же волю и чувство ограниченными, конечными: конечность и ничтожность одно и тоже,—послѣднее есть только практическое выраженіе ограниченности, во совершенство

не можетъ быть ничтожнымъ. *Бытіе* (общаго) существа не есть что-либо особенное, отличное отъ индивидуума сознающаго себя, потому что сознаніе есть само себѣ предметъ.

Сознаніе есть самоутвержденіе, самолюбіе, радость о своемъ совершенствѣ, посему оно возможно только въ довлѣющемъ себѣ существѣ; ложное самолюбіе бываетъ тогда только, когда оно относится къ человѣку какъ индивидууму, но не тогда какъ оно имѣетъ своимъ предметомъ человѣческое существо. Только себя человѣкъ познаетъ ограниченнымъ, но не свое существо. Если однакожь ограниченность отъ себя онъ переноситъ на существо, — родъ, то это происходитъ изъ суетности, или по самообольщенію, вслѣдствіе котораго человѣкъ признаетъ себя тождественнымъ съ родомъ... Никакое существо не можетъ отрицать себя, т. е. своей сущности, и не есть ограниченное по отношенію къ самому себѣ, напротивъ въ самомъ себѣ каждое существо абсолютно.

Посему, когда мы мыслимъ, или чувствуемъ безконечное: то мы мыслимъ или чувствуемъ безконечность силы мышленія и чувства и слѣдовательно то, что называютъ обыкновенно только средствомъ или органомъ, на самомъ дѣлѣ есть цѣль. Если чувство признается существеннымъ органомъ религіи, то сущность Божества есть не что иное, какъ сущность чувства. Это видно уже изъ того, что какъ скоро чувство признано существеннымъ въ религіи, то содержаніе ея при этомъ является само по себѣ безразличнымъ; предмету религіозному теперь усвоается значеніе настолько, насколько онъ возбуждаетъ религіозное чувство, съ которымъ связывается, быть можетъ, по случайнымъ основаніямъ. Потому именно предметъ чувства въ религіи оказывается въ религіозномъ отношеніи безразличнымъ (т. е. не выражающимъ самого существа религіи, которое, по ученію Шлейермахера, единственно состоитъ въ чувствѣ безусловной зависимости), что коль скоро чувство признается субъективнымъ существомъ религіи, то на самомъ дѣлѣ оно есть также и объективное. Если-же мы различаемъ объектъ чувства отъ самаго чувства: то это различеніе должно понимать какъ различеніе природы чувства, общаго существа его отъ субъективныхъ чувствъ. Что сказано о чувствѣ, тоже самое относится и къ каждой

другой силѣ, способности, реальности. Человѣкъ никогда не можетъ отрѣшиться отъ своего существа: представляя и изображая другія отличныя отъ него существа, онъ пользуется въ этомъ случаѣ опредѣленіями, заимствованными изъ собственнаго существа.

Теперь изъ показаннаго выше отношенія человѣческаго сознанія къ своему предмету и содержанія этого предмета не трудно опредѣлить и сущность религіи. Такъ какъ отношеніе человѣческаго сознанія къ предмету религіи одинаково съ отношеніемъ его къ чувственнымъ предметамъ: то и объ религіи должно сказать, что въ ней также предметомъ для человѣческаго сознанія служитъ самъ человѣкъ, существо его. И это положеніе еще болѣе оправдывается при разсмотрѣніи религіознаго сознанія человѣка, нежели въ отношеніи къ сознанію, имѣющему предметомъ своимъ чувственно познаваемый міръ. Это послѣднее сознаніе по крайней мѣрѣ отличается отъ самосознанія, но при религіозномъ предметѣ сознаніе человѣка непосредственно совпадаетъ съ его самосознаніемъ.

Чувственный предметъ находится внѣ человѣка, религіозный же въ немъ самомъ и есть предметъ ближайшій къ нему, внутреннѣйшимъ образомъ связанный съ нимъ. Чувственный предметъ, поэтому, самъ по себѣ безразличенъ для сознанія, независимъ отъ настроенія и силы сужденія познающаго, между тѣмъ какъ предметъ религіи есть предметъ избраннѣйшій, потому онъ предполагаетъ критическое сужденіе въ сознаніи, которое къ нему относится, — различеніе между божественнымъ и небожественнымъ, достойнымъ поклоненія и недостойнымъ его. Такимъ образомъ здѣсь имѣетъ значеніе безъ всякаго ограниченія то положеніе, что предметъ человѣка есть не что иное, какъ самое существо его, представляемое объективнымъ. Смотря по тому, какъ человѣкъ мыслить, какъ онъ настроенъ, таковъ его и Богъ и настолько, но никакъ не болѣе, имѣетъ достоинствъ, насколько имѣетъ ихъ человѣкъ. Сознаніе Бога есть самосознаніе человѣка, познаніе Бога есть самопознаніе человѣка; Богъ есть открывшееся внутреннее существо человѣка. Религія это торжественное разоблаченіе и исповѣданіе сокровищъ человѣка, скрытыхъ во внутренней его жизни, открыто высказанное признаніе тайнъ его жизни.

Но если сущность религіи, сознание Бога, есть олицетворенное, или объективированное самосознание человѣка: то самое это объективированіе происходитъ безсознательно, не такъ чтобы религіозный человѣкъ ясно видѣлъ, что сознание Бога есть сознание существа человѣческаго; отличительный характеръ религіи именно въ томъ состоитъ, что человѣкъ, представляя свое существо Богомъ, самъ не сознаетъ этого. Посему для болѣе точнаго опредѣленія сущности религіи слѣдуетъ сказать: религія есть первоначальное и притомъ главнымъ образомъ не прямое самосознание человѣка; она всегда предшествуетъ философіи какъ въ исторіи человѣчества, такъ и въ исторіи развитія отдѣльнаго человѣка: *Человѣкъ полагаетъ свое существо внѣ себя прежде, нежели найдетъ его въ себѣ.* Отсюда, что въ религіяхъ прежде имѣло значеніе объективное, позже было признаваемо субъективнымъ, и въ этомъ состоитъ историческое движеніе религіознаго сознанія: каждая позднѣйшая религія дѣлаетъ шагъ впередъ, какъ только признаетъ что-либо человѣческимъ изъ того, что прежде было почитаемо какъ божественное, но притомъ, такъ какъ каждая послѣдующая религія, возвышаясь надъ прежними, отличается отъ нихъ по своему содержанію, то она въ тоже время исключаетъ себя изъ общей судьбы религій, изъ общаго ихъ закона, признавая свое содержаніе даннымъ стъ Бога.

Повидимому, въ томъ, что приведено нами здѣсь изъ Фейербаха, онъ говоритъ противное сказанному нами относительно общей точки зрѣнія его философіи. Такъ онъ здѣсь различаетъ сущность или родъ отъ индивидуума, когда говоритъ, что человѣкъ, относясь въ сознаніи своемъ къ предмету этого сознанія, относится къ существу своему или роду. Но для поясненія основной мысли Фейербаха мы должны замѣтить, что онъ вообще признаетъ различіе общаго отъ индивидуальнаго, но это различіе мы дѣлаемъ, по его мнѣнію, по природѣ нашего мышленія, а не потому, что оно въ дѣйствительности существуетъ; различіе это для насъ неизбежно, такъ какъ мы не можемъ не мыслить. Такимъ образомъ, когда Фейербахъ говоритъ, что сознание чувственнаго предмета есть въ сущности сознание самаго существа человѣка, то это значитъ толь-

ко, что мышленіе участвуетъ и въ томъ познаніи, которое по преимуществу есть познаніе, основанное на чувственномъ созерцаніи, что слѣдовательно и къ этому познанію примѣшиваются тѣ свойства человѣка, которыя отвлекаются мышленіемъ отъ всѣхъ людей и соединяются въ одномъ родовомъ понятіи человѣка. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ чувственное познаніе не есть познаніе, данное исключительно посредствомъ мышленія: то Фейербахъ не вполнѣ отрицаетъ, какъ мы видѣли, объективное значеніе его, между тѣмъ относительно сознанія о Богѣ, въ виду того, что понятіе о Богѣ есть данное чрезъ мышленіе, онъ прямо говоритъ, что оно совпадаетъ съ самосознаніемъ человѣка, слѣдовательно есть не что иное какъ родовое или отвлеченное понятіе существа человѣческаго. На этомъ, какъ мы увидимъ, основывается у него отрицаніе бытія Божія.

Религія вообще, и преимущественно христіанская, есть отношеніе человѣка къ самому себѣ—продолжаетъ Фейербахъ—отношеніе его къ своему существу, которое однако представляется ему какъ другое, отличное отъ него существо. Божественное существо есть существо человѣка, отрѣшенное отъ границъ индивидуальнаго, т. е. дѣйствительнаго человѣка, созерцаемое и почитаемое какъ другое, отличное отъ человѣка существо. Потому-то всѣ опредѣленія Божественнаго существа заимствованы отъ человѣческаго существа. Что опредѣленія существа Божественнаго принадлежатъ человѣку—это признается всѣми, но такое отвлеченіе отъ человѣка принадлежащаго ему и перенесенія на Бога отрицается только относительно божественныхъ опредѣленій. Фейербахъ же хочетъ доказать, что не только свойства божественнаго существа, но и самое это существо, субъектъ божественныхъ свойствъ, есть также отвлеченное отъ человѣка опредѣленіе,—и доказываетъ это тѣмъ, что совокупность опредѣленій и составляетъ самое существо, что послѣднее не отличается на самомъ дѣлѣ отъ усвояемыхъ ему свойствъ „Что не имѣетъ никакихъ опредѣленій, говоритъ онъ, то не оказываетъ на меня никакихъ дѣйствій, не имѣетъ слѣдовательно и бытія для меня; уничтожить опредѣленія существа значитъ уничтожить самое существо“ ¹⁾.

¹⁾ Das Wesen des Christenthums.

Такимъ образомъ Фейербахъ стоитъ на точкѣ зрѣнія субъективизма, но особенность субъективизма его состоитъ въ томъ, что онъ не отвергаетъ познаваемости предметовъ внѣ насъ существующихъ; но онъ отвергаетъ только то познаніе ихъ, которое дается чрезъ мышленіе, признавая такое познаніе субъективнымъ и потому хочетъ отдѣлить познанія субъективныя и слѣдовательно не соотвѣтствующія дѣйствительно существующему, отъ тѣхъ познаній, которыя имѣютъ основаніе объективное, выражаютъ дѣйствительно существующее. Сознаніе религиозное есть по преимуществу субъективное, потому что оно основывается на отношеніи субъекта къ самому себѣ, или точнѣе—къ своему существу. Съ этой точки зрѣнія на религію и съ цѣлю оправдать ее Фейербахъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, предназначенномъ имъ для популяризованія своихъ воззрѣній, рассматриваетъ съ разныхъ сторонъ сущность религиознаго сознанія человѣческаго. Мы извлечемъ нѣкоторыя существенныя черты изъ этого сочиненія, такъ какъ въ немъ, съ одной стороны, выясняется основная точка зрѣнія Фейербаха на религію, съ другой—ясно обнаруживается несостоятельность ея въ приложеніи къ изъясненію сущности религиознаго сознанія.

У. Петровъ.

(Продолженіе будетъ).

ИЗРЕЧЕНІЯ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ГРЕЧЕСКИХЪ МЫСЛИТЕЛЕЙ,

ВЫБРАННЫЯ ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ

Діогена Лаэртія, Плутарха, Стобея и др.

(Окончаніе *).

49. Димосеенъ.

Не философы одни были мыслителями, изреченія которыхъ переходили изъ устъ въ уста и потомъ записывались для памяти потомства, но и ораторы, какъ и другіе дѣятели просвѣщенія. Изъ ораторовъ въ этомъ отношеніи особенное вниманіе обращаетъ на себя величайшій въ числѣ ихъ — Димосеенъ. Онъ родился въ 385 или 384 году до Р. Хр. и семи лѣтъ отъ роду лишился отца. Опекунъ растратилъ имущество его, оставшееся отъ отца, — и вотъ ближайшая причина того, что Димосеенъ выступилъ на поприще оратора. Первая рѣчь его и была обвинительною противъ опекуна своего. Затѣмъ политическія обстоятельства того времени, особливо завоевательная политика царей Македонскихъ, посягавшихъ на свободу и независимость греческихъ государствъ, еще болѣе возвысили значеніе Димосеена, какъ оратора, глубоко преданнаго интересамъ отечества, честнаго

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1887 г. № 11.

и правдиваго. Въ рѣчахъ его, какъ въ зеркалѣ, ясно отражается его благородный, возвышенный характеръ. Онъ презиралъ всякое излишнее украшеніе въ рѣчи и имѣлъ въ виду самое только дѣло. Имъ движетъ истина убѣжденія, и въ этомъ вся сила его рѣчей, все дѣйствіе ихъ на слушателей; ясность въ расположеніи матеріала; строгость развитія мысли, рѣшительность настроенія всюду видны въ его рѣчахъ. Языкъ ихъ потому величественъ, простъ, серьезенъ, но приятенъ, сжатъ, плавленъ, убѣдителенъ, но въ тоже время въ высшей степени обработанъ. Кромѣ рѣчей, записанныхъ и до насъ дошедшихъ въ числѣ 61, древность, высоко цѣнившая умъ и другія качества знаменитаго оратора, сохранила до насъ значительное число и изреченій его. Вотъ эти изреченія.

На одномъ пиру кто-то слишкомъ разболтался и наговорилъ очень много вздору. Димосеенъ сказалъ ему: если-бы ты столько передумалъ, сколько переболталъ языкомъ, то не наговорилъ-бы такъ много вздору.

Спрошенный о томъ, что человекъ имѣетъ богоподобнаго, Димосеенъ сказалъ: дѣланіе добра и высказываніе истины.

Увидѣвъ сребролюбца, выносимаго изъ дому для погребенія, Димосеенъ замѣтилъ: этотъ человекъ, проживъ жизнь не пережитую, оставилъ жизнь другимъ.

Увидѣвъ одного народнаго вождя, который очень громко кричалъ, но былъ бездаренъ, Димосеенъ сказалъ: не то хорошо, когда кричатъ великимъ голосомъ, но то велико, когда говорятъ хорошо.

Одинъ гражданинъ аѳинскій сталъ насмѣхаться надъ Димосееномъ и говорилъ, что рѣчи послѣдняго отзываются свѣтильней, то есть блестящи, но вмѣстѣ и горьки; Димосеенъ на это сказалъ ему: я знаю, что огорчаю тебя, зажигая свѣтильню. А этотъ гражданинъ извѣстенъ былъ, какъ ночной грабитель ¹⁾.

¹⁾ При этомъ имѣлось въ виду еще и то обстоятельство, что Димосеенъ, наканунѣ произнесенія той или другой рѣчи своей, не спалъ ночь, првготовляясь къ произнесенію ея и заучивая ее на память.

Димосеенъ-же говорилъ: благоразумному человѣку должно стараться всегда держать разсудокъ выше пожеланій.

Справедливо, говорилъ онъ, оказывать милость не тѣмъ людямъ, которые несправедливы, но тѣмъ, которые противъ ожиданія несчастны.

Онъ-же говорилъ: мечъ разсѣкаетъ, а клевета разлучаетъ друзей.

Когда кто-то сказалъ Димосеену: ты занимаешься только самимъ собою, а о поляхъ своихъ не радишь, то Димосеенъ замѣтилъ: я забочусь о томъ, чрезъ что приобрѣлъ и самыя поля.

Когда разъ Димосеенъ посланъ былъ въ качествѣ посла къ Филиппу, царю Македонскому, для ходатайства въ пользу Аѳинянъ, и говорилъ очень смѣло съ царемъ, Филиппъ сказалъ ему: неужели ты не боишься того, что я прикажу отнять твою голову?—Нисколько, отвѣтилъ Димосеенъ; потому что если ты отнимешь ее, то отечество мое обезсмертитъ ее.

Законы Димосеенъ называлъ душою государства: ибо какъ тѣло, говоритъ онъ, лишенное души, разрушается, такъ и государство, не имѣющее законовъ, падаетъ.

Гетера Лаиса просила съ Димосеена тысячу драхмъ ¹⁾ на тотъ случай, еслибы онъ захотѣлъ имѣть съ нею сообщеніе. Димосеенъ сказалъ ей на это: я не покупаю раскаяніе въ тысячѣ драхмъ.

Удовольствіе, говоритъ онъ, нужно избирать не всякое, но только то, которое направляется къ добру.

Заслуживаютъ похвалы, говоритъ онъ, тѣ люди, которые никакой выгоды не предпочитаютъ правдѣ; ибо деньги легко можно приобрести, а добрую славу и на деньги не легко купить.

Для людей свободныхъ не можетъ быть больше несчастія, какъ лишиться свободы слова.

Я такъ разсуждаю, говоритъ онъ, что доброму, истинному гражданину свойственно—спасеніе государства предпочитать пріятности рѣчи.

Ничего нѣтъ легче, говоритъ Димосеенъ, какъ обманывать

¹⁾ Около 250 рублей.

себя самого: каждый думаетъ, что хочетъ; а дѣла часто слагаются совершенно не по желанію.

Клевета въ свое время сильно дѣйствуетъ на воспріимчивость слушателей, а по времени теряетъ всякую силу, говорилъ Димосеенъ.

Лучше имѣть гнѣвъ, говорилъ онъ, на злыхъ людей богатыхъ, нежели на таковыхъ-же бѣдныхъ.

Честная война, говорилъ онъ, предпочтительнѣе постыднаго мира.

Людямъ благороднымъ и честнымъ приличнѣе всего было бы имѣть красивый видъ, но скромность въ душѣ, мужественность въ лицѣ и въ душѣ и пріятность въ рѣчи.

Кто не знаетъ, говорилъ онъ, что живымъ людямъ свойственна въ большей или меньшей степени зависть, а умершихъ даже и изъ враговъ никто не обезчеститъ?

Спрошенный о томъ, какимъ образомъ усовершился онъ въ ораторствѣ, Димосеенъ отвѣчалъ: употребивъ болѣе масла, нежели вина.

Произнося однажды рѣчь въ собраніи и увидѣвъ входящаго Фокіона, ¹⁾ Димосеенъ сказалъ: вотъ идетъ молотъ и сабля моихъ рѣчей: его убѣждать можетъ только жизнь, а не слова убѣжденія.

Димосеенъ говаривалъ, что часто, приходя къ мысли молиться о погибели злыхъ людей, онъ опасался, какъ-бы отъ молитвы его городъ не дошелъ до совершеннаго опустѣнія.

Онъ полагалъ, что и взглядомъ иногда можно оскорблять и что такое оскорбленіе бываетъ несноснѣе оскорбленія словомъ или дѣломъ.

Когда кто-то сталъ порицать Димосеена, то послѣдній сказалъ: я не хочу входить съ тобою въ состязаніе, при которомъ побѣждаемый былъ-бы лучше побѣдителя.

Всего труднѣе, говорилъ онъ, нравиться многимъ.

Когда одинъ воръ, пойманный Димосееномъ, сказалъ послѣднему: я не зналъ, что это—твое, то Димосеенъ возразилъ ему: но ты зналъ, что это—не твое.

¹⁾ Фокіонъ — афинскій полководецъ и государственный мужъ.

Два пути, говорилъ онъ, подлежатъ иногда человѣку: путь на судилище и путь въ загробную жизнь; благомыслящій человѣкъ скорѣе предпочтетъ послѣдній путь ¹⁾.

50. ДИМИТРІЙ ФАЛЕРЕЙСКІЙ.

Димитрій изъ Фалера родился около 345 г. до Р. Хр. Онъ былъ ученикомъ Теофраста и комика Менандра. Но въ то же время онъ былъ и превосходнымъ ораторомъ и замѣчательнымъ государственнымъ мужемъ. Одинъ изъ преемниковъ Александра Македонскаго, Кассандръ, возложилъ на Димитрія бремя управленія Аѳинскимъ государствомъ, и Димитрій велъ это управленіе съ такимъ искусствомъ, что благодарные Аѳиняне поставили ему многія статуи. Послѣ десятилѣтняго управленія Аѳинами (317—307), Димитрій Фалерейскій однако-же долженъ былъ бѣжать изъ Аѳинъ отъ Димитрія Поліоркета, завоевавшаго Аѳины и легкомысленные Аѳиняне допустили даже объявленіе смертнаго приговора противъ него. Пробывъ короткое время въ Эивахъ, онъ удалился въ Александрію къ Птоломею Лаги, былъ долгое время совѣтникомъ его и его сына, Птоломея Филадельфа и умеръ въ ссылкѣ, какъ говорятъ, отъ укушенія ядовитой змѣи въ 283 г. до Р. Хр. Изъ многочисленныхъ сочиненій Димитрія до насъ остались одни лишь заглавія но за то сохранились нѣкоторыя его изреченія, которыя мы и приводимъ.

Услыхавъ, что Аѳиняне ниспровергли поставленныя ему раньше статуи, Димитрій сказалъ: но добродѣтель, ради которой воздвигнуты были эти статуи, они не ниспровергли.

Онъ-же говорилъ: малая часть тѣла—бровь, но можетъ всю жизнь омрачить.

Не только богатство, говорилъ онъ, слѣпо, но слѣпа и судьба, дающая богатство.

¹⁾ Stobei, Florilegium, pagg. 55. 70. 104. 145. 147. 157. 190. 238. 314. 315. 353. 500. 603. 206. 221. 30. 169. 168. 201. 146. 303.

Сколько на войнѣ имѣеть силы желѣзо, столько-же въ гражданскомъ управленіи—слово.

Увидѣвъ однажды распутнаго юношу, Димитрій сказалъ: вотъ четырехугольная статуя Эрмія, имѣющая одежду длинную, чрево, половыя части и бороду.

У людей напыщенныхъ, говорилъ онъ, высоту должно ограничивать и уничтожать, а духъ оставлять цѣлымъ.

Юноши, говорилъ онъ, дома должны оказывать уваженіе родителямъ, на дорогахъ—встрѣчающимся, въ пустыняхъ-же—себѣ самимъ.

Друзья при счастливыхъ обстоятельствахъ должны являться лишь по приглашенію, а въ несчастіяхъ—безъ приглашенія, сами по себѣ.

Было-бы неразуміемъ — не уступать необходимости въ жизни.

Димитрій Фал. совѣтовалъ царю Птоломею приобрѣтать книги, разсуждающія о царской власти и управленіи и читать эти книги; ибо, говорилъ онъ, чего не осмѣливаются совѣтовать царямъ друзья, то написано бываетъ въ книгахъ.

Онъ-же совѣтовалъ относительно цѣломудрія въ супружеской жизни держаться слѣдующаго стиха Гомера:

— „Супруги“

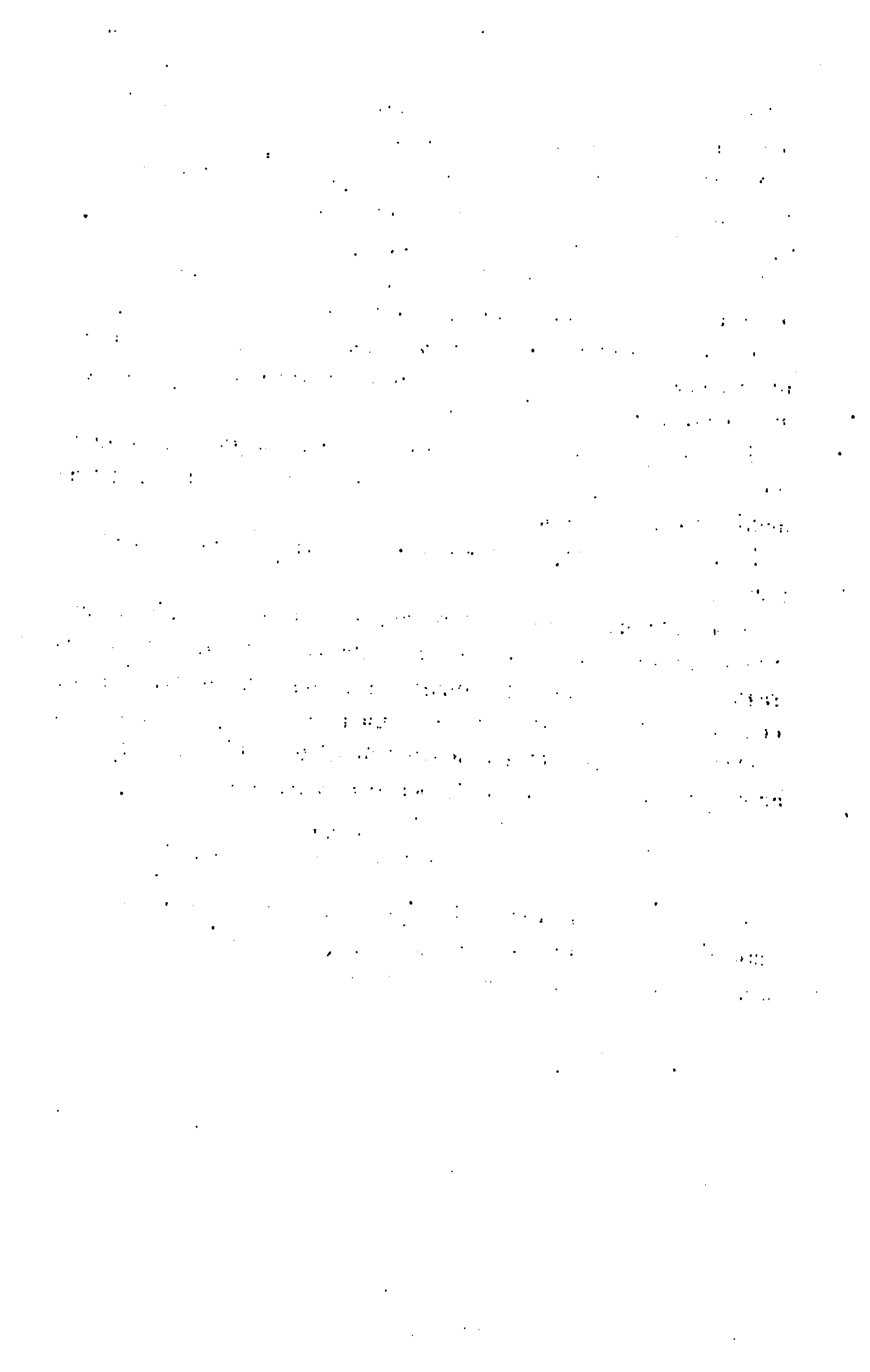
„Старымъ обычаемъ вмѣстѣ пошли на покойное ложе“ ¹⁾.

Спрошенный о томъ, что дурного вытекаетъ для лжецовъ изъ ихъ лжи, Димитрій отвѣчалъ: то, что имъ не вѣрятъ, когда они говорятъ даже правду ²⁾.

И. Ж.

¹⁾ Одисс. 23, 295—296.

²⁾ Diog. L. V, 5, 10; Stob. Floril. pagg. 571. 327. 67. 140.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

30 Іюня № 12. 1887 года.

Содержаніе: Опредѣленія Святѣйшаго Синода. -- Разрядный списокъ воспитанниковъ Харьковской духовной семинаріи за 1886/, учебный годъ. -- Краткій отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища за тотъ-же годъ. -- Списокъ воспитанницъ Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища за тотъ-же годъ. -- Разрядный списокъ учениковъ Харьковскаго духовнаго училища за тотъ-же годъ. -- Разрядный списокъ учениковъ Ахтырскаго духовнаго училища за тотъ-же годъ. -- Разрядный списокъ учениковъ Кулянскаго духовнаго училища за тотъ-же годъ. -- Епархіальныя извѣщенія. -- Отъ совѣта Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища. -- Извѣстія и замѣтки. -- Объявленія.

Опредѣленія Святѣйшаго Синода.

1. Отъ 22 мая—3 іюня 1887 года, за № 1001, о правѣ членовъ духовныхъ консисторій на пенсіи за учебную службу.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 15 мая сего года, за № 6570, въ коемъ изложено: Государственный Совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора о дарованіи членамъ духовныхъ консисторій права сохранять, сверхъ жалованья по этой должности, и пенсіи, выслуженныя по учебнымъ вѣдомствамъ, мнѣніемъ положилъ: въ дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить: „члены духовныхъ консисторій изъ лицъ, выслужившихъ пенсіи за учебную службу, получаютъ эти пенсіи сверхъ положеннаго имъ по упомянутой должности штатнаго содержанія“. Означенное мнѣніе Государственнаго Совѣта Высочайше утверждено 24 апрѣля сего 1887 г. Приказали: Объявленіемъ Высочайше утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта, для объявленія во всеобщее свѣдѣніе, сообщить редакціи „Церковнаго Вѣстника“, по принятому порядку.

II. Отъ 12 мая—3 іюня 1887 года, за № 880, по вопросамъ: на какой срокъ назначаются члены педагогическихъ собраній семинарскаго правленія изъ преподавателей, на какое время назначается членъ-преподаватель въ распорядительныя собранія и могутъ-ли быть членами послѣднихъ преподаватели, не состоящіе членами педагогическихъ собраній.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный г. синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 4 минувшаго мая, за № 428, журналъ Учебнаго Комитета, № 148-й, съ заключеніемъ Комитета, по возбужденнымъ правленіемъ одной духовной семинаріи вопросамъ: 1) на какой срокъ назначаются члены педагогическихъ собраній семинарскаго правленія — изъ преподавателей; 2) равнымъ образомъ на какое время назначается членъ-преподаватель въ распорядительныя собранія, и 3) могутъ-ли быть членами послѣднихъ преподаватели, не состоящіе членами педагогическихъ собраній? Приказали: По обсужденіи вышеизложенныхъ вопросовъ, Святѣйшій Синодъ, согласно заключенію Учебнаго Комитета, опредѣляетъ: разъяснить чрезъ „Церковный Вѣстникъ“ правленіямъ духовныхъ семинарій къ свѣдѣнію и руководству въ потребныхъ случаяхъ, что 1) по установившейся практикѣ и въ виду § 92 устава духовныхъ семинарій, по которому члены семинарскаго правленія отъ духовенства назначаются на три года, и члены изъ преподавателей должны быть назначаемы на такой-же срокъ, т. е. на три года какъ въ педагогическія, такъ и въ распорядительныя собранія правленія семинаріи; 2) такъ какъ уставъ духовныхъ семинарій не опредѣляетъ того, чтобы въ распорядительныя собранія назначаемы были только тѣ изъ преподавателей, которые состоятъ членами педагогическихъ собраній, и такъ какъ кругъ и характеръ дѣлъ, подлежащихъ распорядительнымъ собраніямъ семинарскаго правленія, различны по отношенію къ дѣламъ педагогическихъ собраній, то не усматривается препятствій къ назначенію членами распорядительныхъ собраній и такихъ преподавателей, которые не участвуютъ въ педагогическихъ собраніяхъ, но отличаются хозяйственными и административными способностями; для напечатанія настоящаго опредѣленія въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ передать въ редакцію онаго выписку изъ сего опредѣленія.

РАЗРЯДНОЙ СПИСОКЪ

воспитанниковъ Харьковской Духовной Семинаріи, составленный послѣ годовыхъ испытаній за 1886—87 учебный годъ.

VI-го класса окончившіе курсъ семинаріи. Разрядъ 1-й: 1. Поповъ Даниль, Ооинъ Петръ—за отличные успѣхи и поведеніе награждаются медалями. Поповъ Михайль, Посельскій Сергѣй. 5. Стеллецкій Петръ, Каплуновко Дмитрій, Бугуцкій Иванъ, Черняевъ Антонъ. Артемьевъ Стефанъ. 10. Петровъ Моисей.

Разрядъ 2-й: Грековъ Федоръ, Сапухияъ Иванъ, Пономаревъ Леонидъ, Навродскій Дмитрій. 15. Евецкій Яковъ, Бранловскій Иванъ, Крутьевъ Митрофанъ, Линицкій Владмиръ, Сушковъ Василій. 20. Колосовскій Иванъ, Поповъ Иванъ, Сукачевъ Василій, Гладковъ Зиновій, Бондыревъ Илья. 25. Трипольскій Поликарпъ, Любарскій Яковъ 1-й, Крохатскій Стефанъ, Торанскій Александръ, Федоровскій Андрей. 30. Касьявовъ Иванъ, Рогальскій Михайль, Дмитріевъ Сергѣй, Горбачевскій Федоръ, Любарскій Яковъ 2-й. 35. Навродскій Александръ, Рубинскій Николай, Котляревскій Иванъ.

Безъ причисленія ко 2-му разряду: 38. Лазаревскій Митрофанъ—впредь до сдачи имъ повторительнаго экзамена по нравственному богословію и гомилетикѣ и написанія двухъ сочиненій по симъ предметамъ.

V-го класса переводятся въ VI-й классъ:

Разрядъ 1-й: 1. Раевскій Иванъ, Мураховскій Стефанъ—награждаются книгами. Чебановъ Григорій, Слюсаревъ Дмитрій. 5. Соколовскій Дмитрій, Введенскій Иванъ, Никулищевъ Егоръ, Ковалевъ Михайль, Соколовъ Николай.

Разрядъ 2-й: 10. Протопоновъ Стефанъ, Перцевъ Сергѣй, Клечновъ Михайль, Говчаревскій Аполлопъ, Любарскій Алексѣй. 15. Сивеоконъ Петръ, Самойловъ Павелъ, Пономаревъ Иванъ, Поповъ Владиміръ, Кузнецовъ Григорій. 20. Никулищевъ Николай, Пестряковъ Поликарпъ, Рокитянскій Иванъ, Клементьевъ Тихонъ, Орловъ Михайль. 25. Яковлевъ Александръ, Юшковъ Михайль, Чижевскій Лука, Вертеловскій Павелъ, Кирилловъ Александръ.

Допускается къ экзамену послѣ каникулъ:

Александровъ Григорій—по общей церковной исторіи, практическому руководству для пастырей и греческому языку.

IV-го класса переводятся въ V-й классъ:

Разрядъ 1-й: 1. Мухинъ Николай, Соколовскій Василій, Приходьковъ Арсеній, Щепинскій Александръ. 5. Васильковскій Михайль.

Разрядъ 2-й: Быковъ Адрианъ, Стаховскій Алексѣй, Кибальниковъ Константинъ, Панкратьевъ Федоръ. 10. Лобковскій Иванъ, Навродскій Алексѣй, Арефьевъ Николай, Гораниъ Иванъ, Кибальниковъ Федоръ. 15. Василевскій Иванъ, Котляревскій Михайль, Смирнскій Александръ, Мухинъ Федоръ, Панкратьевъ Евменій. 20. Полянскій Никифоръ, Смирновъ Михайль.

Допускаются къ переэкзаменовкѣ послѣ каникулъ:

Артюховскій Алексѣй—по гомилетикѣ. Яновскій Александръ—по латин-

скому языку. Ильинскій Павелъ — къ написанію экзаменнаго русскаго сочиненія.

Допускаются къ экзамену по всѣмъ предметамъ послѣ каникулъ:

25. Горбуновъ Василій, Лащенко Ѳедоръ.

Оставляются въ томъ-же классѣ по неудовлетворительности сочиненій:

Евониновъ Викторъ, Мощенковъ Александръ, Сукачевъ Василій.

Увольняется изъ семинаріи по малоуспѣшности:

30. Бѣликовъ Аристархъ.

III-го нормальнаго класса переводятся въ IV-й классъ:

Разрядъ 1-й: 1. Ястремскій Василій — награждается книгою, Лисенко Яковъ.

Разрядъ 2-й: Григоренко Михаилъ, Ситенко Василій, 5. Заводовскій Ѳедоръ, Ткаченко Филиппъ, Ѳедоровъ Константинъ, Ѳомиинъ Паволь, Молчановъ Ѳедоръ 10. Веселовскій Николай, Клементьевъ Сергѣй, Королевъ Игнатій, Найдовскій Яковъ, Фесенко Владиміръ. 15. Даневскій Яковъ, Макухинъ Сергѣй, Черняевъ Павелъ, Илларионовъ Ксенофонтъ.

Допускаются къ переэкзаменовкѣ послѣ каникулъ:

Войтовъ Михаилъ. 20. Крыжановскій Василій, Стахевичъ Яковъ — по логикѣ Смирнскій Виссаріонъ, Чиркинъ Стефанъ — по математикѣ. Титовъ Владиміръ, Чудновскій Василій — по греческому языку. Давидовскій Алексѣй — по гражданской исторіи. Рогальскій Василій — по математикѣ и по латинскому письменному упражненію.

Допускается къ экзамену по всѣмъ предметамъ послѣ каникулъ:

Эвенховъ Иванъ.

Оставляются въ томъ-же классѣ:

Слюсаревъ Илья — по болѣзни. 30. Мухинъ Андрей — по неудовлетворительности сочиненій, для усовершенствованія въ писаніи оныхъ.

III-го параллельнаго класса переводятся въ IV-й классъ:

Разрядъ 1-й: 1. Малиженовскій Николай.

Разрядъ 2-й: Сукачевъ Василій, Капустинъ Николай, Быковъ Антоній. 5. Субботинъ Александръ, Мещеряковъ Стефанъ, Ѳаворовъ Николай, Торанскій Георгій, Поповъ Георгій. 10. Ѳеденко Ѳеоктистъ, Щепинскій Николай, Агнивцевъ Евлампій, Загурскій Веніаминъ, Загурскій Владиміръ. 15. Бѣликовъ Петръ, Ильинскій Иванъ, Бутковскій Стефанъ, Титовъ Петръ, Черняевъ Елеазаръ 20. Посельскій Порфирій, Ястремскій Николай, Калюжный Николай, Щербина Митрофанъ, Ветуховъ Михаилъ.

Допускаются къ переэкзаменовкѣ послѣ каникулъ:

20. Петровскій Иванъ, Фальченко Михаилъ, Филевскій Евсигней, Щербина Тимоѳей — по исторіи русской литературы. Навродскій Петръ — по логикѣ. 30. Дзюбановъ Николай — по греческому письменному упражненію. Шебатинскій Яковъ — по исторіи русской литературы и логикѣ.

Оставляется въ томъ-же классѣ по болѣзни:

Вышемирскій Павелъ.

Увольняется изъ семинаріи по прошенію:

33. Гревизирскій Стефанъ.

II-го нормального класса переводятся въ III-й классъ:

Разрядъ 1-й: 1. Шепелевскій Егоръ награждается книгою, Никольскій Иванъ, Жадановскій Антонинъ.

Разрядъ 2-й: Гончаровъ Николай, 5. Недригайловъ Александръ, Гогинъ Михаилъ, Косьминъ Сергѣй, Матвѣевъ Дмитрій, Торанскій Митрофанъ. 10. Сулима Ѳеодоръ, Яновскій Петръ, Черняевъ Петръ, Ждановъ Григорій, Будянский Павелъ.

Допускаются къ переекзаменовкѣ послѣ каникулъ:

15. Лазаревскій Сергѣй—по библейской исторіи, Торанскій Никаноръ—по гражданской исторіи, Дьяковъ Константинъ—по математикѣ, Мураховскій Ѳеодоръ, Чудновскій Семень—по греческому языку. 20. Ѳеодоровскій Ѳома—по латинскому письменному упражненію, Полтавцевъ Петръ—по математикѣ и латинскому письменному упражненію. Чудновскій Александръ—по исторіи русской литературы и гражданской исторіи.

Оставляются въ томъ-же классѣ:

Линицкій Леонидъ, Кузьминъ Ѳеодоръ. 25. Слѣпцовъ Ефремъ, Ястремскій Василій—по крайней слабости въ сочиненіяхъ, для усовершенствованія въ писаніи оныхъ.

Увольняется изъ Семинаріи по малоуспѣшности:

27. Пономаревъ Петръ.

II-го параллельнаго класса переводятся въ III-й классъ:

Разрядъ 1-й: 1. Пономаревъ Захарій—награждается книгою, Уманцевъ Гавріилъ, Прядкинъ Леонидъ, Якубовичъ Лука.

Разрядъ 2-й: 5. Евецкій Ѳеодоръ, Клементьевъ Андрей, Подольскій Семень, Курганскій Иванъ, Тимоеевъ Ѳеодоръ. 10. Эннатскій Василій, Ковалевъ Александръ, Дюковъ Алексѣй.

Допускаются къ переекзаменовкѣ послѣ каникулъ:

Лобковскій Николай, Склабинскій Петръ—по исторіи русской литературы. 15. Золотаревъ Андрей—по латинскому языку, Анисимовъ Олимпъ, Тимоеевъ Петръ—по латинскому письменному упражненію, Вугуцкій Валентинъ—по исторіи русской литературы и латинскому письменному упражненію, Яковлевъ Павелъ—по исторіи русской литературы и гражданской исторіи. 20. Крутьевъ Егоръ—по математикѣ и къ написанію двухъ сочиненій по свящ. писанію и по исторіи русской литературы, Макаровскій Гавріилъ—къ написанію двухъ сочиненій по тѣмъ-же предметамъ.

Допускаются къ экзамену послѣ каникулъ:

Татариновъ Василій—по всѣмъ предметамъ, Поповъ Николай—по свящ. писанію, библейской исторіи и греческому языку.

Оставляется въ томъ-же классѣ:

Щелкуновъ Андрей—по крайней слабости въ сочиненіяхъ, для усовершенствованія въ писаніи оныхъ.

Увольняется изъ Семинаріи по малоуспѣшности:

25. Александровъ Ѳеодотъ.

1-го нормального класса переводятся во II-й классъ:

Разрядъ 1-й: 1. Бѣлогорскій Николай, Давиденко Василій—награждаются книгами, Уманцевъ Сергѣй, Николаенко Григорій.

Разрядъ 2-й: 5. Курдюмовъ Михайль, Бѣлоусовъ Василій, Могилянскій Михайль, Владыковъ Павелъ, Лобковскій Александръ. 10. Антоновичъ Константинъ, Курдюмовъ Николай, Труфановъ Василій, Яновскій Николай, Жуковъ Даниль. 15. Добрецкій Андрей, Рубинскій Иванъ.

Допускаются къ переекзаменовкѣ послѣ каникулъ:

Кутеповъ Платонъ, Христіановскій Ѳедоръ—по греческому языку, Уманцевъ Адрианъ—по латинскому языку. 20. Власовъ Василій, Поповъ Александръ—по латвнскому письменному упражненію, Червонецкій Александръ—по словесности съ написаніемъ русскаго экзаменнаго сочиненія, Захарьевъ Иванъ—къ написанію русскаго экзаменнаго сочиненія.

Допускается къ экзамену по всѣмъ предметамъ послѣ каникулъ:

Котляровъ Алексѣй.

Оставляются въ томъ-же классѣ по малоуспѣшности:

25. Пересыпкинъ Павелъ, Проскурниковъ Андрей, Энеидовъ Михайль, Ѳедюшинъ Николай.

Увольняется изъ Семинаріи по прошенію:

29. Толмачевъ Василій.

1-го параллельнаго класса переводятся во II-й классъ:

Разрядъ 1-й: 1. Дюковъ Афанасій, Курасовскій Сергѣй, Головковъ Георгій.

Разрядъ 2-й: Фесенко Митрофанъ. 5. Поповъ Александръ, Мухинъ Василій, Чаговцовъ Стефанъ, Ковалевъ Петръ, Васютинъ Іосифъ. 10. Петровъ Яковъ, Ѳедоровъ Парфеній, Ѳедоровскій Маркіанъ, Чугаевъ Сергѣй, Бѣлоусовъ Анатолій. 15. Петрусенко Василій, Ѳоминъ Иванъ, Власовскій Петръ, Бочаровъ Павелъ.

Допускаются къ переекзаменовкѣ послѣ каникулъ:

Войтовъ Ѳедоръ. 20. Прокофьевъ Дмитрій—по словесности, Толмачевъ Иванъ—по словесности и греческому языку.

Оставляются въ томъ-же классѣ по малоуспѣшности:

Арбузовъ Василій, Жилинъ Иванъ, Мартыновъ Яковъ. 25. Родіоновъ Іосифъ, Чиркинъ Василій, Ладенко Пантелеимонъ—послѣдній по крайней слабости въ сочиненіяхъ.

Увольняется изъ Семинаріи по малоуспѣшности:

28. Ковалевъ Анатолій.

КРАТКІЙ ОТЧЕТЪ

о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища за 188^{6/7} учебный годъ.

1. Въ 188^{6/7} году Совѣтъ училища составляли: а) предсѣдатель Совѣта, магистръ богословія, священникъ Тимофей Буткевичъ, б) начальница

училища, окончившая курсъ въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, дворянка дѣвица Евгенія Николаевна Гейцыгъ, в) Инспекторъ классовъ, кандидатъ богословія, священникъ Никандръ Овиевичъ, г) члены Совѣта отъ духовенства священникъ Панкратій Ивановъ и священникъ Николай Мощенковъ, д) почетный блюститель по хозяйственной части училища Николай Александровичъ Чикинъ и попечительница училища Александра Васильевна Гордѣенкова.

2. Въ отчетномъ году въ училищѣ было 6 нормальныхъ классовъ, 1 подготовительный и одна педагогическая школа.

3. Учебный персоналъ состоялъ изъ 12 преподавателей, 11 учительницъ, 7 воспитательницъ, 7 пепицъ и одной надзирательницы педагогической школы.

4. Къ началу 1886/7 учебного года въ училищѣ числилось 244 воспитанницы.

Въ августѣ 1886 года въ два отдѣленія 1-го класса принято вновь 85 дѣвицъ.

Во исполненіе опредѣленія Св. Синода, отъ 30 іюля—12 августа 1886 года, циркулярно объявленнаго въ 35 № „Церковнаго Вѣстника“ 30-го того-же августа, по предложенію Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, Совѣтомъ училища 5 сентября того-же года изъ двухъ отдѣленій 1-го класса лучшія по подготовкѣ дѣвицы, въ числѣ 45, оставлены въ I-мъ классѣ, а изъ остальныхъ 47 образованъ подготовительный классъ.

По резолюціи Его Высокопреосвященства переведена 1 воспитанница изъ подготовительнаго класса въ I классъ.

Вслѣдствіе этого состояло:

Въ пригот. классѣ	46	воспитанницъ.
„ I	46	„
„ II	51	„
„ III	50	„
„ IV	53	„
„ V	38	„
и въ VI	45	„
Всего . . .	329	„

5. Въ теченіи 1886/7 учебного года были приняты въ училище въ подготовительный классъ 7 воспитанницъ, въ другіе-же классы пріема не было.

Въ отчетный учебный годъ выбыло изъ училища 8 воспитанницъ, а именно:

Изъ пригот. класса	3	воспитанницъ.
„ I	1	„
„ II	1	„
„ IV	1	„
и „ V	2	„

6. Къ началу годовыхъ испытаній въ училищѣ числилось:

Въ пригот. классѣ	50	воспитанницъ.
„ I	45	„
„ II	50	„
„ III	50	„

	Въ	IV	классъ	52	воспитанницы.
	"	V	"	36	"
и	"	VI	"	45	"
				<hr/>	
	Всего . . .			328	"

7. Послѣ годичныхъ испытаній, произведенныхъ въ маѣ и юнѣ мѣсяцахъ настоящаго года, по постановленію училищнаго педагогическаго Совѣта, отъ 26 мая и 4 юня н. г.

А. Удостоены перевода въ слѣдующіе классы:

- Изъ пригот. въ I классъ 39 воспит. (изъ нихъ въ 1 разрядѣ 21).
 " 1-го во II классъ 37 воспитан. (изъ нихъ въ 1 разрядѣ 18).
 " II въ III классъ 38 воспитан. (изъ нихъ въ 1 разрядѣ 16).
 " III въ IV классъ 41 воспитан. (изъ нихъ въ 1 разрядѣ 17).
 " IV въ V классъ 31 воспитанница (изъ нихъ въ 1 разрядѣ 10).
 " V въ VI классъ 17 воспитанницъ (изъ нихъ въ 1 разрядѣ 10).

Въ VI классѣ окончили полный курсъ училищнаго образованія 44 воспитанницы, которымъ, на основаніи § 111 устава епархіальныхъ женскихъ училищъ, выдаются аттестаты съ званіемъ домашнихъ учительницъ.

б) Оставлено въ тѣхъ-же классахъ на повторительный курсъ—по малоуспѣшности, малоразвитости и болѣзни.

	Въ пригот. классъ	2	воспитанницы.
	" I	2	"
	" II	3	"
	" III	6	"
	" IV	9	"
и	" V	7	"

в) Воспитанницамъ, не окончившимъ экзаменовъ и не державшимъ таковыхъ вовсе—по болѣзни и другимъ уважительнымъ причинамъ, дозволено подвергнуться переводному испытанію послѣ каникулъ въ августѣ мѣсяцѣ.

	Въ пригот. классъ	9	воспитанницамъ.
	" I	6	"
	" II	9	"
	" III	3	"
	" IV	12	"
	" V	11	"
	" VI	1	"

8. Изъ числа переведенныхъ изъ младшихъ въ старшіе классы и окончившихъ курсъ воспитанницъ, за отличные успѣхи и благодѣланіе, по опредѣленію Совѣта, удостоены награжденія похвальными листами и книгами.

	Въ пригот. классъ	7	воспитанницъ.
	" I	4	"
	" II	5	"
	" III	1	"
	" IV	3	"
	" VI	3	"

и 9. Состоящую при училищѣ педагогическую школу для практическихъ занятій воспитанницъ 6-го класса посѣщали постоянно приходящіе мальчики и дѣвочки въ числѣ отъ 20 до 25 человекъ.

СПИСОКЪ

воспитанницъ Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго училища, которыя за отличные успѣхи и отличное благоправіе, по опредѣленію педагогическаго Совѣта, награждаются похвальными листами.

Іюня 7 дня 1887 года.

Примот. класса.

1. Оедеикова Евфросинія, Северинова Софья, Капустянская Анастасія, Оеодорова 1-я Вѣра (Васильева), 5. Сапухина Александра, Оглоблива Анна, Пономарева 1-я Анна (Полик.)

I класса.

Шиплова 2-я Дарія, Энеидова Александра, Попова 3-я Евдокія, Попова 1-я Лидія (Ник.)

II класса.

1. Сапухина Евдокія, Васильковская Анастасія, Дзюбанова Александра, Энеидова Клавдія, 5. Павлова 1-я Анна.

III класса.

Мухина Евгенія.

IV класса.

Штровальдъ Пелагія, Любарская Елена, Ракшевская Марія.

СПИСОКЪ

воспитанницъ VI класса Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища окончившихъ курсъ и получающихъ аттестаты съ правами на званіе домашнихъ учительницъ, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ за отличные успѣхи и благоправіе награждаются книгами.

Іюня 7 дня 1887 года.

1. Алѣйникова Антонина, Артемьева Александра, Базилевичъ Викторія, Бобина Наталія, 5. Вутковская Марія, Васильковская Акилія, Веселовская Оеодосія, Ведринская Софія, Воробьева Варвара, 10. Владыкова Александра, Власова Софья, Губская Марія, Гумилевская Екатерина, Геновская Марія, 15. Жданова Марія, Збукарева Инна, Иннокова Анна, Кремповская Марія, Максимова Елена, 20. Менде Софія, Мухина Ксенія — награжд. книгою, Навродская Лидія, Павлова 1-я Анна, Павлова 2-я Марія, 25. Панкратьева Софія, Попова 1-я Евгенія, Попова 2-я Ольга, Пономарева Елисавета, Рокитянская Надежда, 30. Согина Надежда — награжд. книгою. Солнцева Марія, Сулова Александра, Слатина Елена, Степурская Надежда на-

гражд. книгою, 35. Тимонова Анимайса, Хижнякова Марія, Червяева Александра, Чугаева Елева, Шицлова Аполливарія, 40. Юрченко Александра, Ястремская Людмила, Яновская Марія, Ѳедоровская 1-я Олимпіада, Ѳедоровская 2-я Ольга.

Примѣчаніе. Аттестаты тринадцати сиротъ — окончившихъ курсъ Совѣтомъ училища имѣютъ быть обмѣнены на свидѣтельства, выдаваемые изъ канцеляріи г. Попечителя учебнаго округа. съ покрытіемъ всѣхъ расходовъ по сему предмету изъ сбереженій по канцеляріи Совѣта.

С П И С О К Ъ

воспитанницъ приготовительнаго, 1, 2, 3, 4 и 5-го классовъ Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища, составленный послѣ годичныхъ испытаній за 188⁶/₇ учебный годъ.

П р и г о т о в и т . к л а с с а .

а) Удостоены перевода въ I классъ.

1. Базилевичъ Антонина, Быковцева Мелетина, Вѣликова Антонина, Богословская Маріонилла, 5. Владыкова Клавдія, Виноградская Мавра, Грвгоревичъ Антонина, Дюкова Анна, Ермолаева Александра, 10. Ерофалова Надежда, Жукова Пелагея, Завадовская Евдокія, Измайлова Марія, Капустянская 1-я Анна, 15. Капустянская 2-я Анастасія награжд. похв. листомъ, Климентова Марія. Краснокутская Антонина, Кузнецова Елена, Насѣдкина 1-я Надежда, 20. Насѣдкина 2-я Евгенія, Оглоблина Анна награжд. похв. листомъ, Оптовцева Любовь, Павлова Марія, Пономарева 1-я Анна (Полик.) награжд. похв. листомъ, 25. Пономарева 2 я Анна (Иван.), Попова 1-я Евгенія, Попова 3-я Евдокія, Проскурникова Елисавета, Рокитянская Домникія, 30. Сапухина Александра награжд. похв. листомъ Северинова Софья награжд. похв. листомъ, Титова Евдокія, Торанская 1-я Варвара, Торанская 2-я Лидія, 35. Татарина Елена, Ястремская Серафима, Ѳеденко Евфросинія награжд. похв. листомъ, Ѳедорова 1-я Вѣра (Васильев.), награжд. похв. листомъ, Ѳедорова 2-я Вѣра (Георг.).

б) Будутъ переведены въ I-й классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ:

40. Пуковская Анастасія и Сергіевская Марія— по ариметикѣ, Крыжановская Елена— по Закону Божію, Попова 2-я Іульванія— по русск. языку, Кутепова Анастасія, 45. Ѳедоровская Екатерина по церковн. пѣнію, Васильковская Надежда, Любицкая Марія— по русск. языку и ариметикѣ, Романова Валентина— по Зак. Божію, русск. языку и аримет.; послѣднія три воспитанницы, если не выдержатъ удовлетворительно экзамена послѣ каникулъ то будутъ уволены совсѣмъ изъ училища.

в) Остаются въ приготовительномъ классѣ на повторительный курсъ по малоразвитости и малоуспѣшности:

Березовская Марія 50. и Грекова Іульванія.

I к л а с с а.

а) Удостоены перевода во II классъ.

1. Богданова Ольга, Василевская Екатерина, Васютина Дарія, Ведринская Александра, 5. Воскобойникова Марія, Дейнеховская Елисавета, Жукова Анна, Жданова Варвара, Иннокова Елена, 10. Котлярова Анна, Крутьева Екатерина, Крыжановская Антонина, Курасовская Анна, Линицкая Софья, 15. Литкевичъ Анна, Люминарская Елена, Матвѣева Александра, Носова 1-я Марія, Носова 2-я Антонина, 20. Попова 1-я Лидія (Ник.) награжд. похв. листомъ, Попова 2-я Ольга, Попова 3-я Евдокія награжд. похв. листомъ, Попова 4-я Лидія (Георгиев.), Рубинская Антонина, 25. Склярова Глафира, Твердохлѣбова Софья, Трегубова Марія, Троянова Екатерина, Уманцева Елена, 30. Хижнякова Надежда, Чернявская Александра, Чугаева Ольга, Шишлова 1-я Антонина, Шишлова 2-я Дарія награжд. похв. листомъ, 35. Энеидова Александра награжд. похв. листомъ, Эвенкова Евдокія, Якубовичъ Анна.

б) Будутъ переведены во II классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ.

Дейнеховская 2-я Антонина, Федоровская Марія, 40. Важеннова Софья, Санухина Софья, Толмачева Наталья по русск. языку, Ястрежская Екатерина по русск. языку и арифметикѣ, но съ тѣмъ, что если не выдержитъ удовлетворительно экзамена послѣ каникулъ, то будетъ уволена совѣщанъ изъ училища.

в) Оставляются въ I классъ на повторительный курсъ по малоразвитости и малолетности.

Вышемирская Анастасія 45 и Стефановская Варвара.

II к л а с с а.

а) Удостоены перевода въ III классъ.

1. Арефьева Надежда, Васильковская Анастасія, награжд. похвальн. листомъ, Власова Александра, Грабовская Дарія; 5. Дзюбанова Александра, награжд. похвальн. листомъ, Капустянская Александра, Клементьева Екатерина, Котляревская Антонина, Красовская Таясія; 10. Краснокутская Елена, Кошлакова Надежда, Кустовская Ольга, Ладенкова Анна, Ланкарева Валентина; 15. Лукашева Ольга, Макухина Капитолина, Макаровская Екатерина, Набокова Александра, Павлова 1-я Анна, награжд. похвальн. листомъ; 20. Павлова 2-я Несвилла, Петрова Александра, Полтавцева Елисавета, Пономарева Анисія, Попова Елисавета; 25. Раевская Александра, Сапухина Евдокія, награжд. похвальн. листомъ, Сильванская Марія, Степурская Валентина, Татаринова Анастасія; 30. Твердохлѣбова Неонилла, Торанская 1-я Пелагія, Торанская 2-я Наталія, Труфанова Серафима, Черняева Евдокія; 35. Энеидова Клавдія, награжд. похвальнымъ листомъ, Юшкова Надежда, Яновская Наталія, Федорова Раиса.

б) Будутъ переведены въ 3-й классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ:

Березовская Антонива; 40. Щепинская Евдокія, Аксененкова Вѣра, Бѣлоусова Екатерина—по русскому языку. Жукова Александра, Жуковская Анна; 45. Козьмина Елена, Сукачева Анна, Сулима Евфрасія по арифметикѣ.

в) Оставляются во II классъ на повторительный курсъ по мало-развитости и малоуспѣшности

Будянская Неонила, Дьякова Анна, 50. Красина Анна.

III класса.

а) Удостоены перевода въ IV классъ.

1. Авдропова Марія, Алексѣевская Лидія, Артемьева Алвтина, Артюховская Екатерина; 5. Ветухова Анна, Грекова Марія, Грыздубова Галлина, Губская Вѣра, Дахвѣвская Ксенія; 10. Жданова Аполлинарія, Жукова Марія, Климентова Наталія, Косьмина Анна, Колѣйчикова Антонина; 15. Лашкарева Анна, Лѣсницкая Марія, Максимова Марія, Мартиновичъ Анастасія, Матвѣева Александра, 20. Мухина Евгенія, награжд. похвальн. листомъ, Можелевская Анна, Оглоблина Елена, Павлова Евгенія, Петрова Елисавета; 25. Погорѣлова Анастасія, Приходькова Антонина, Подольская Анастасія, Пономарева 1-я Серафима (Иван.), Пономарева 2-я Серафима (Андр.), 30. Рубинская Марія, Раздольская Анна, Северинова Анна, Ступницкая Надежда, Соколова Елена; 35. Станиславская Анна, Уманцева Софья, Чернявская Людмила, Шебатинская Ирина, Щепинская Марія, 40. Эллинская Марія, Юшкова Анастасія.

б) Будутъ переведены въ IV классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ:

Сильванская Марія, Краснопольская Екатерина по арифметикѣ, Будянская Любовь по русскому языку.

в) Оставляются въ III классъ на повторительный курсъ по малоуспѣшности и малоразвитости.

45. Агвивцева Анастасія, Колосовская 1-я Марія (Мих.), Червонецкая Александра, Вугуцкая Анастасія и Колосовская 2-я Марія (Иван.).

г) Оставляется въ томъ-же классъ на повторительный курсъ—по болѣзни:

50. Слюсарева Ольга.

IV класса.

а) Удостоены перевода въ V классъ.

1. Авксентьева Татіана, Агвивцева Антонина, Антонова Софья, Грыздубова Марія; 5. Жукова Марія, Измайлова Матрона, Иннокова Зинаида,

Киприанова Александра, Лобковская 2-я Анна; 10. Лукашева Антонина, Любарская Елена, награжд. похвальн. листомъ, Лядская Татьяна, Макаровская Анастасія, Мощенко 1-я Марія; 15. Павлова Анастасія, Пестрякова Анна, Пономарева Татьяна, Попова 1-я Целагія, Протопопова Антонина; 20. Ракшевская Марія, награжд. похвальн. листомъ, Соколовская 1-я Марія (Алекс.), Соколовская 2-я Марія (Вас.), Степурская Александра, Татаринова Анна; 25. Терпиловская Антонина, Титова Евгения, Толмачева Александра, Хижнякова Вѣра, Чернявская Ольга, 30. Штровальдъ Целагія, награжд. похвальн. листомъ, Яновская Юлія.

б) Будутъ переведены въ V классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ:

Бутковская Евгения, Корнильева Анна, Мухина Александра; 35. Попова 2-я Александра — по Закону Божію; Иосифова Ольга, Колосовская Ольга, Крыжановская Анна — по сочиненію; Малиженковская Анастасія — по арифметикѣ; 40. Селезнева Марія и Рудинская Серафима — по Закону Божію и сочиненію; Николаевская Александра — по Закону Божію, русскому языку и исторіи; послѣднія двѣ воспитанницы, если не выдержатъ удовлетворительно экзамена послѣ каникулъ, то будутъ уволены совсѣмъ изъ училища.

Жуковская Марія, какъ не державшая экзамена по церковному пѣнію, обязана выдержать таковой послѣ каникулъ.

в) Остаются въ IV классъ на повторительный курсъ по мало-развитости и малоуспѣшности:

Савенко Евдокія; 45. Крохатская Евфросинія, Подольская Елена, Брайловская Марія, Ливицкая Неонилла, Лобковская 1-я Александра; 50. Мощенко 2-я Анна, Сабина Софья и Тимофѣева Марія.

V классъ.

а) Удостоены перевода въ VI классъ:

1. Алексѣевская Варвара, Бойкова Анастасія, Буханцова Наталья, Дзюбанова Марія; 5. Кувичинская Лидія, Мартиновичъ Елисавета, Максимова Лидія, Молчанова Анна, Новопольская Ларисса; 10. Пуковская Елисавета, Рождественская Антонина, Романова Зинаида, Соколова Марія, Сукачева Павла; 15. Хижнякова Александра, Швшлова Евгения. Ястремская Елисавета.

б) Будутъ переведены въ VI классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ:

Насѣдкина Антонина — по исторіи, Измайлова Анна — по теоріи словесности; 20. Власова Серафима, Григоревская Клавдія, Дейнеховская Александра, Жданова Татьяна, Краснокутская Анна; 25. Могилянская Евгения, Оружинская Екатерина, Пестриченко Вѣра, — по сочиненію, Протопопова Павла — по исторіи и геометріи, но съ тѣмъ, что если не выдержитъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ, то будетъ уволена совсѣмъ изъ училища.

в) Оставляются въ V классъ на повторительный курсъ по мало-развитости и малоуспѣшности:

Василевская Александра; 30. Крутьева Наталія, Шолянская Антонина, Никитская Лидія, Сергіевская Марія, Дикарева Анна; 35. Троянова Марія.

г) Увольняется изъ училища по болѣзни:

Коханова Анна.

РАЗРЯДНЫЙ СПИСОКЪ

учениковъ Харьковскаго духовнаго училища за 188^{6/7} учебный годъ.

IV кл.

Разрядъ первый: 1. Дьяковъ Александръ—награждается книгою, Никаноровъ Иоасафъ, Воскобойниковъ Михайлъ, Вербицкій Астіонъ, 5. Соколовскій Василій, Дейнеховскій Феофанъ, Копьевъ Павелъ; *Разрядъ второй:* Селезневъ Пареевій, Степурскій Павелъ, 10. Пипенко Александръ, Посельскій Василій, Пономаревъ Викторъ, Баженовъ Михайлъ, Македонскій Владиміръ, 15. Дикаревъ Иванъ, Бондаревъ Иванъ, Захарьевъ Александръ, Павловъ Антоній, Гагаринъ Сергій. Всѣ эти девятнадцать учениковъ признаются окончившими полный курсъ ученія въ духовномъ училищѣ съ правомъ поступленія въ первый классъ духовной семинаріи, 20. Татариновъ Иванъ, Будянский Теодоръ, Брайловскій Теодоръ, Твердохлѣбовъ Владиміръ. *Разрядъ третій:* Бутковскій Теодоръ, 25. Краснокутскій Анатолій, Сукачевъ Иванъ, эти семь учениковъ не признаются достойными перевода въ первый классъ семинаріи, но, согласно § 87 уст. дух. учил., получаютъ свидѣтельства объ окончаніи полного курса ученія въ духовномъ училищѣ; Крыжановскій Петръ, Подлущкій Иванъ—эти два ученика остаются въ IV классѣ на повторительный курсъ; изъ нихъ Крыжановскій—по болѣзни, а Подлущкій согласно прошенію отца, 29. Пономаревъ Митрофанъ, какъ не бывшій въ училищѣ въ апрѣлѣ, маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ и не державшій экзамена, на основаніи опредѣленія св. Синода 20 октября — 5 ноября 1876 года, увольняется изъ училища и получаетъ свидѣтельство безъ преимуществъ, присвоенныхъ окончившимъ полный курсъ ученія въ духовномъ училищѣ § 124. Высочайше утвержденнаго 22 августа 1884 года устава духовныхъ училищъ.

III кл.

Разрядъ первый: 1. Вербицкій Александръ, Василевскій Николай, Ковалевъ Петръ, Оружянскій Леонидъ, 5. Булдовскій Венедиктъ, Насѣдкинъ Михайлъ, Богославскій Евгений, Рубинскій Тихонъ, Жадановскій Александръ, 10. Иванцкій Григорій. *Разрядъ второй:* Будянский Теодоръ, Мухинъ Автоній, Ильченко Борисъ, Домницкій Федоръ, 15. Дюковъ Ириней, Корнильевъ Димитрій, Корнильевъ Иванъ, Даниловъ Павелъ, Бортниковъ Петръ, 20. Алексѣевскій Анатолій, Бугуцкій Іакинъ, Ильинскій Иванъ, Оаворовъ Михайлъ,—эти двадцать три ученика признаются достойными перевода въ

четвертый классъ; Дейнеховскій Ипполитъ, Пономаревъ Василій, 25. Григоревичъ Михайль, Приходьковъ Николай, Рубинскій Андрей, Македонскій Василій, Дюковъ Афанасій, 30. Поповъ Андрей, Краснокутскій Евгений, Вышемирскій Иванъ, Николаевскій Михайль. *Разрядъ третій:* Максимовъ Александръ, 35. Власовскій Павелъ, Теряевъ Николай, Кобыляцкій Василій—эти пятнадцать учениковъ могутъ быть также переведены въ IV классъ, если передержать экзаменъ: Дейнеховскій, Пономаревъ, Григоревичъ и Приходьковъ—по русскимъ письменнымъ упражненіямъ, Македонскій, Дюковъ, Поповъ, Краснокутскій и Рубинскій—по латинскому языку, Вышемирскій и Николаевскій—по ариметикѣ; Максимовъ и Власовскій—по русскому языку и письменнымъ упражненіямъ, Теряевъ—по русскому и латинскому языкамъ и Кобыляцкій—по латинскому языку и русскимъ письменнымъ упражненіямъ; Поповъ Иванъ, Мартыновъ Михайль, 40. Поповъ Александръ—эти три ученика оставляются на повторительный курсъ за малоуспѣшность.

II кл.

Разрядъ первый: 1. Иваницкій Дмитрій, Ястрежскій Александръ—эти два ученика награждаются книгами, Насѣдкинъ Яковъ, Вугуцкій Поликарпъ, 5. Полницкій Владиміръ, Поповъ Григорій. *Разрядъ второй:* Евсимова Иванъ, Зубаревъ Василій, Дюковъ Гавриль, 10. Закряцкій Иванъ, Щепинскій Александръ, Мухинъ Василій, Ковалевскій Николай, Измайловъ Владиміръ, 15. Петянь Константинъ, Поповъ Федоръ 1-й, Захарьевъ Павелъ, Павловскій Сергій, Бутковскій Иванъ, Рудневъ Михайль, Новиковъ Николай, Романовъ Леонидъ, Мищенко Яковъ, 25. Григоревичъ Георгій, Карпенковъ Николай,—эти двадцать шесть учениковъ признаются достойными перевода въ третій классъ; Корвильевъ Дмитрій, Широкий Григорій. *Разрядъ третій:* Рудневъ Дмитрій, 30. Фаворовъ Иванъ, Лобковскій Павелъ, Поповъ Феодоръ 2-й, Дюковъ Яковъ, Феодоровъ Сергій, Новицкій Иванъ—эти девять учениковъ также могутъ быть переведены въ третій классъ, если передержать экзаменъ: Корвильевъ и Широкий—по латинскому языку, Рудневъ, Фаворовъ и Лобковскій—по русскому языку и русскимъ письменнымъ упражненіямъ, Поповъ и Дюковъ—по ариметикѣ и русскимъ письменнымъ упражненіямъ. Феодоровъ—по русскому и латинскому языкамъ и Новицкій—по латинскому и греческому языкамъ; Отецъ Александръ. Ольховскій Сергій, Куницынъ Евгений, Татаринковъ Александръ, Чернивецкій Сергій, Поповъ Антоній, Стаховскій Николай, Соколовскій Михайль—эти восемь учениковъ оставляются на повторительный курсъ, изъ нихъ первые шесть за малоуспѣшность, а послѣдніе два по болѣзни, Андреенковъ Александръ, 45. Григоревичъ Василій, Андроновъ Гавриль, Браиловскій Симонъ,—эти четыре ученика увольняются изъ училища за безуспѣшность по малоспособности; Феоденко Валеріанъ увольняется изъ училища на основаніи журн. уч. ком. 1874 г. ст. 208, какъ оставшійся на повторительный курсъ въ предыдущемъ классѣ и не успѣвшій по малоспособности и во второмъ; Твердохлѣбовъ Харлампій увольняется изъ училища на основаніи опредѣленія Св. Синода 23 апрѣля—7 мая 1871 г., какъ пробывшій два года во второмъ классѣ и не успѣвшій по малоспособности.

I кл.

Разрядъ первый: 1. Кяпріановъ Петръ, Медвѣдевъ Василій, Любарскій Меодій—эти три ученика награждаются книгами, Пономаревъ, Сергій, Слѣпцовъ Афанасій, Чугаевъ Николай, Титовъ Александръ, Яновскій Николай, Зумбакъ Александръ, 10. Григоренковъ Григорій, Хоручъ Илья, Македонскій Иванъ, Шебатовскій Иванъ. *Разрядъ второй:* Власовскій Семенъ, 15. Чугаевъ Сергій, Онацкій Михаилъ, Кобыляцкій Александръ, Толмачевъ Иванъ, Измайловъ Николай, Вербицкій Дмитрій, Рубинскій Павелъ, Ольховскій Алексѣй, Сильванскій Михаилъ, Корнильевъ Георгій, 25. Созонтьевъ Андрей, Власовъ Евгений, Приходьковъ Константинъ, Слуцкій Михаилъ, Виноградскій Александръ, 30. Рудневъ Андрей, Поповъ Иванъ, Тораускій Михаилъ, Бойковъ Александръ—всѣ эти тридцать три ученика признаются достойными перевода во второй классъ; Носовъ Ниль. 35. Караваяевъ Матвѣй, Протопоповъ Захарій, Чернявскій Николай. *Разрядъ третій:* Никитскій Евгений, Корнильевъ Иванъ, 40. Любарскій Василій, Стеллецкій Іосифъ, Владыковъ Александръ, Протопоповъ Иванъ, Павловъ Владиміръ—эти одиннадцать учениковъ также могутъ быть переведены во второй классъ если передержать экзамень,—Носовъ, Караваяевъ и Протопоповъ Захарій—по церковно-славянскому языку, Чернявскій—по ариметикѣ, Никитскій—по русскому языку и письменнымъ упражненіямъ, Корвильевъ, Любарскій и Стеллецкій—по церковно-славянскому языку и письменнымъ упражненіямъ, Владыковъ и Протопоповъ Иванъ—по русскому и церковно-славянскому языку и Павловъ—по русскому, церковно-славянскому языку и письменнымъ упражненіямъ, 45. Агнивцевъ Романъ, Владыковъ Константинъ, Шокотовъ Григорій, Бобинъ Василій, Соболевъ Иванъ—эти пять учениковъ оставляются на повторительный курсъ, изъ нихъ первые три за малоуспѣшность по малолѣтству и недоразвитости, а послѣдніе два по болѣзни. 50. Кругьевъ Андрей, Карповъ Константинъ, Поповъ Георгій—эти три ученика увольняются изъ училища за безуспѣшность по малоспособности, Федоровскій Іосифъ, увольняется изъ училища, на основаніи журн. учеб. ком. 1874 г. стр. 208 и 209, какъ оставшійся на повторительный курсъ въ приготовительномъ классѣ и неуспѣвшій по малоспособности въ первомъ; Ковалевскій Викторъ увольняется изъ училища на основаніи опредѣленія св. Синода. 23 апрѣля—7 мая 1871 г., какъ не успѣвшій въ этомъ классѣ въ теченіе двухъ лѣтъ.

Приготов. кл.

Разрядъ первый: 1. Корнильевъ Василій—награждается книгой, Мураховскій Григорій, Закрицкій Іосифъ, Николаевскій Дмитрій, 5. Федоровъ Григорій, Нѣмчиновъ Тихонъ, Жадановскій Николай, Щербянинъ Владиміръ, Рубинскій Михаилъ, 10. Посельскій Андрей, Евѣимовъ Евгений. *Разрядъ второй:* Нестеровъ Василій, Протопоповъ Леонтій, Пономаревъ Николай, 15. Поповъ Григорій, Павловскій Макарій, Александровъ Иванъ, Заграфскій Іосифъ, Мураховскій Владиміръ, 20. Прядкинъ Василій, Владыковъ Сергій, Андреевъ Викторъ, Поповъ Дмитрій, Лагутинъ Александръ, 25. Рудинскій Тимоѣй, Степурскій Василій, Роменскій Іосифъ,

Бѣликовъ Николай, Бутковскій Алексѣй, 30. Дончевко Александръ, Корнильевъ Григорій, Петинъ Цетръ, Шебатинскій Сергій, Дахнѣвскій Николай, 35. Щепинскій Сергій, Насѣдкинъ Константинъ, Зеленинъ Иванъ. Эти тридцать семь учениковъ признаются достойными перевода въ первый классъ. Дюковъ Владиміръ, Рогальскій Михайль. *Разрядъ третій:* 40. Павловъ Василій, Склабинскій Василій — эти четыре ученика также могутъ быть переведены въ первый классъ, если передержать экзамень: Дюковъ — по арифметикѣ, Рогальскій — по русскому языку, Павловъ — по Закону Божию и русскому языку письменно, и Склабинскій — по Закону Божию и русскому языку устно и письменно. Васильковскому Якову, не державшему экзамена по болѣзни, предоставляется право держать экзамень послѣ вакаціоннаго времени; 43 Грабовскій Иванъ оставляется на повторительный курсъ за малоуспѣшность по малоспособности.

Пріемные экзамены для поступающихъ въ приготовительный классъ имѣютъ быть 7 и 8 августа, переэкзаменовка — 10 и 11-го, начало ученія 13-го августа.

Вакантныхъ мѣстъ въ приготовительномъ классѣ — 48 и въ IV кл. — 2, а въ I, II и III классахъ нѣтъ.

РАЗРЯДНЫЙ СПИСОКЪ

учениковъ Ахтырскаго духовнаго училища за 188⁶/7 учебный годъ.

IV класса удостоены перевода въ I-й классъ Семинаріи:

I-го разряда: 1. Алексѣй Ляткевичъ, Николай Красинъ, Сергій Сушковъ награждаются книгами, Иванъ Грищевко, 5. Василій Огинскій, Андрей Люминарскій, Сергій Любарскій. II разряда: Василій Рудинскій, Иларионъ Полтавцевъ, 10 Алексѣй Грищенко, Платонъ Ведринскій, Андрей Трипольскій, Николай Збукаревъ, Алексѣй Покровскій, 15. Михайль Федоровскій, Григорій Акимовъ. Не удостоены перевода въ Семинарію Федоръ Вергунъ. III разряда: Иванъ Найдовскій, Сергій Могилянскій, 20. Георгій Мигулинъ, Викторъ Краснопольскій.

III класса переводятся въ IV классъ:

I разряда: 1. Александръ Абрамцевъ, Михайль Венгеровскій, Иванъ Сокальскій, Иванъ Пивкратьевъ награждаются книгами, 5. Михайль Вербицкій, Андрей Матвѣевъ, Василій Ставиславскій, Федоръ Федоровскій. II разряда: Николай Загоровскій, 10. Иванъ Калюжный, Георгій Полтавцевъ, Андрей Веселовскій, Стефанъ Вербицкій. Переводятся въ IV классъ съ передержкою экзаменовъ: Дмитрій Виноградскій — по греческому языку, 15. Гаврииль Сукачевъ — по географіи. III разряда: Николай Давыдовъ — по греческому языку, Михайль Яковлевъ — по греческому языку и географіи, Алексѣй Краснокутскій — по греческому языку, по географіи и письменнаго — по русскому языку, Алексѣй Подольскій — по греческому языку и географіи. Оставляются въ томъ-же классѣ на повторительный курсъ: 20. Стефанъ Крыжановскій, Антоній Козловскій, Иванъ Любицкій, Макарій Выковъ, Иванъ

Завадовскій, 25. Александръ Артюховскій, Владиміръ Леонтовичъ, Константинъ Ботляровъ, Василій Шенкъ, Николай Чернявскій, 30. Дмитрій Подольскій. Допускается къ экзамену послѣ каникулъ по всѣмъ предметамъ III класса: Анатолий Снѣсаревскій. Увольняется по прошенію отца: Михайлъ Людиковичъ.

II класса переводятся въ III классъ.

I разряда: 1. Яковъ Чебановъ, Алексѣй Васильковскій, Петръ Кау-
 стянскій, Анатолий Мухинъ, 5. Петръ Завадовскій, Иванъ Хрунинъ награж-
 даются книгами, Александръ Поповъ, Николай Поповъ, Александръ За-
 графскій, 10. Григорій Быковцевъ, Петръ Оганскій, Теофиль Ястремскій,
 Григорій Погорѣловъ. II разряда: Лука Найдовскій, 15. Петръ Бѣлицкій,
 Дмитрій Давидовъ, Николай Шаповаловъ, Онысимъ Семеновъ, Даниилъ
 Пономаревъ. Назначаются къ переводу въ III классъ съ передержкою эк-
 замена: 20. Евгенийъ Флоринскій, Алексѣй Москаленко, Петръ Поповъ—по
 греческому языку, Стефанъ Ковалевскій, Иванъ Ѳедоровъ—по ариметикѣ.
 III разряда: 25. Стефанъ Звѣревъ, Александръ Вассаковскій—по гре-
 ческому языку и ариметикѣ, Семенъ Дикаревъ, по ариметикѣ. Остав-
 ляются въ томъ-же классѣ на повторительный курсъ: Григорій Ступниц-
 кій, Иванъ Назаревскій, 30. Иванъ Збукаревъ, Ѳедоръ Столяревскій,
 Иванъ Крушедольскій, Петръ Должанскій, Павелъ Стефановскій, 35. Ев-
 геній Проскурниковъ, Стефанъ Вербицкій, Павелъ Быковъ, Алексѣй Ге-
 невскій, Константинъ Ковалевскій, 40. Михайлъ Волковъ, Ѳедоръ Котля-
 ровъ, Сергѣй Ястремскій.

I класса переводятся во II классъ.

I разряда: 1. Алексѣй Александровъ, Михайлъ Сокальскій, Иванъ Хиж-
 няковъ, Николай Ѳедоровъ, 5. Василій Ѳедоровъ 2-й награждаются кни-
 гами, Иванъ Лапоноговъ, Петръ Кузнецовъ, Андрей Наумовъ, Александръ
 Горайстовъ, 10. Прокофій Петрусенко, Ѳедоръ Чикало, Николай Ѳедоров-
 скій. II разряда: Николай Лепешкинъ, Иванъ Волковъ, 15. Георгій Ру-
 бинскій, Иванъ Пушниренко, Александръ Ѳедоровъ, Петръ Флоринскій,
 Иванъ Филоненко, 20. Иванъ Антоновъ, Николай Стефановскій, Кирилль
 Поповъ, Антоній Николаевскій, Евфимъ Родовскій, 25. Иванъ Аристовъ,
 Платонъ Фальченко, Евфимъ Новомирскій, Андрей Панкратьевъ, Арсена Ѳе-
 доровскій. Назначаются къ переводу во II классъ съ передержкою экза-
 мена. III разряда: 30. Василій Поповъ—по ариметикѣ, Сергѣй Триполь-
 скій,—по русскому языку. Оставляются на повторительный курсъ въ томъ-
 же классѣ: Борисъ Чурилинъ по болѣзни, Михайлъ Артюховскій, Павелъ
 Каравановъ, 35. Семенъ Полтавцевъ, Григорій Поповъ, Василій Ѳедо-
 ровъ 1-й по малоуспѣшности. Предоставляется право держать экзаменъ по-
 слѣ каникулъ по болѣзни: Елпидифору Филиппову, Михайлу Малиженев-
 скому, 40. Александру Станиславскому.

Назначаются къ переводу въ I классъ приговорительнаго класса.

I разряда: 1. Василій Краснокутскій, Иванъ Строевскій, Ѳедоръ Кли-
 сенко. Василій Грищенко, 5. Константинъ Николаевъ, Николай Козлов-

скій, Ивавъ Луценко, Василій Матвѣевъ награждены книгами, Евгеній Давидовъ, 10. Павелъ Красинъ, Александръ Карповъ, Михайль Чефрановъ, Александръ Чефрановъ, Семенъ Лисанскій, 15. Андрей Заводовскій, Андрей Клисенко, Константинъ Фіалковскій, Михайль Петровскій. II разряда: Александръ Шукинъ, 20. Василій Кучинскій, Василій Яблоновскій, Петръ Браиловскій, Михайль Нестеренко, Леопидъ Бибиць, 25. Василій Балановскій, Сергій Кривошеевъ, Павелъ Мигулинъ, Алексій Котляровъ, Дмитрій Люминарскій, 30. Иванъ Филоненко, Петръ Насѣдкинъ, Матвѣй Заводовскій, Михайль Бородаевскій, Іосифъ Ковалевскій, 35. Ѳедоръ Вѣлоусовъ, Владиміръ Андреевко, Михайль Сидоренко. III разряда переводятся въ I классъ съ передержкою экзамена: Григорій Сиренко—по русскому языку, Андрей Жуковскій, 40. Сергій Левитскій, Ѳедоръ Васильковскій—по ариѳметикѣ, Петръ Таранскій—по русскому языку и ариѳметикѣ. Оставляются въ томъ-же классѣ на повторительный курсъ: Александръ Таранскій по болѣзни, Николай Чумаковъ, 45. Андрей Скларовъ—по малоуспѣшности.

РАЗРЯДНЫЙ СПИСОКЪ

учениковъ Купянскаго духовнаго училища, за 1886/7 учебный годъ.

Классъ 4-й.

Удостоены перевода въ первый классъ духовной семинаріи разрядъ 1-й: 1) Васютинъ Гаврилъ—съ награжденіемъ книгою, Шишловъ Павелъ, Гогинъ Владиміръ, Жуковскій Павелъ. Разрядъ 2-й: 5) Любарскій Сергій, Склабинскій Дмитрій, Цантелеямоновъ Николай, Обрѣзковъ Георгій, Самойловъ Владиміръ, 10) Щелоковскій Павелъ, Григоровичъ Александръ, Булгаковъ Павелъ, Лисенко Иванъ, Грековъ Максимъ. Не удостоены перевода въ семинарію. Разрядъ 3-й: 15) Слюсаревъ Семенъ, Козловскій Ѳедоръ, Войтовъ Николай. Оставлены на повторительный курсъ въ томъ-же классѣ: Лисенко Семенъ и Посельскій Маркъ—по прошенію родителей.

Классъ 3-й. Переводятся въ 4-й:

Разрядъ 1-й: 1) Поповъ Стефанъ, Поповъ Феоктистъ, Кувичинскій Владиміръ, Кувичинскій Александръ. Разрядъ 2-й: 5) Кошарновскій Александръ, Христіановскій Иванъ, Пивоваровъ Платонъ, Грековъ Георгій, Самойловъ Павелъ, 10) Самойловъ Михайль, Обрѣзковъ Георгій, Чугаевъ Иванъ, Ильинскій Евлампій—подъ условіемъ передержки экзамена по латинскому языку, Мухинъ Василій—подъ условіемъ передержки экзамена по греческому языку, 15) Булгаковъ Яковъ—подъ условіемъ передержки экзамена по ариѳметикѣ, Евфимовъ Ѳедоръ—подъ условіемъ передержки экзамена по русскому языку, Твердохлѣбовъ Дмитрій—подъ условіемъ передержки экзамена по ариѳметикѣ. Разрядъ 3-й: Поповъ Павелъ—подъ условіемъ передержки экзамена по греческому и латинскому языкамъ, Ѳедоровъ Митрофанъ—передержки экзамена по ариѳметикѣ и географіи, 20) Келебердинскій Григорій—подъ условіемъ передержки экзамена по русскому и латинскому языкамъ. Оставляются на повторительный курсъ по ма-

лоуспѣшности: Макаровскій Дмитрій, Драновскій Григорій, Шведовъ Пантеленонъ, Тимоновъ Владиміръ, 25) Скларовъ Павелъ, Анисимовъ Михайль, Вѣнцовъ Андрей, Самойловъ Александръ, Пануховъ Александръ, 30) Сулима Парфеній, Торанскій Михайль—по прошенію матери. Увольняются изъ училища: Косьминъ Григорій—по случаю двухъ лѣтняго пребыванія въ этомъ классѣ, Поповъ Андрей, 34) Сулима Григорій—по не состоянію на мѣстѣ ученія въ теченіи цѣлаго года.

Классъ 2-й. Переводятся въ 3-й.

Разрядъ 1-й: 1) Навродскій Григорій—съ награжденіемъ книгою, Ковалевскій Михайль, Христіановскій Θεодосій, Кибальниковъ Яковъ. Разрядъ 2-й: 5) Мухинъ Василій, Кириченко Дмитрій, Лонгиновъ Софроній, Цятелемоновъ Константинъ, Феневъ Яковъ, 10) Пономаревъ Владиміръ, Поповъ Тимофѣй, Макухинъ Яковъ, Поповъ Ѳеодоръ, Галкинъ Сергій, 15) Градовскій Ѳеодоръ, Волкисъ Михайль—подъ условіемъ передержки экзамена по ариметикѣ, Бѣлоусовъ Александръ—передержка экзамена по русскому языку, Поповъ Дмитрій—передержка экзамена по греческому языку, Ермолаевъ Александръ—передержка экзамена по ариметикѣ, 20) Сулима Максимъ—передержка по русскому языку, Стефановскій Гавріиль—передержка по греческому языку, Ѳеодоровъ Павелъ—передержка экзамена по ариметикѣ. Разрядъ 3-й. Ковалевскій Семенъ—подъ условіемъ передержки экзамена по греческому и латинскому языкамъ, Кошарковскій Владиміръ—передержка экзамена по греческому и латинскому языкамъ, 25) Мухинъ Иванъ—передержка экзамена по латинскому языку и ариметикѣ, Вертеловскій Василій—передержка по латинскому языку и ариметикѣ, Поповъ Викторъ—передержка по греческому и латинскому языкамъ, Твердохлѣбовъ Алексѣй—передержка по русскому языку и ариметикѣ. Оставляются на повторительный курсъ по малоуспѣшности: Поповъ Александръ, 30) Юшковъ Александръ, Ливидкій Евгений, Краснокутскій Викторъ, Вегуховъ Дмитрій, Землянскій Тихонъ, 35) Цятелемоновъ Тихонъ, Войтовъ Андрей, Гогинъ Леонидъ—по болѣзни. Увольняются изъ училища: Чалый Яковъ—по прошенію матери, Власовъ Яковъ и 40) Ковалевъ Константинъ—оба по случаю двухъ лѣтняго пребыванія въ этомъ классѣ, Поповъ Николай—по не состоянію на мѣстѣ ученія въ теченіи цѣлаго года. Допускается къ экзамену послѣ каникулъ, какъ не державшій онаго по болѣзни, 42) Трегубовъ Петръ.

Классъ 1-й. Переводятся во 2-й классъ.

Разрядъ 1-й. 1) Смирнскій Владиміръ, Лисенко Павелъ, Каплуненко Александръ—всѣ три съ награжденіемъ книгами, Кувичинскій Сергій, 5) Могилянскій Θεодосій, Поповъ Евгений, Климентовъ Гавріиль, Власовъ Маркарій, Филевскій Венедиктъ. Разрядъ 2-й. 10) Полницкій Петръ, Ѳоиминъ Григорій, Линицкій Александръ, Смирновъ Алексѣй, Павловъ Илья, 15) Краснокутскій Леонидъ, Филевскій Василій, Анисимовъ Петръ, Волошиновъ Иванъ, Павловъ Георгій, 20) Филевскій Иванъ, Подольскій Иванъ и Яновскій Андрей—оба поды условіемъ передержки экзамена по ариметикѣ. Разрядъ 3-й. Пономаревъ Яковъ и Говоровъ Павелъ—оба поды условіемъ

передержки экзамена по ариметикѣ, 25. Бѣляевъ Макарій — передержка экзамена по Священной исторіи, Сокальскій Сергій и Феневъ Яковъ — оба подѣ условіемъ передержки экзамена по русскому языку. Оставляются на повторительный курсъ по малоуспѣшности: Дьяковъ Антоній, Молчановъ Петръ, 30. Бѣляевъ Парфеній, Котляревскій Хрисанфъ; Сукачевъ Дмитрій — по болѣзни, Бондаренко Петръ и Чугаевъ Евгений — по прошенію родителей. Увольняются изъ училища: 35. Навродскій Петръ — по малоуспѣшности въ теченіи 2-хъ лѣтняго пребыванія въ этомъ классѣ, Приходьковъ Константинъ и Твердохлѣбовъ Александръ — оба по несостоянію на мѣстѣ ученія въ теченіи цѣлаго года. Допускаются къ экзамену послѣ каникулъ, какъ не державшіе онаго по болѣзни: Лабинскій Николай, 39. Поповъ Николай.

Приготовительный классъ.

Переводятся въ 1-й Разрядъ 1-й. 1. Евфимовъ Иванъ съ награжденіемъ книгою, Шалаевъ Сергій, Лукашевъ Астерій, Маропульцевъ Константинъ, 5. Дзюбановъ Антоній, Оранскій Яковъ, Вересевичъ Николай, Торавскій Евлампій, Труфановъ Николай, 10. Шишловъ Дмитрій, Щепинскій Александръ, Смирнскій Георгій, Ветуховъ Николай. Разрядъ 2-й. Васютинъ Павелъ, 15. Поповъ Федоръ, Будковъ Феофанъ, Кашарновскій Павелъ, Краснокутскій Владиміръ, Николаевскій Леонидъ, 20. Подольскій Василій, Сѣнцовъ Афанасій, Поповъ Николай, Чернявскій Поликарпъ, Косминъ Петръ 1-й, 25. Макухинъ Александръ, Титовъ Иванъ, Чалый Дмитрій, Селитренниковъ Федоръ, Цебенко Григорій, 30. Сулима Евсевій, Бугуцкій Иларіонъ; Царевскій Михайль подѣ условіемъ передержки экзамена по русскому языку, Рубинскій Михайль — передержка экзамена по ариметикѣ. Разрядъ 3-й. Оставляются на повторительный курсъ по малоуспѣшности: Каташевъ Константинъ, 35. Поповъ Дмитрій, Велебердинскій Николай, Любицкій Николай, Макаровскій Стефанъ, Власовъ Петръ, 40. Косминъ Петръ 2-й, Мсияевъ Иванъ — сей послѣдній по прошенію отца. Увольняются изъ училища: Федоровскій Семенъ — по несостоянію на мѣстѣ ученія въ теченіи цѣлаго года, 43. Шедоковскій Сергій — по малоуспѣшности въ теченіи 2-хъ лѣтняго пребыванія въ этомъ классѣ.

Перезкзаменовки для учениковъ Купянского духовнаго училища назначены на 17-е и 18-е числа будущаго августа, а приемные экзамены въ приготовительный классъ на 19-е, въ прочіе — на 20-е августа. Число свободныхъ вакансій: въ 4-мъ классѣ — 15, въ 3-мъ — вакансій нѣтъ, въ 2-мъ — 3, въ 1-мъ — нѣтъ, въ приготовительномъ — 42.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Діаконъ Николаевской церкви слободы Коломака, Валковскаго уѣзда, Стефанъ Поморцевъ опредѣленъ священникомъ при Сорокамученической церкви села Мирнаго, Богодуховскаго уѣзда.

— Священникъ Воскресенской церкви слободы Новой Водолаги.

Валковскаго уѣзда, *Александръ Вербицкій* утвержденъ въ должности блюстителя за преподаваніемъ Закона Божія въ начальныхъ народныхъ училищахъ Валковскаго уѣзда, а священникъ Покровской церкви слободы Минковки, того-же уѣзда, *Левъ Дейниховскій* утвержденъ въ должности члена Благочинническаго Совѣта.

— Священникъ Тихоновской церкви села Сидоренкова, Валковскаго уѣзда, *Петръ Будянский* утвержденъ въ должности законоучителя Сидоренковскаго начальнаго народнаго училища.

— На праздное священническое мѣсто къ Василіевской церкви села Прелестнаго, Изюмскаго уѣзда, опредѣленъ студентъ Харьковской духовной семинаріи *Димитрій Каплуненко*.

— Безмѣстному и запрещенному священнику *Іоанну Карпову* разрѣшено епархіальнымъ начальствомъ искать священническаго мѣста,

— Студентъ Харьковской духовной семинаріи *Моисей Петровъ* опредѣленъ на священническое мѣсто къ Петро-Павловской церкви слободы Петропавловки, Купянскаго уѣзда.

— Священническій сынъ *Владиміръ Любинскій* опредѣленъ штатнымъ діакономъ при Воскресенской церкви слободы Новой Водегари, Валковскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Казанской церкви села Старовѣровки, Купянскаго уѣзда, *Григорій Макаровскій* опредѣленъ штатнымъ діакономъ при Успенской церкви слободы Коробочкиной.

— Студентъ Харьковской духовной семинаріи *Іванъ Пономаревъ* опредѣленъ псаломщикомъ при Рождество-Богородичной церкви села Ивановъ, Богодуховскаго уѣзда.

— Окончившій курсъ въ Харьковской духовной семинаріи воспитанникъ *Іванъ Касьяновъ* опредѣленъ псаломщикомъ на праздное псаломщицкое мѣсто къ Преображенской церкви, слободы Петровской, Изюмскаго уѣзда.

— Псаломщики — слоб. Черкасской Лозовой, Харьковскаго уѣзда, *Мелетій Спѣсивцевъ* и слоб. Голубовки, Староб. уѣзда, *Іванъ Кустовскій*, согласно ихъ прошенію, перемѣщены одинъ на мѣсто другаго.

— И. д. псаломщика Р. Богород. церкви в. г. Бѣлополя, Сумскаго уѣзда, *Андрей Григоровичъ* опредѣленъ псаломщикомъ въ сл. Бабаи, Харьк. уѣзда.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ къ церквамъ Зміевскаго уѣзда — Вознесенской села Борщеваго крестьянинъ *Алексій Борщъ*, Рождество-Богородичной церкви слободы Ново-Бери-

согласно крестьянъ *Иванъ Патокъ* и *Николаевской* села *Замостья* крестьянинъ *Петръ Таможский*.

Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища.

Согласно журнальному постановленію Совѣта отъ 22 мая н. г. Его Высокопреосвященствомъ дозволено Совѣту училища: 1) принимать въ текущемъ учебномъ году въ приготовительный классъ двѣдцѣти и двѣнадцатилѣтняго возраста; 2) на украшеніе Св. храма при Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ поступили пожертвованія отъ нижеслѣдующихъ лицъ: священника А. Оптовцева 1 р. 38 коп., священника Т. Бугупцаго 50 коп., жены священника Александры Григорьевны Титовой 2 р. и отъ Харьковскаго купца И. А. Гаврилова 5 р.; всего 8 руб. 88 коп., а съ прежде пожертвованными 882 р. 13 коп.

Отъ правленія Ахтырскаго духовнаго училища.

На основаніи журнальнаго постановленія училищнаго правленія, отъ 4 июня сего 1887 года, утвержденнаго Его Высокопреосвященствомъ, правленіе Ахтырскаго духовнаго училища объявляетъ для свѣдѣнія духовенства Ахтырскаго училищнаго округа, что очередная свѣзда духовенства Ахтырскаго училищнаго округа въ настоящемъ 1887 г. имѣеть быть въ г. Ахтыркѣ 11 сентября. Предметы ваятій свѣзда слѣдующіе:

1) Заслушаніе и исполненіе резолюцій Его Высокопреосвященства по журнальнымъ постановленіямъ свѣзда духовенства Ахтырскаго училищнаго округа, бывшаго 21 сентября 1886 года;

2) разсмотрѣніе суммъ прихода и расхода суммъ по содержанію училища въ будущемъ 1888 году и разсмотрѣніе экономическаго отчета училища съ журналомъ ревизіоннаго комитета за минувшій 1886 годъ;

3) разсмотрѣніе вѣнчиковыхъ вѣдомостей и изысканіе мѣръ къ увеличенію вѣнчиковой суммы, поступающей на содержаніе казеннокоштныхъ воспитанниковъ училища;

4) учрежденіе должности надзирателя репетитора учениковъ IV класса съ начала наступающаго 1887—88 учебнаго года и разсмотрѣніе по сему предмету доклада училищнаго правленія, утверждениаго Его Высокопреосвященствомъ 8 января сего 1887 г.;

5) установленіе платы за обученіе въ училищѣ воспитанниковъ свѣтскихъ сословій, примѣнительно къ ежегодному взносу, существующему въ учебныхъ заведеніяхъ г. Сумъ и назначеніе платы за содержаніе въ училищномъ общежитіи воспитанниковъ иноепархіального и иноокружнаго духовенства;

6) разсмотрѣніе прошеній о сложеніи недоимки, числящейся за нѣкоторыми бѣднѣйшими воспитанниками духовнаго званія, не получившими права на епархіальное пособіе, опредѣляемое правленіемъ училища по § 105 Училищ. Устава и разрѣшеніе вопроса о томъ, имѣеть-ли право училищное правленіе въ случаяхъ, подобныхъ указанному, освобождать воспитанниковъ духовнаго званія отъ взноса платы за содержаніе ихъ въ училищѣ, если имѣется къ тому возможность со стороны училищныхъ средствъ;

7) ассигнованіе дополнительной суммы на наемъ квартиръ для спальнѣхъ помѣщеній учениковъ въ наступающемъ 1887—88 году и единовременной суммы на перевозку училищной бібліотеки, мебели и прочаго училищнаго имущества въ новое зданіе училища въ г. Сумы въ слѣдующемъ 1888 году;

8) текущія дѣла, подлежащія обсужденію съѣзда.

Кромѣ того правленіе Ахтырскаго духовнаго училища объявляетъ для свѣдѣнія духовенства Ахтырскаго училищнаго округа, что приемные экзамены вновь поступающихъ въ приготовительный классъ воспитанниковъ имѣютъ быть 7, 8 и 10 августа мѣсяца сего 1887 года, а переэкзаменовки воспитанниковъ, получившихъ неудовлетворительные баллы на годичныхъ испытаніяхъ, назначены ученикамъ приготовительнаго и 1-го клас. 3-го августа, 2 класса — 4 августа и 3 класса — 5 августа. Приема въ I, II и III классы училища, за неимѣніемъ въ нихъ свободныхъ вакансій, съ будущаго 1887—88 учебнаго года не будетъ. Воспитанники, удостоенные перевода въ высшіе классы и оставленные на повторительный курсъ въ тѣхъ-же классахъ, должны явиться въ Ахтырское духовное училище въ г. Ахтырку, къ началу ученія (не позже), 10 августа сего года.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе: Празднованіе семнадцатой годовщины Православнаго миссіонерскаго общества.—Состояніе Руминской церкви.—Дѣятельность папства.—Православіе въ Остзейскомъ краѣ.—Необходимость ограниченія лютеранской церкви въ Остзейскомъ краѣ.—Вопросъ объ обезпеченіи быта православнаго духовенства.

7 іюня торжественно праздновалась семнадцатая годовщина православнаго миссіонерскаго общества, состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны и подъ предсѣдательствомъ высокопреосвященнѣйшаго митрополита московскаго Іоаннія... Въ день годовщины, литургію въ Успенскомъ соборѣ совершалъ высокопреосвященнѣйшій Іоанникій, въ сослуженіи съ архимандритомъ Заиконоспасскаго монастыря Арсеніемъ, протопресвитеромъ Успенскаго собора о. Сергіевскимъ и другими членами Общества изъ среды Московскаго духовенства. По окончаніи литургіи, владыкою въ сослуженіи съ членами миссіонерскаго общества, совершены были торжественный молебенъ, по окончаніи котораго въ Муроварной палатѣ послѣдовало годичное собраніе православнаго миссіонерскаго общества. Оно происходило подъ предсѣдательствомъ владыки, въ присутствіи перваго помощника предсѣдателя, преосвященнаго Мисаила, епископа дмитровскаго, викарія московскаго, епископа Петра, управляющаго Ставропигіальнымъ Новоспасскимъ монастыремъ, духовныхъ и свѣтскихъ членовъ общества и многочисленной публики. При входѣ въ Муроварную палату Владыки-митрополита съ епископами, хоромъ синодальныхъ пѣвчихъ былъ исполненъ тропарь: *Благословенъ еси Христе Боже нашъ*. Затѣмъ всѣ заняли мѣста и предсѣдающій Владыка-митрополитъ предложилъ присутствовавшимъ выслушать годовой отчетъ о дѣятельности Общества и его отдѣленій и миссій въ 1886 году. Прочитанные за тѣмъ отчетъ и смѣта расходовъ были утверждены. Изъ прочитаннаго отчета, между прочимъ, видно, что общество въ отчетномъ году имѣло 7,169 дѣйствительныхъ членовъ, изъ коихъ 422 было пожизненныхъ. Отдѣленія, или комитеты общества находились въ 36 епархіяхъ, не считая московской, гдѣ состоитъ совѣтъ общества. Членскихъ взносовъ и процентовъ на капиталы общества получено было 53,792 р., доходовъ отъ Боголюбской миссіонерской въ Москвѣ часовни получено 7,791 руб., а всего 61,584 руб. По комитетамъ въ

отчетномъ году поступило всего 55,962 р. Всѣ же поступления достигли цифры 117,547 руб. Кроме того въ кассу поступило еще 31,089 р. кружечнаго сбора на распространіе православія въ Имперіи. Вся же сумма съ остаткомъ 1885 года (550,513 р.) дошла до 699,151 рублей. Весь расходъ Общества въ мицувшемъ году былъ 160,357 руб., въ томъ числѣ на содержаніе миссій и миссіонерскихъ учрежденій 129,589 рублей.

Независимо отъ чтенія отчета, всѣмъ членамъ розданъ былъ печатный рапортъ совѣту общества отъ начальника Россійской духовной миссіи въ Японіи, епископа Николая, которымъ преосвященный Николай увѣдомляетъ, что постройка храма въ Тоокію, доведена уже до купола, но что на окончаніе этой постройки у него изволяли средства, и проситъ для этой цѣли обратиться къ благотворителямъ. Въ рапортѣ приложенъ и самый видъ строящагося въ Японіи храма. Отчетъ объ алтайской и киргизской миссіяхъ томской епархіи за 1886 годъ также розданъ былъ въ печатныхъ экземплярахъ. Не смотря на всѣ трудности, представляемыя природою на Алтай и фанатизмомъ инновѣрцевъ, миссія вела свои дѣла весьма успѣшно. Миссіонерами въ истекшемъ году сдѣлано 30,587 верствъ въ Алтайскомъ округѣ и обращено въ православную вѣру 639 душъ обоюго пола и кроме того въ 28 миссіонерскихъ школахъ обучалось 498 мальчиковъ и 236 дѣвочекъ.

Послѣ чтенія отчета приступлено было къ выбору втораго помощника предсѣдателя, каковымъ оказался избраннымъ Московскій губернскій предводитель дворянства графъ С. Д. Шереметьевъ. Въ члены ревизіонной комиссіи избраны: протоіерей: П. І. Капустинъ, В. П. Рождественскій, тайный совѣтникъ П. Н. Зубовъ и почетный гражданинъ С. Д. Ширяевъ.

— Въ настоящее время не только среди славянскихъ народностей происходитъ сильное движеніе въ пользу православной Церкви, но подобное же явленіе встрѣчается и среди другихъ православныхъ народностей. „Московскія Вѣдомости“ говорятъ, что для разложенія румынской народности и облегченія ея германизации употреблены были въ дѣло религіозные миссіонеры (какъ будто Румынія страна языческая!), около которыхъ уже группируются зачатки поселеній. Со своими школами, обществами стрѣловыми, гимнастическими, пѣвческими, литературными и пр., колоніи эти составляютъ государство въ государствѣ, сѣтъ германскихъ и австро-венгерскихъ агентовъ, охраняетъ ихъ неприкосновенность, высшій-же патронатъ принадлежитъ надъ протестантскими миссіями

и фрейнами императору Вильгельму, а надъ католическими—императору Францу-Иосифу.

Румынская королевская чета связана исповѣданіемъ съ обѣими воинствующими церквами. Король Карль ревностно содѣйствуетъ католической пропагандѣ, королева Елизавета протестантской. Принимая корону изъ рукъ виновниковъ революціи 1866 года, Карль поклялся, что его наслѣдникъ будетъ воспитанъ въ православной вѣрѣ; это не помѣшало ему, тѣмъ не менѣе, въ 1886 году, избравъ наслѣдникомъ другаго католическаго Гогенцоллерна, отказать въ исполненіи своего клятвеннаго обѣщанія. Говорятъ, что онъ былъ разрѣшенъ отъ клятвы не только непогрѣшимымъ Ватиканскимъ оракуломъ, но и оракуломъ Фаринскимъ, нашедшимъ, что не стоитъ останавливаться предъ такою бездѣлицей.

Румынское образованное общество, представляющее болѣе широкій и болѣе независимый слой чѣмъ въ какомъ-либо другомъ балканскомъ государствѣ, вступило однако въ борьбу, пока одними собственными силами и легальными средствами противъ прозившихъ націи со всѣхъ сторонъ опасностей. Его мужественное сопротивление побудило правительство, не взирая на формальное большинство которымъ оно располагало въ парламентѣ, отказаться отъ заключенной уже съ Австріей торговой конвенціи и начать противъ нея à contre sens таможенную войну; даже въ консульскую конвенцію съ Германіей введены были поправки съ дѣлью, успокоеніи поднимавшагося во всей Румыніи волненія.

Но румынскіе патріоты не ограничиваются борьбой за матеріальные интересы; они съ неменьшею стойкостью отстаиваютъ и высшіе духовные интересы своего народа. Въ виду пропаганды иновѣрческаго фанатизма, съ одной стороны, и атеизма, съ другой, они основали въ Яссахъ въ 1885 году *Православное Общество*, главныя цѣли котораго: 1) переводъ и распространеніе православныхъ духовныхъ сочиненій спеціально назначаемыхъ для сельскаго духовенства, дѣтей, женщинъ и народа; 2) отправка молодыхъ людей готовящихся къ духовному званію въ семинаріи и духовныя академіи православныхъ странъ; 3) учрежденіе воспитательныхъ заведеній въ духѣ православія для юношества и особенно для дѣвицъ.

Такое общество не могло не вызвать вражды совратителей и утѣснителей Румынскаго народа. Кабинетъ Братіано, кичившійся своимъ либерализмомъ пока дѣло шло о нападении на православіе, измѣнилъ либерализму при видѣ лицъ собравшихся на его защиту.

Обвиненіе и клеветы путемъ продажной печати, ограничительныя и стѣснительныя мѣры, все было пущено въ ходъ. Онъ добился даже нарочнаго измѣненія положенія о румынскомъ синодѣ, такъ что епископамъ было воспрещено участвовать въ религиозныхъ обществахъ. Наконецъ, митрополитъ Ясскій, Іосифъ, въ наказаніе за одобреніе „Православнаго Общества“, былъ обойденъ при выборахъ на первенствующую кафедру румынской церкви (букурештскаго митрополита), на которую онъ имѣлъ наиболѣе правъ.

Тѣмъ не менѣе, *Православное Общество*, руководимое мужественнымъ епископомъ Мельхиседекомъ, самымъ почтеннымъ и любимымъ въ странѣ дѣятелемъ, успѣшно продолжаетъ свою работу и привлекаетъ къ себѣ все болѣе выдающихся лицъ изъ всѣхъ классовъ населенія. За него стоитъ и ему содѣйствуетъ, за исключеніемъ одного или двухъ слѣпыхъ орудій правительства, весь епископатъ Румыніи и вообще все духовенство. Нечего и говорить о сочувствіи, которымъ *Православное Общество* пользуется въ народѣ; никогда не удалявшемся ни отъ православія, ни отъ православныхъ единовѣрцевъ; оно служитъ звеномъ вновь и нерушимо связывающимъ интеллигенцію съ народомъ и восстанавливающимъ внутреннее духовное единство Румынской націи.

Но образованіе общества въ защиту православія отъ иновѣрія и невѣрія имѣетъ великую важность и для другихъ православныхъ народовъ: оно напоминаетъ имъ всѣмъ, что источникъ крѣпости въ борьбѣ и врачеваніи ихъ золь у нихъ всѣхъ одинъ и тотъ-же. Православная Церковь есть та великая основа всего восточно-христіанскаго міра, которой онъ обязанъ своимъ существованіемъ. Опасности подобныя угрожающимъ Румынскому народу грозятъ и Сербскому, Болгарскому, Греческому, даже Русскому народу, которому къ тому же особенно надлежитъ блюсти общеправославныя интересы. У насъ существуетъ и дѣйствуетъ Православное Палестинское Общество. Не слѣдуетъ ли ему расширить свою задачу и зваться *Православнымъ Обществомъ*, вступить въ связь съ одноименнымъ въ Румыніи и содѣйствовать созданію подобныхъ обществъ въ иныхъ православныхъ земляхъ?

— Папство употребляетъ всѣ усилія возвратитъ себѣ прежнее значеніе среди христіанскихъ народовъ, или по крайней мѣрѣ, заставить всѣхъ говорить о себѣ. По словамъ „Новаго Времени“ папа Левъ XIII все болѣе и болѣе выступаетъ на первый планъ современной политической жизни Европы. О немъ начинаютъ говорить столь-же часто, какъ говорили о его предшественникѣ во

времена второй имперіи, хотя и совершенно по другимъ причинамъ. Пій IX дѣлалъ дѣйствительно все отъ него зависѣвшее для того, чтобы возставитъ противъ себя почти всѣ свѣтскія правительства, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло. Нынѣшній римскій первосвященникъ, напротивъ употребляетъ всевозможныя усилія, чтобы установить наилучшія отношенія между Ватиканомъ и свѣтскими правительствами. Достигнутые уже имъ въ этомъ смыслѣ результаты просто поразительны. Римская курія, совершенно было-устраненная послѣ 1870 г. съ политической сцены, снова играетъ на ней выдающуюся роль. Примиренная съ Германіей, достигшая того, что итальянское правительство ищетъ сблизиться съ нею, римская курія не упускаетъ ни малѣйшаго случая напомнить о себѣ европейской публикѣ. На юбилеѣ королевы Викторіи, рядомъ съ принцами крови всѣхъ національностей, фигурируетъ высокопоставленный представитель римскаго первосвященника, не смотря на историческій девизъ британской державы — „pro rege!“ и президенту французской республики, управляемой уже давно анти-клерикалами, папа шлетъ привѣтъ черезъ новаго своего нунція въ Парижъ, назначивъ на этотъ постъ предата, извѣстнаго своими симпатіями къ Франціи. Выслушавъ этотъ привѣтъ въ которомъ управляемая имъ страна по прежнему величается „старшею дочерью церкви“, г. Жюль Греви, бывший всегда „свободнымъ мыслителемъ“ по неволѣ долженъ отвѣчать любезностями и обѣщать нунцію „искреннее содѣйствіе французскаго правительства“.

Къ подобнымъ-же фактамъ принадлежитъ сообщеніе, что мосьиньоръ Персико, епископъ аквинскій и личный другъ папы, отправился въ сопровожденіи патера Гуальди въ Ирландію. Поѣздка эта имѣетъ, повидимому, цѣлю изучить на мѣстѣ, имѣются-ли еще шансы примиренія ирландцевъ съ Англіей. Шансы эти должны быть слабы, судя потому, какъ большая часть ирландцевъ отнеслась къ юбилею королевы Викторіи. Настроеніе ирландцевъ особенно характеризуется происходившимъ въ недавнее время въ Нью-Йоркѣ митингомъ, посвященнымъ „памяти жертвъ пятидесятилѣтняго царствованія королевы Викторіи“. Присутствующимъ на митингѣ розданы были траурныя карточки съ слѣдующею надписью: „Lex talionis. Око за око, зубъ за зубъ. Умерло голодною смертью 1.500,000; лишено крова и всякаго имущества 3.668,000; эмигрировало 4.200,000; заключено въ тюрьму 3,000; убито при закрытіи митинговъ грубою силою 517; казнено смертью 75; умерло въ англійскихъ тюрьмахъ 27. Сверхъ того запрещено изданіе 12 газетъ“.

— Православіе въ Остзейскомъ краѣ много обязано своими успѣхами Рижскому православному Петропавловскому братству. Это братство основателемъ котораго былъ преосв. Платонъ, нынѣ митрополитъ Кіевскій, а однимъ изъ первыхъ крупныхъ вкладчиковъ Ю. Ф. Самаринъ, недавно праздновало двадцатипятилѣтіе своего существованія. Такъ какъ средства его далеко не блестящи, то оно обратилось къ воззванію о помощи къ епархіальнымъ преосвященнымъ и всѣмъ вообще православнымъ. Изъ этого воззванія узнаемъ, между прочимъ, что число всѣхъ православныхъ въ краѣ нынѣ простирается до 216 тысячъ человѣкъ.

— За послѣднее время въ печати все чаще и чаще слышатся заявленія о необходимости преобразования въ ограничительномъ смыслѣ лютеранской церкви въ Остзейскомъ краѣ. Нынѣшній регламентъ этой церкви говоритъ „Церковный Вѣстникъ“, составлялся тогда, когда край и не мыслился инымъ, какъ лютеранскимъ, и когда возможность сдѣлать его православнымъ никому и въ голову не приходила. Между тѣмъ нынѣ, когда правительство заботится о проведеніи русско-православныхъ началъ среди эстовъ и латышей, становится необходимымъ положить предѣлъ тому самовластному произволу, который обнаруживаетъ въ начинающейся борьбѣ съ православіемъ лютеранское духовенство. По словамъ „Нов. Врем.“ (№ 4040), здѣсь имѣлъ мѣсто фактъ, особенно настойчиво напомнимъ объ этомъ. По лютеранскому вѣроученію одинъ день въ году долженъ быть посвященъ сугубой молитвѣ и покаянію. Такъ какъ это церковное правило вошло для чего-то и въ нашъ сводъ законовъ, то пасторы и воспользовались этимъ обстоятельствомъ для своихъ цѣлей. Въ одинъ изъ воскресныхъ дней во всѣхъ лютеранскихъ церквяхъ они торжественно съ церковной кафедры прочитали слѣдующее: „по поводу установленнаго и утвержденнаго сводомъ законовъ россійской имперіи покаяннаго и молитвеннаго дня, консисторія напоминаетъ о необходимости провести этотъ день съ должнымъ благочестіемъ, что особенно важно въ настоящее время“ и т. д. Воззваніе это составлено главнымъ образомъ съ цѣлью произвести впечатлѣніе на латышей, показать имъ, что и лютеранская церковь занимаетъ по закону одинаковое положеніе съ господствующею, потому что и ей предоставляется русскимъ закономъ устанавливать для латышей дни покаянія и молитвы. Не мало смуты въ умахъ, по словамъ газеты, произвело это воззваніе. Одновременно съ нимъ появилось и другое „къ лютеранствующимъ согражданамъ Риги“ о необходимости построить въ какомъ-то Торен-

сбергъ лютеранскую церковь въ память лютеровскаго юбилея. Въ этомъ воззваніи были допущены умствованія о превосходствѣ лютеранства, о томъ, что „оно ведетъ къ нравственному возрожденію и личному облагороженію, служить на благо всему человѣчеству“. Способствующимъ, но мнѣнію газеты, обстоятельствомъ къ нѣмецко-лютеранской агитаціи служить въ значительной степени отсутствіе сколько-нибудь дѣятельнаго надзора за лютеранскимъ клиромъ. Пасторы подчинены своей же лютеранской консисторіи, которая въ свою очередь подчинена генеральной лютеранской же консисторіи въ Петербургѣ, и только за послѣдней наблюдаетъ здѣсь департаментъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій. На мѣстѣ же внимательнаго и послѣдовательнаго надзора нѣтъ и о разныхъ дѣяніяхъ консисторіаловъ врядъ ли кому что-нибудь извѣстно. Такъ, напр., въ Митавѣ, продолжаетъ газета, существуетъ какой-то „лютеранскій юношескій союзъ“, „руководимый пасторами и имѣющій цѣлью поддерживать нѣмецкій духъ въ нѣмецкихъ юношахъ. Принимаются сюда и латыши. Засѣданія этого „союза“ покрыты тайною, такъ какъ постороннимъ попасть туда нѣтъ никакой возможности. Контроля надъ дѣйствіями „союза“ тоже нѣтъ никакого. А между тѣмъ, по слухамъ, тамъ произносятся горячія рѣчи на тему „останься тѣмъ, чѣмъ ты былъ“ и членами союза составляются брошюры, преисполненныя всяческой злобы противъ Россіи. Понятно, въ какомъ духѣ воспитывается въ этомъ „союзѣ“ и юношество. По поводу этихъ фактовъ „Нов. Время“ дѣлаетъ такое заключеніе: „Назиданіе отсюда для русской стороны состоитъ теперь въ необходимости болѣе широкаго, стойкаго и неколеблющагося примѣненія въ краѣ русскихъ началъ. Теперь рѣчь идетъ уже не только о русскомъ языкѣ въ мѣстныхъ присутственныхъ мѣстахъ; — чѣмъ начался, какъ извѣстно, болѣе напряженный періодъ конфликта, — не только о преобразованіяхъ учебной части, столь много занимавшихъ собою печать даже до своего осуществленія. Теперь стоитъ на очереди судебно-полицейская реформа и крайне настоятельно преобразование общаго положенія лютеранской церкви въ краѣ въ виду современной пасторской агитаціи. Быть можетъ, со временемъ, дойдетъ очередь и до поземельныхъ дѣлъ, но это уже дѣло будущаго. А пока лютеранская церковь показываетъ своимъ нынѣшнимъ настроеніемъ, что она (какъ, бывало, католическая на нашей западной окраинѣ) можетъ проникаться, въ случаѣ нужды, политическимъ характеромъ. Этотъ выводъ не должно упускать изъ виду при современномъ положеніи остзейской борьбы, которая на нашихъ

глазахъ развертывается мало по малу съ неудержимой послѣдовательностью. Мы не думаемъ, чтобъ въ дальнѣйшемъ своемъ ходѣ упомянутая борьба—именно церковная—приняла болѣе острый характеръ: тому въ извѣстной степени препятствуетъ самое свойство лютеранства, не столь способнаго къ воинствующей роли, какъ католицизмъ; но приводимые въ нашей корреспонденціи факты не теряютъ отъ этого въ своемъ значеніи. Они убѣждаютъ, что лютеранство въ Россіи должно, по крайней мѣрѣ, утратить поддержку, присвоенную имъ себѣ въ благопріятныя времена, — кажущуюся поддержку власти для господства въ прибалтійскомъ краѣ. Не нужно забывать, что лютеранство все-таки составляетъ второстепенную, хотя и ограждаемую закономъ религію въ нашемъ государствѣ. Бдительный контроль за нимъ необходимъ.

— Вопросъ объ обезпеченіи быта православнаго духовенства снова ожилъ въ нашей печати. Вопросъ этотъ стоитъ на очереди. Такъ, „С.-Петербур. Вѣд.“ (№ 149) высказали недавно по этому поводу слѣдующее: „Обезпеченіе быта приходскаго духовенства составляетъ, по нашему мнѣнію, одинъ изъ серьезнѣйшихъ вопросовъ, требующихъ рѣшенія въ недалекомъ будущемъ. Оставять приходское духовенство, эту главную опору всего нашего нравственнаго порядка, въ такомъ, какъ теперь, необезпеченномъ матеріальномъ положеніи, врядъ-ли можетъ быть признано дѣломъ резоннымъ; но, конечно, многіе также согласятся съ нами, что нѣтъ основаній относить содержаніе приходскаго духовенства на государственную казну. Старое церковное правило: приходское духовенство содержится отъ своего прихода, должно войти въ дѣйствительную, строго и правильно упорядоченную силу. Каждое приходское общество, существующее самостоятельно, должно въ средѣ своей имѣть церковный совѣтъ, опредѣляющій цифру ежегодныхъ расходовъ, потребныхъ на содержаніе церкви и состоящаго при ней духовенства; цифру эту совѣтъ разлагаетъ, по мѣрѣ состоятельности, между прихожанами. Только въ такомъ порядкѣ установленія церковныхъ доходовъ и расходовъ видится намъ идеалъ церковнаго устройства, на его низшей степени, въ приходѣ. Государство съ своею помощью церкви является только тамъ, гдѣ средства прихожанъ оказываются недостаточными, или гдѣ церковь удовлетворяетъ потребностямъ не одного своего прихода. Если въ деревняхъ и селахъ учрежденіе приходскихъ совѣтовъ съ подобными обязанностями признается еще рановременнымъ, то въ городахъ, по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ изъ нихъ, не могло-бы, кажется, встрѣтиться препятствій къ воз-

ложенію обязанности содержанія приходскаго духовенства на самихъ прихожанъ, съ приличною организаціею этого дѣла“.

Такое рѣшеніе вѣкового вопроса встрѣтило одобреніе и со стороны другихъ газетъ, напр.: „Нов. Вр.“ находитъ его „справедливымъ и удобоисполнимымъ“. При этомъ, по словамъ газеты, и прихожане стали-бы въ болѣе близкія и тѣсныя отношенія къ своимъ духовнымъ пастырямъ, подобно тому, какъ это существуетъ въ паствахъ другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, но у насъ почти отсутствуетъ. Не касаясь принципиальной стороны этого вопроса и его рѣшенія, „Церк. Вѣст.“ замѣчаетъ лишь, что наврядъ-ли вышеприведенный взглядъ на это дѣло можно назвать „справедливымъ и удобоисполнимымъ“. Націи приходы какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ и по количеству и по своимъ платежнымъ средствамъ слишкомъ различны. Въ одномъ приходѣ 200—300 душъ, въ другомъ до 1,500. Въ одномъ мѣстѣ прихожане зажиточны, въ другомъ—крайне бѣдны. А при такихъ условіяхъ предлагаемая мѣра едва-ли будетъ „справедливою и удобоисполнимою“, какъ по отношенію къ обезпечивающимъ, такъ и обезпечиваемымъ. Недавняя-же проба „уравнять“ приходы посредствомъ механическаго слиянія малочисленныхъ въ одно цѣлое не только не удовлетворила имѣвшейся при этомъ задачѣ—обезпечить бытъ духовенства, но привела, какъ извѣстно, къ нѣкоторымъ печальнымъ результатамъ. Очевидно газеты берутъ за образецъ самостоятельныя церковныя общины въ инославныхъ исповѣданіяхъ и, увлекаясь ихъ внѣшнею, казовою стороною, рекомендуютъ нѣчто подобное и для насъ. Но не всякое иноземное растеніе пригодно для русской почвы, а тѣмъ болѣе въ сферѣ религіозной, гдѣ всегда требуется особенная осторожность и глубокое всестороннее изученіе и пониманіе дѣла. Напрасно также газета обусловливаетъ «живыя и тѣсныя отношенія» пасомыхъ къ пастырямъ извѣстнымъ рѣшеніемъ вопроса объ обезпеченіи духовенства. Несомнѣнно, что онъ имѣетъ весьма важное значеніе въ этомъ дѣлѣ, но во всякомъ случаѣ не исключительное. Близкое духовное единеніе существуетъ и теперь, при неудовлетворительнѣйшемъ способѣ обезпеченія духовенства, когда пастыри, и пасомые преслѣдуютъ въ своихъ сношеніяхъ лишь нравственные интересы, когда первые являются дѣйствительными наставниками и руководителями совѣсти своихъ прихожанъ, а эти послѣдніе стремятся быть послушными гласу своихъ пастырей.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА.

Державною Волею ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА народныя школы снова предоставлены Церкви; духовенству снова предстоит сослужить великую службу государству и обществу и удовлетворить желанію народа, который хочет, чтобы школа для дѣтей его имѣла тѣсную связь съ Церковію, чтобы знаніе грамоты открывало ему доступъ къ книжнымъ сокровищамъ религіознаго назиданія и утѣшенія, чтобы дѣти участвовали чтеніемъ и пѣніемъ въ Богослуженіи и могли дома читать родителямъ душевспасительныя и полезныя въ крестьянскомъ быту книги. Это главное, что требуется и ожидается отъ церковно-приходской школы. Другія цѣли народной школы и народнаго образованія, хотя и не устраняются въ церковно-приходской школѣ, но и не имѣютъ первенствующаго въ ней значенія.

Принявъ на себя, по благословенію Св. Синода изданіе журнала „Церковно-приходская Школа“, мы уже самымъ названіемъ своего изданія опредѣляемъ характеръ и задачи его. Нижеслѣдующая программа показываетъ, что мы предназначаемъ свой журналъ и для завѣдующихъ церковно-приходскими школами, для учителей и учительницъ, а также и для учащихся и ихъ родителей.

I. Правительственныя распоряженія и постановленія.

Опредѣленія Св. Синода и распоряженія Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ.
Распоряженія епархіальныхъ преосвященныхъ.
Распоряженія Киевскаго и другихъ епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ.

II. Лѣтопись церковно-приходской школы.

Церковно-приходскія школы въ Россіи и въ другихъ государствахъ.
Свѣдѣнія о церковно-приходскихъ школахъ въ Киевской и другихъ епархіяхъ.
Методическія и дидактическія статьи по предметамъ обученія и воспитанія, входящихъ въ учебный курсъ церковно-приходскихъ школъ.
Мнѣнія духовной и свѣтской періодической печати о лучшей постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла въ церковно-приходскихъ и вообще народныхъ школахъ.
Рецензіи книгъ, посвященныхъ школьному народному образованію.
Корреспонденціи.
Мелкія извѣстія и замѣтки относящіяся къ школьному народному образованію.

III. Читальня церковно-приходской школы.

Объясненіе важнѣйшихъ догматовъ вѣры и нравственности православной.
Объясненіе богослуженія и важнѣйшихъ богослужебныхъ дѣйствій и обрядовъ православной церкви.
Православные праздники, ихъ исторія и значеніе.
Разказы изъ священной исторіи Ветхаго и Новаго завѣтовъ.
Житія святыхъ православной церкви.
Краткія извлеченія изъ твореній святыхъ отцевъ и учителей Церкви.
Размышленія о предметахъ вѣры и нравственности православной.
Примѣры благочестія въ разныхъ обстоятельствахъ жизни человѣческой.
Повѣсти и разказы религіозно-нравственнаго содержанія.
Разказы изъ отечественной и общей исторіи.
Описанія св. мѣстъ Востока и русскихъ святыхъ.
Притчи.

Прося у Бога помощи на предстоящій намъ трудъ, испрашивая дѣйствительнаго благословенія русскихъ архипастырей, обращаемся за содѣйствіемъ ко всѣмъ пастырямъ русской церкви и дѣятелямъ духовно-народнаго просвѣщенія. Если Господь дастъ успѣхъ нашему журналу, то мы употребимъ всѣ средства на улучшеніе изданія и на возможно большее вознагражденіе сотрудниковъ.

Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно съ 1-го Августа настоящаго года, книжками отъ 4-хъ до 5 листовъ. Цѣна годовому изданію съ пересылкою 3 рубля.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ Редакціи журнала „Церковно-приходская Школа“ въ Киевскомъ Епархіальномъ Училищномъ Совѣтѣ.

Редакторъ П. Игнатовичъ.